ISSN 0130-0105

2. 1988

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Остаться до конца
Пол Скотт

Аннотация
Пол Скотт. Остаться до конца. Роман
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая

Аннотация

Полковник Британской Армии и его жена Люси предпочли остаться в небольшом городке в Индии с его эксцентричными жителями и архаичными ритуалами после того, как страна получила независимость в 1947 году. Это интересная история о том, как двое пожилых британцев справляются с жизнью на новом месте. Роман, в основном, о старости и долгом браке, о страхе остаться в одиночестве и бедности, когда один из супругов умрет….

В 1977 году роман «Остаться до конца» получил Букеровскую премию.

Пол Скотт. Остаться до конца. Роман

Глава первая

В конце апреля 1972 года, в понедельник, примерно в половине десятого утра, полковник Смолли (Слоник) скончался от обширного инфаркта. Его жены Люси не было дома. В роковую минуту она сидела в парикмахерском салоне на первом этаже гостиницы «Шираз», нового пятиэтажного здания из стекла и бетона. Там Люси, по обыкновению, подкрашивала свои седины в голубой цвет.

«Шираз» находился в двух шагах от старой гостиницы «У Смита», прилепившейся на склоне холма. В ее флигеле, именуемом «Сторожкой», и жили уже лет десять Слоник и Люси. Маленький домик несколько отстоял от основного здания и даже был обнесен стеной. Правда, ныне стена в одном месте порушена, и к гостинице пролегла тропинка, дабы создавалось впечатление общности дома и флигеля. Воротца «Сторожки» — теперь лишь запасной выход — выводили в узкий проулок. Напротив громоздился «Шираз».

Случись кому сразу обнаружить, что Слоник умер, и незамедлительно сообщить об этом Люси, известие застало бы ее в самую неподходящую

для любой женщины минуту: в половине десятого Люси сушила волосы.

Однако покойного нашли лишь полчаса спустя, да и то случайно. Миссис Булабой, владелицу гостиницы, жившую в основном здании, стали выводить из себя завывания Блохсы, собаки Слоника и Люси. Собака выла хотя и негромко (она сидела под замком в гараже полковника Смолли), но неумолчно, и миссис Булабой послала мужа во флигель жаловаться.

Миссис Булабой утопала в складках жира и легких розовых одежд (она обожала сари самых нежных тонов, чтобы подчеркнуть белизну кожи). Жизнь у миссис Булабой была самая что ни на есть мученическая. В частности, ее мучила мигрень. В такие дни хозяйка не выходила из комнаты. Всякая работа в гостинице замирала, ибо любой резкий или громкий звук причинял несчастной непомерные страдания. Гостиницей она владела безраздельно. Мистер Булабой — лишь управляющий, которого она осчастливила, выйдя за него замуж. Весила миссис Булабой более ста килограммов — куда ему с ней тягаться.

Много лет прослужил мистер Булабой в гостинице, прежде чем она перешла в собственность его нынешней супруги. Мистер Булабой был ее

третьим, самым молодым мужем. И, как считал Слоник, самым удачливым. Вряд ли миссис Булабой дотянет до четвертого замужества: ее погубит более чем солидный вес, не спасет и более чем солидный счет в банке. Слоник обычно звал мистера Булабоя Билли-Боем — за исключением нечастых дней, когда они ссорились. По его мнению, Билли-Бой был из тех, кому судьба всегда отвешивает оплеухи — и вдруг одарила ослепительным лучом небывалой удачи, так что теперь мистер Булабой вел себя предельно осмотрительно, дабы эту удачу не спугнуть. Детей у миссис Булабой ни от одного мужа не было.

— Билли-бой, похоже, останется единственным наследником, — говаривал жене Слоник. — Кормит он свою половину просто на убой, и в один прекрасный день толстуху хватит удар.

Впрочем, миссис Булабой на аппетит и без его заботы не жаловалась. Главная задача — ни под каким предлогом не причинять супруге огорчений. А предлогов хоть отбавляй. Когда у миссис Булабой выпадали «благополучные» дни, она неуклюжей баржей проплывала по своим владениям, выискивая непорядок, а за ее тяжеловесной кормой покорно следовал супруг в опрятном, тщательно отглаженном костюме, проверяя,

точно ли исполняются хозяйкины указания, и на ходу устраняя возможные источники ее недовольства. А по «черным» дням мистер Булабой ходил на цыпочках, понуждая к этому и всю прислугу, да и редким постояльцам бывало неуютно — словно грозовая туча нависла, и, позавтракав, они спешили покинуть гостиницу.

Именно таким «черным» днем оказался последний апрельский понедельник (24 число). Гроза, видать, разразится небывалая. Миссис Булабой страдала молча, из-за плотно закрытых дверей ее спальни (бывший номер 1) по всей гостинице разносились беззвучные сигналы: будет шторм. Миссис Булабой возлежала на двуспальной кровати, занимая ее почти целиком. Порой на супружеское ложе призывался и мистер Булабой; но ночь накануне он, увы, провел в своей комнате (бывший номер 2). Некогда обе комнаты составляли номер люкс и сообщались дверью, которую мистер Булабой никогда не запирал со своей стороны, однако зачастую его робкие полночные попытки открыть ее оказывались тщетными. Но в ночь на понедельник он не предпринял даже и робких попыток. Потому что воскресенье обернулось для него сущим адом.

В половине восьмого утра личная служанка

хозяйки затребовала его из комнаты номер 2 в комнату номер 1. Звали служанку Мина, была она из местных, сызмальства служила в английской офицерской семье няней, там и получила прозвище. В 1947 году семья эта уехала в Англию. Мина дожила уже до почтенных лет, располнела, стала еще сварливее. Мистеру Булабою так и не удалось переменить ее нрав. Слушалась Мина только хозяйку, да и то не всегда. Мистер Булабой даже побаивался Мину, так как она порой жаловалась на него или на «Дирекцию», что опять-таки сводилось к его персоне. Всякий раз после этого миссис Булабой учиняла мужу скандал. А когда Мина упрямилась или своевольничала, козлом отпущения снова оказывался мистер Булабой.

— Вам, дружище, на роду написано терпеть поражения, — говаривал Слоник, — во всяком случае с женщинами. Мина к вам, видать, неравнодушна, посадить вас в лужу ей ох как приятно. Вы бы приударили за ней.

— Нет, дело не в этом. Просто у нее, очевидно, климакс.

— Тогда ее, как чудо природы, надо занести в книгу рекордов. Сколько уж лет вы про это твердите. Давайте «дернем» еще по одной.

И они «дернули» еще по одной. Было это неделю

назад, в понедельник вечером, мистер Булабой всегда с особым нетерпением ждал эти вечера. Ибо как бы скверно день ни начался, как бы плохо ни чувствовала себя супруга за завтраком, к обеду наступало непременное улучшение, и она весьма плотно подкреплялась, чтобы хватило сил скоротать долгий вечер за карточным столом в местном клубе. Миссис Булабой играла в бридж не только по понедельникам, случалось ей играть и во вторник, и в среду, и в четверг, и в пятницу, и в субботу. Но только не в воскресенье. В этот день мистер Булабой брал выходной, и миссис Булабой проверяла его работу за неделю: сверяла по счетам приход-расход. Частенько мнения супругов расходились — и как следствие скандал в воскресенье вечером, одинокая ночь мистера Булабоя и невыносимая мигрень миссис Булабой в понедельник утром.

И все же особая прелесть вечеров по понедельникам состояла не только в том, что миссис Булабой наверняка допоздна не вернется домой, но и в том, что жена полковника Смолли Люси тоже уходила в кинотеатр «Новое электро». Вот последний постоялец, отужинав, покидал столовую, и слуги начинали убирать со столов и мыть посуду, вот мистер Булабой напоминал повару,

чтобы тот приготовил для жены «перекусить» на ночь, вот Мина застилала хозяйкину постель и сама размещалась неподалеку, чтобы явиться по первому зову госпожи. Тогда-то мистер Булабой и Слоник могли посидеть за бутылочкой либо в «Сторожке», либо на гостиничной веранде, откуда лучше слышно, как возвращается миссис Булабой.

Пили очень умеренно. Слоник больше, чем Булабой, но ведь они с женой последние в Панкоте из англичан «былых времен», для которых спиртное что воздух. Мистер Булабой пил меньше отчасти из соображений принципиальных (довольно, впрочем, шатких), в основном же из-за того, что любил слушать Слоника. Тот, казалось, знал все обо всем (старые и новые сплетни, сплетни местные и международные, о деле Профьюмо, об убийстве Кеннеди, о привычке президента Джонсона трепать собак за уши, о страсти премьер-министра Хита к яхтам, о том, что побудило Англию поддерживать Пакистан в прошлой войне с Индией и Индию — в недавней, о том, что сказал Генри Киссинджер дуре-блондинке в Коннектикуте).

Много понедельников набежало за десять лет, и мистер Булабой приобщился огромному

количеству президентских монарших и правительственных тайн. Он изумлялся, давался диву: как много знает Слоник об окружающем мире. Вот бы запомнить хотя бы десятую часть рассказанного. Порой ему даже думалось: пей он, как Слоник, память работала бы лучше. Но он сдерживался, и не только из-за принципов или желания послушать Слоника, а еще и потому, что крепко помнил: не ровен час прихотливая супруга возжелает увидеть его ночью на супружеском ложе и не дай бог заметит, что он навеселе.

А настроения миссис Булабой зависели от того, выиграла она или проиграла. Чаще она выигрывала — тогда немалый выигрыш ожидал ночью и ее супруга. Но он должен был во всеоружии встретить и ее проигрыш — а за целый день игры в бридж можно спустить немало. Тогда жена чувствовала себя ненужной и нелюбимой в мире зла и обмана. Мистера Булабоя переполняла жалость, и после бурных и продолжительных ласк супруги прочувствованно, со слезами на глазах, клялись друг другу в любви, любви вечной, над которой не властно время. О тех ночах, когда миссис Булабой после бриджа оставалась «при своих», вообще сказать нечего — они бывали очень скучны. Нередко, правда, проигрыш плюс

плотная полночная «закуска», плюс неистовое совокупление, плюс светлые слезы умиления давали такой результат: назавтра хозяйка вообще не могла подняться с постели.

* * *

Нынешний понедельник, судя по всему, не сулил мистеру Булабою приятной вечерней встречи с полковником в отставке Смолли. Похоже, не удастся отвертеться от неприятнейшего дела — писать УВЕДОМЛЕНИЕ. Когда Мина позвала мистера Булабоя в номер 1, он беспрекословно повиновался и через минуту уже стоял, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, у постели жены. Вызову он не удивился, еще с четверть часа назад он слышал через стенку ее стоны и сразу же приказал слугам не шуметь.

— Не послать ли, Лайла, за доктором Раджендрой? — шепотом спросил он. Они и меж собой разговаривали по-английски, так как разобрать, что она тараторит на своем пенджабском диалекте, было невозможно.

Она беззвучно пошевелила губами — не надо. Он видел лишь губы и усики жены. Она лежала на спине, стиснув виски ладонями.

— Может, за доктором Тапоревалой? Или за

доктором Бхаттачарией? — вспомнив последнего, мистер Булабой даже облизнулся.

Доктор Раджендра больше доверял западной медицине, доктор Тапоревала полагался на народные средства, а доктор Бхаттачария лечил иглоукалыванием. Однажды он взялся за неделю избавить миссис Булабой от мигрени и утыкал ее необъятное тело множеством иголок. Незабываемое зрелище!

— Не надо доктора, — прошелестела она. — Ты написал Уведомление?

— Сейчас напишу.

— Поторопись! И принеси мне, я подпишу.

— Лайла, дорогая, стоит ли тебе утруждать себя всякими пустяками. Я-то здесь для чего?

— Вот и я порой себя о том же спрашиваю.

Мистер Булабой на цыпочках вышел из комнаты и, также на цыпочках, вошел снова.

— Лайла, Уведомление придется напечатать на машинке.

— Ну, разумеется.

— Но она ж будет стрекотать.

— Что ж, каждый должен нести свой крест.

Мистер Булабой лишь кивнул.

Он вернулся к себе в комнату и прошел к двери в столовую (туда выходили двери всех номеров).

Это была унылая, с зелеными стенами и без окон комната; из бронзовых плевательниц, приспособленных под цветочные горшки, торчали чахлые пальмы, словно охраняя столы, застеленные несвежими скатертями. Скудный дневной свет просачивался лишь из соседней гостиной — окна ее выходили на веранду. Меж столовой и гостиной и прилепился кабинет мистера Булабоя — крохотная стеклянная будочка, откуда он мог обозревать обе комнаты. То была святая святых мистера Булабоя. Под потолком висела электрическая лампочка без абажура. Узкая дверь в «кабинет» вряд ли позволила бы проникнуть туда миссис Булабой, а внутри царил такой беспорядок, что случись хозяйке протиснуться в дверь, то некуда было бы ступить, выходить же ей пришлось бы пятясь. Мистер Булабой затворил дверь, опустил стеклянную панель (обычно поднятую, ибо так он мог непосредственно общаться с клиентами, то есть выслушивать претензии, жалобы, улаживать конфликты), уселся во вращающееся кресло, вставил в престарелый «ремингтон» два листа с гостиничным вензелем, лист копировальной бумаги и написал: «24 апреля 1972 года. Многоуважаемый полковник Смолли!» Напечатав, остановился.

Из номера по соседству доносилась музыка. Мистер Булабой бесшумно выпорхнул из кабинета, постучал в дверь, открыл, застав врасплох мистера Панди: тот сидел в позе лотоса с закрытыми глазами и в полном блаженстве, чему, очевидно, способствовало громкое пение Рави Шанкара (или кого-то наподобие) по первой программе радио.

Для мистера Булабоя не существовало иной музыки, кроме христианских гимнов. Он выключил радио, мистер Панди открыл глаза и увидел, что его гость мимикой и жестами пытается представить состояние своей супруги в первое утро недели. Мистер Панди вздохнул, покачал головой, закрыл глаза и вновь предался самоуглублению. Лицо его, правда, вместо былого блаженства выражало теперь крайнюю сосредоточенность.

Мистер Панди служил в юридической конторе в Ранпуре, которая вела весьма запутанные дела миссис Булабой. В гостиницу он наезжал раза два в месяц, на день-другой, привозил различные документы. Содержали и кормили «У Смита» его бесплатно, так что мистер Булабой выключил транзистор без особых угрызений совести. В недобрый час появился мистер Панди! Ведь

ему предстоит увезти в Ранпур вместе с другими бумагами и копию Уведомления! Мистер Булабой вернулся к себе в кабинет, вытащил из машинки начатое письмо, вставил чистые листы (теперь уже в трех экземплярах, исправив первоначальную оплошность) и напечатал заново: «Многоуважаемый полковник Смолли!» Опять остановился, видимо дожидаясь вдохновения, но, так и не дождавшись, с тяжелым сердцем продолжил. Закончил он учтивым «Искренне Ваша Лайла Булабой».

Было почти 8 часов утра.

Раньше, когда еще не было рядом «Шираза», в это время «У Смита» начиналась горячая пора: прибывал поезд из Ранпура. Всю ночь он тащился по одноколейке, вилявшей по холмам. И «Дирекция», и прислуга в полной готовности ждали гостей, заказавших номера заранее, а также и тех, кто мест не заказывал, — все они появлялись этак в половине девятого на такси и в колясках. Пока новые постояльцы с аппетитом завтракали, вещи отъезжающих уже выносили на веранду — поезд в Ранпур уходил в полдень. Такие порядки установились еще в былые времена раджей. С тех пор многое переменилось: добрая година сменяла лихую; порой беда казалась неминуемой; порой

приходилось сокращать расходы; порой вдруг возгорались надежды. Всякое пережил Панкот: и расцвет, и упадок, и вновь расцвет. Однако маленькая гостиница, судя по всему, доживала последние дни.

По-прежнему в восемь утра приходил поезд из Ранпура. Через полчаса мистер Булабой мог, сидя на веранде, прикинуть, сколько прибывает в «Шираз» народу, сосчитать такси, двигавшиеся по узкому проулку. Около маленькой гостиницы они круто сворачивали к подъезду «Шираза». Гостей бывало, правда, не так уж и много. Большая часть приезжих добиралась до местечка к обеду либо на своих машинах, либо на автобусе индийской авиакомпании из Нансеры, где был аэропорт.

Аэропорт в Нансере построили несколькими годами раньше, чем «Шираз», поэтому хоть и недолго, но «У Смита» царило благоденствие. Самолет из Ранпура до Нансеры летел полчаса, оттуда до Панкота пассажиров довозил автобус. Целый час полз он по извилистой дороге меж холмов до маленького селения. Любители живительного горного воздуха, приезжавшие на субботу и воскресенье, конечно, предпочитали самолет. Неразумно ради двух дней целую ночь

трястись в поезде и потом шесть часов днем — обратно. «У Смита» автобус высаживал пассажиров и забирал в аэропорт улетавших. Авиакомпания даже разместила в гостинице (что было очень кстати) свою контору, но потом перевела ее в «Шираз». До чего ж несправедливо, вздыхала миссис Булабой. «Шираз» и без того велик — в пять этажей, а теперь постояльцев еще больше будет: и государственные мужи, и дельцы, и скучающие богачи, и суетливые чиновники. Приезжали даже кинозвезды и режиссеры. Раипурская кинокомпания «Эксцельсиор» снимала в Панкоте эпизоды нового фильма и заняла весь пятый этаж в этой новомодной уродине.

Местный люд проявил изрядное любопытство к артистам: их поджидали у гостиницы, за ними следовали даже на натурные съемки, хотя путь был неблизкий — артистов возили на машинах на дальний склон Восточного холма. Порой весь поход оканчивался впустую: актриса-героиня оказалась с норовом и иногда целый день не показывалась из своего номера люкс, принимая только свою свиту, рекламного агента да репортеров светской хроники.

Когда кончала капризничать она, не в духе оказывался герой, и съемка прерывалась иногда

на несколько дней кряду. Из Ранпура даже приезжал владелец кинокомпании, угрожая судом за нарушение контракта, на что в ответ молодой режиссер — поборник реализма — тоже показал норов и заявил, что место для съемок не годится.

Съемочная группа уложила вещи и убралась восвояси.

* * *

Ровно неделю назад, в понедельник, Слоник и мистер Булабой со смехом говорили о тех днях. И сейчас, вспоминая ту беседу, мистер Булабой улыбался. Под окном появилась Мина с протянутой рукой. Явилась за Уведомлением. Мистер Булабой кивнул на пишущую машинку с листком бумаги и показал на пальцах что ему нужно еще четыре минуты. Часы показывали восемь тридцать.

Пять минут спустя он понес письмо жене — больше тянуть было нельзя. А еще через пять минут вернулся в «кабинет» и вставил в машинку чистые листы: Уведомление придется переписать, Лайле оно не показалось. Начал он немного иначе; «многоуважаемого полковника Смолли» урезал до «уважаемого» и закончил по-другому: Лайла Булабой из «искренне Вашей» превратилась во «владелицу гостиницы Л. Булабой с

приветом». Заискивающе-стыдливые три абзаца меж началом и концом пришлось урезать до одного, сурового. Несколько раз мистер Булабой перепечатывал письмо, наконец решил: в таком виде ей должно понравиться. В начале десятого суровое Уведомление было написано.

Он вновь понес его жене. Прочитав, она простерла руку, мистер Булабой вложил в нее авторучку («Паркер-61»), помог болящей приподняться, чтобы подписать документ.

— Я сейчас же его и отнесу, — предложил он.

— Позови Мину. Пусть она сходит.

Мистер Булабой не посмел ослушаться. Вложил Уведомление в конверт. Пришла Мина. Миссис Булабой лично сунула ей в руку конверт.

— Отнесешь полковнику Смолли. Сейчас же!

Мина молча взяла письмо. Мистер Булабой направился было следом за ней, но его остановил властный окрик супруги:

— Сделай-ка мне массаж шеи!

Даже в этом занятии мистер Булабой углядел нечто эротическое; минут через пять он уже преисполнился было надеждами, но супруга постановила:

— Хватит! Возвращайся в кабинет. Может, скоро придет полковник Смолли. Объясняться

с ним тебе!

* * *

Мистер Булабой вышел из комнаты Лайлы, а из номера 7 показался мистер Панди с портфелем в одной руке, со стаканом апельсинового сока — в чем состоял весь его завтрак — в другой. Завтракал он, по обыкновению, в будке, где некогда помещалась контора авиакомпании. Мистер Булабой дошел следом за ним до веранды, посмотрел, как тот устраивается «на завтрак», послушал, не взвоет ли опять радио. Но до него донесся лишь щелчок, другой. Он постоял еще немного, опершись о спинку кресла, на котором сиживал вечерами по понедельникам Слоник.

— И почему мне выпадает всегда самая дерьмовая работа? — спрашивал себя мистер Булабой и сам себе отвечал: — Да потому, что я в этой гостинице нечто вроде балки, или стены, или двери.

А балки да стены в гостинице и впрямь уже гроша ломаного не стоили. Осыпалась штукатурка, двор запущен. В отличие от своего предшественника, господина Пилаи, миссис Булабой отводила делам по хозяйству далеко не первое место. А что у нее на первом — оставалось для ее супруга загадкой. Мистер Панди куда более осведомлен о

ее делах. Мистер Булабой метнул на маленького господинчика испепеляющий взгляд и в который раз задумался: а не чрезмерно ли дарит жена мистера Панди своим расположением?

— Эй, Дирекция!

— Что случилось, Мина?

— Вам, Дирекция, похоже, сейчас же надо идти в «Сторожку» и приструнить их, чтоб не шумели.

— А кто шумит?

— Ихняя собака.

— Никакой собаки не слышу. — Он повернул голову: и впрямь воет.

По мнению хозяйки, сказала Мина, собаку снова заперли в гараже — либо мистер и миссис Смолли в очередной раз поругались, выясняя, чья же это собака и кому с ней гулять, либо полковник не в духе из-за Уведомления.

— Ты передала его в руки полковнику?

Мина ответила, что отдала слуге, Ибрагиму.

— А полковник был дома?

Да, Мина видела его, он сидел на веранде и завтракал.

— А жена?

По словам Ибрагима, госпожа ушла в парикмахерскую. А еще он сказал Мине, что, когда госпожа вернется, будет страшный скандал, так

как господин уже в который раз уволил Ибрагима, и хотя он, Ибрагим, больше не служит у полковника, Уведомление все же передаст, когда будет уходить, то есть незамедлительно, ибо сахиб приказал «выметаться» тотчас же. В этом году Ибрагима увольняли (то господин, то госпожа) уже трижды; но на этот раз сахиб даже выдал ему месячное жалованье. Ибрагим собирался уложить вещи и расположиться с ними у «Шираза». Выйдет из парикмахерской его голубоволосая госпожа, увидит Ибрагима, спросит, почему без дела сидит. А в парикмахерскую госпожа пошла затем, чтобы подкрасить волосы. Как объяснил Ибрагим Мине, мистер и миссис Смолли со дня на день ждут гостя.

— Англичанина! — добавила Мина, сложила руки на груди и ухватила себя за локти.

Мистер Булабой поднялся с места.

— Так мне надо пойти приготовить номер.

В «Сторожке» у полковника свободной комнаты не было. И в тех редких случаях, когда к Смолли приезжали гости, они останавливались в гостинице.

— Сначала уладьте с собакой! — напомнила Мина. — Номер успеете приготовить.

— К черту собаку! — отмахнулся было мистер

Булабой, но тут Блохса завыла громче, уже с отчаянием. Из комнаты миссис Булабой донесся вопль, и Мина поспешила к хозяйке. Мистер Булабой немного постоял в нерешительности, затем сбежал вниз по лестнице и направился к «Сторожке». Из двух зол нужно выбирать меньшее: Слоник не так гневлив, как миссис Булабой. К тому же, вдруг Ибрагим не передал Уведомление лично полковнику, а положил куда-нибудь в неприметное местечко, где Слоник не скоро его и обнаружит.

Как бы там ни было, однако мистер Булабой сразу увидел, что письмо без конверта — значит, прочитано. Его сжимал в правой руке полковник Смолли, лежавший на клумбе пламенеющих канн.

Глава вторая

Умер полковник Смолли все-таки в половине десятого, а, скажем, не двадцатью минутами позже — тогда-то Блохса (так индийцы выговаривали ее истинную кличку, Блакшо, по фамилии прежних хозяев) перестала скулить и принялась выть, отчего взвыла у себя в комнате и миссис Булабой. Все считали собаку глупой, вряд ли она почувствовала, когда душа хозяина простилась с телом. Да и доктор Митра, пользовавший полковника, установил, что смерть наступила мгновенно, так как инфаркт был чрезвычайно обширным.

А за двадцать минут до этого, примерно в 9 часов 10 минут, Слоник втащил Блохсу в гараж и запер, потом заявил Ибрагиму, что тот уволен и чтобы выметался тотчас же. Полковник сразу и рассчитал его. Было это в 9.15.

Ибрагим запомнил время, так как, получив деньги, взглянул на часы: долго ли еще Люси-мем пробудет в парикмахерской, долго ли еще ему ждать, когда она начнет с хозяином переговоры о том, чтобы вернуть его, Ибрагима. А вдруг она и слова за него не замолвит? Ведь хозяин дал

расчет — это могло быть зловещей вариацией на привычную тему «Пошел вон!».

Ибрагим еще несколько минут послонялся по двору, небось сейчас хозяин заорет:

— Где яйцо к завтраку?

Но слышались лишь частые удары в гаражную дверь: ее, точно боксер «грушу», молотила лапами Блохса. Потом Ибрагим пошел на задний двор разыскивать садовника-мали. Некогда его привел Ибрагим, сейчас он же и уведет. Мали, конечно, важный козырь для Ибрагима. Однако он встретил не работника, а Мину, служанку госпожи Булабой. Та, видать, искала именно его, а увидев, сунула ему письмо.

— Ох, беда! — только и сказала она, указав на конверт.

— Тем лучше! — воскликнул Ибрагим. Он рассказал, что его уволили, Мина, прикрывая рот ладошкой, посмеялась вместе с ним над причудами судьбы и ушла. Ибрагим сразу же понес письмо сахибу, ожидая всякого: могут и чашкой запустить, могут и тепло улыбнуться. Слоник всегда был непредсказуем, а после болезни и подавно, но уж лучше получать расчет от него, чем от госпожи. Мем-сахиб, рассчитав Ибрагима, несколько дней не видела и не слышала его, не

замечала вовсе, словно одного ее приказа было достаточно, чтобы Ибрагим исчез бесследно. И самые долгие периоды «вынужденного простоя» выпадали тогда, когда его увольняла госпожа полковница. Полковник, хоть и угрожал «расправой», был сущим агнцем по сравнению с женой: он нападал всегда открыто, а госпожа брала измором. Даже когда ей случалось защищать Ибрагима от нападок полковника, сам Ибрагим принимал ее покровительство опасливо.

— Вам, сахиб, письмо, — объявил он, — только что доставили.

— Я же приказал тебе убираться! Получил деньги и проваливай! Живо!

— Письмо от Дирекции, — добавил Ибрагим и положил письмо на стол, за которым завтракал полковник. — Больше беспокоить не буду. Так уж, как последний долг исполняю. Видно, и впрямь разверзаются небеса и грядет конец света. Так написано. Прощайте, салам алейкум.

Он ушел в дом, прислушиваясь. Вот сейчас с веранды донесется шелест бумаги: полковник вскроет конверт. Ибрагим догадывался, о чем письмо. Уже с месяц прислуга в «Ширазе» и «У Смита» судачила, что станется со «Сторожкой», да и со всей маленькой гостиницей. Поначалу шли

слухи, что консорциум, владеющий «Ширазом», намеревается купить гостиницу у миссис Булабой и «модифицировать» ее. Потом слухи переменились: будто миссис Булабой удалось посеять раздор меж хозяевами «Шираза» с тем, чтобы самой войти в число совладельцев гостиничного объединения. Кроме «Шираза» туда входили и новые гостиницы в Ранпуре, и в Майапуре, и еще одна — в Мирате («Миратский озерный дворец»). Консорциуму также принадлежало несколько ресторанов пенджабской кухни. Все члены консорциума перебрались в Индию в сорок седьмом из Западного Пенджаба, отошедшего после провозглашения независимости к Пакистану. По их словам, в Индии они оказались без гроша в кармане. Кажется, и первый муж миссис Булабой приехал из тех краев, потеряв все — после столкновений между мусульманами и индусами. Прислуга «У Смита» и «Шираза» сошлась во мнении, что ныне уже не сыскать западного пенджабца «без гроша в кармане». Былая голь изрядно разбогатела. «Проклятые иммигранты» — так их порой называл Ибрагим.

Но шороха бумаги Ибрагим так и не услышал. Блохса завыла, не прекращая бить лапами в дверь. Еще Ибрагим услышал, как полковник

крикнул: «Сука! Сучье отродье!» — заскрипело плетеное кресло, полковник поднялся. Ну, сейчас он разнесет миссис Булабой в пух и прах.

Ибрагим улыбнулся. Он больше в этом доме не служит, какое ему дело до того, что «Сторожка» осталась пустой: полковник вышел парадным ходом, а он, Ибрагим, — черным. На заднем дворе, где находились помещения для прислуги, он увидел мальчишку-мали, тот чинил прохудившийся бак.

— Бросай работу, — приказал он. — Нас уволили. Мы с тобой одной веревочкой связаны.

— А когда нас снова примут?

Этот мали еще и месяца не проработал, но систему уже знал: Ибрагим объяснил, что к чему.

— Может, и вовсе на этот раз не примут. Пошли. Поможешь мне вещи уложить, да и свои соберешь.

— Мне тоже уходить?

— Конечно.

— А куда же мы пойдем?

— К «Ширазу».

— Наниматься на работу?

— Нет. Мы сядем около входа, мем-сахиб выйдет, мы с ней поговорим.

Мали отодвинул бак, но с земли не поднялся.

Карие глаза потемнели — видно, парень крепко задумался.

— Ибрагим, а почему, когда гонят тебя, и мне нужно уходить?

— Я уже объяснял. Сейчас некогда повторять.

— А как насчет денег?

— А что — «насчет денег»? Разве я сказал, что увольняю тебя? Ты еще у меня на службе. По крайней мере до конца месяца. Тогда о деньгах и поговорим.

— Если нас выгнули, где ж мы жить будем? Что будем есть?

— Не «выгнули», а «выгнали». Ты должен хорошо по-английски говорить, если хочешь за границу поехать. И не задавай вопросов, что будет, то и будет. Аллах милостив.

Хижина, где жил Ибрагим, помещалась за железным гаражом — постройкой сравнительно недавней. «Сторожка» всегда считалась жилищем скромным и тесным, соответствовали ей и помещения прислуги: где во времена раджей поселили бы лишь одного холостяка, теперь ютилось шесть семейств. Во дворе некогда стояло несколько хижин, в одной помещалась кухня. Приличнее других выглядела сейчас хижина Ибрагима, остальные завалились, а о кухне на-

поминала лишь кучка почерневших кирпичей, С тех пор как «Сторожка» стала частью гостиницы, в ней устроили современную кухню, однако чета Смолли редко ею пользовалась, разве что когда приезжали гости. Обычно они столовались в самой гостинице или посылали Ибрагима за обедами в ресторан.

Порой сахибу приходила блажь, он отправлялся на базар за снедью и готовил сам несусветные блюда, картошка у него вечно подгорала, жаркое получалось переперченным и пересоленным. Ибрагим выучился заваривать чай, поджаривать гренки, делать яичницу, выжимать из фруктов сок, следить, чтобы в холодильнике не переводилось масло и молоко, а зимой по утрам ему доверялось варить кашу, чтобы согреть своих престарелых хозяев. Случись кому из них занемочь, Ибрагим, не жалея сил, выхаживал больного, исполнял любые поручения. Хотя он и был много моложе супругов Смолли, но относился к ним как любящий и заботливый (хотя и строгий временами) отец к капризным, несмышленым детям: их разумнее ублажать, а не ругать.

Три месяца назад он окончательно избаловал стариков: тогда впервые за свои семьдесят с лишком лет сахиб серьезно заболел, и доктор Митра

велел лежать в постели либо дома, либо — что было б лучше всего — в больнице.

— Дерьмо ваша больница! Да и постель дерьмо! — горячился Слоник. — Ибрагим присмотрит за мной, да и Люси, если, конечно, удосужится оторвать задницу от стула.

На сахиба приятно работать еще и потому, что изо дня в день все глубже проникаешь в чарующее многообразие английского языка. Изысканность его покоряла Ибрагима с юности, даже с детства, прошедшего в Мирате. Лишь месяц-другой, проведенные в Лондоне (Северный район, Финсбери-парк), несколько умерили его восторг: там английский звучал как-то по-иному. Впрочем, там было полным-полно греков.

Слоника уложили в постель, а Ибрагим несколько дней кряду бормотал, словно заклинание: «Постель — дерьмо, оторви задницу от стула». Несколько дней им с Люси-мем то вместе, то порознь приходилось ходить за продуктами для Слоника, выбирая те, которые быстрее вернут больному силы и никоим образом не скажутся на кровяном давлении. Так же то вместе, то порознь колдовали они над электрической печкой в «Сторожке», которой раньше почти не пользовались, и приноровиться к ней оказалось очень

трудно, внутри словно сидел злой джинн; как ни бились Ибрагим с Люси-мем (неважно, вместе ли, порознь ли), печка то изрыгала дым и пламя, то оставалась холодна, как гробница Акбара[1]. Сахиб лежал либо в спальне, либо на веранде. Он бывал то необъяснимо тих и покорен (по разумению Ибрагима, очевидно, господин понял, что паломничества в Мекку ему уже не совершить), то буен и пуглив: проклинал бульон, жену, Ибрагима, доктора Митру, гостиницу «Шираз» — по утрам эта пятиэтажная уродина загораживает солнце, а днем от нее пышет жаром, и редкий полуденный свежий ветерок не достигает маленькой соседки «Шираза». В основном гневные речи Слоника обращались к миссис Булабой; ее старший мали должен был ухаживать за садом при «Сторожке», за огородом и за чахлыми цветами в вазонах на гостиничном дворе. Ибрагим был, так сказать, личным слугой Слоника и Люси, а подметать двор и следить за садом вменялось в обязанность гостиничной прислуге, это входило в плату за жилье.

Пока Слоник болел, хозяйский мали ни разу не появился в «Сторожке». Пришел в запустение

[1] Примечания: 1

Акбар Джелаль-ад-дин (1542–1605) — правитель Могольской империи (1566–1605). (Здесь и далее прим. перев.)

газон, увяли канны. Вот-вот поглотят «Сторожку» джунгли.

— За кого миссис Булабой меня принимает? — кипятился Слоник. — За спящую красавицу? Придет, разбудит через сто лет, прорубив себе путь сквозь чащобу? Что она, мнит себя волшебным принцем, черт ее дери! Вот вернется ее Билли-бой, я им обоим кишки выпущу!

— О чем это сахиб говорит? — спросил Ибрагим у мем-сахиб.

— Ни о чем. Он бредит, — ответила та. — Но насчет мали нужно что-то решить. Пока сад запущен, полковник-сахиб не поправится.

Ибрагим держался другого мнения. Он служил у Смолли на протяжении многих, весьма любопытных и беспокойных лет, и потерять хозяев сейчас посчитал бы преждевременным. Ведь он служил в последней из английских семей в Панкоте, да и сам побывал в Англии, поэтому несколько выделялся среди прочих слуг. Случись Слонику сейчас умереть, Люси-мем, конечно же, поедет на родину. Поэтому Ибрагим рассудил, что запущенный сад — единственное, что разжигает в Слонике гнев, а следовательно, и жизнь. Слоник из тех, кому как воздух всегда нужен повод для недовольства. Частенько он эти поводы при-

думывал сам. А сейчас и придумывать не надо: повод тут как тут — ругайся на здоровье! Окажись сейчас под окном мали, начни он стричь газон да поливать канны, кругом тишь-благодать, тоска зеленая, не ровен час — помрет Слоник.

Иногда, испытывая унижение и одновременно умиляясь душой, Ибрагим выливал на канны ведро воды, даже собирал для полковника букетик ноготков и ставил в вазу у постели. Но к косилке он не прикоснется! Он все-таки главный слуга в доме, а не садовник. И конечно, прав Слоник, что заниматься газоном — дело мали да его помощника, который таскает на веревках старую косилку.

— Садовник нам полагается по договору! — возопил в один прекрасный день Слоник. И Люси-мем, выйдя из себя, пренебрегла советом Ибрагима подождать, пока вернется из своей таинственной поездки в Ранпур мистер Булабой, отправилась на битву с миссис Булабой — такого Ибрагим за все время службы припомнить не мог.

— Я никогда не вмешиваюсь в хозяйственные дела, — как-то раз сказала ему мем-сахиб тоненьким смиренньким голоском. — Ума для этого не хватает.

Ибрагим лишь иронически усмехнулся. Мем-

сахиб бывала дьявольски дотошна, когда ей приходилось проверять цены и считать принесенную Ибрагимом сдачу. А если миссис Булабой в чем и шла на уступки Слонику, заслуга в этом принадлежала «жалкому умишку» Люси-мем — так самокритично она себя оценивала. Благодаря «жалкому умишку» два года назад в «Сторожке» появился новый холодильник, тогда же починили гаражную дверь, на двух унитазах, царственно возвышавшихся на постаменте в ванной, сменили сиденья, мошенник-дворник даже клялся, что не раз видел, как полковник с супругой восседали на этих тронах бок о бок. Каков враль, а?!

Поэтому, когда Люси-мем отправилась к миссис Булабой выговаривать себе садовника, Ибрагим не сомневался, что она вернется с трофеем — слугой-мали.

Однако Люси-мем сказала, что старый мали ушел и служит теперь в «Ширазе». И что теперь делать — ума не приложу. Придется, видно, подождать.

Ибрагим ожидал упрека, дескать, мог бы и нас предупредить, что мали больше нет. Но Люси-мем его не упрекнула, и, поразмыслив, Ибрагим понял, что он и сам-то не очень ожидал упрека. Удивительные люди сахиб и мем-сахиб! Полно-

стью, как и многие старики, поглощены собой. Живут в мире своих представлений, им и дела нет, что случилось со старым мали, а спроси они, Ибрагим бы рассказал. Однако сахиб только ворчал, что мали как не было, так и нет, а мем-сахиб только слушала вполуха его воркотню, пока не решила, что ему вредно волноваться.

Конечно, старый мали ушел не по доброй воле, его рассчитали. По сути, из «соображений экономии», как называла перестройку своего хозяйства миссис Булабой, объяснила же его отставку тем, что мали, дескать, продает часть урожая, отчего «У Смита» случаются непредвиденные перебои с овощами и ничего не ведающему мистеру Булабою приходится покупать свои же овощи на базаре. Доказать виновность мали миссис Булабой не могла, она руководствовалась лишь внутренним убеждением. А ее внутреннее убеждение должно и для окружающих стать мерилом истинности. Ее приговор всегда окончателен, обжалованию не подлежит. И повинен-то старый мали был лишь в том, что посягнул на законную часть им же самим в поте лица выращенного и собранного урожая. Мали копался на огороде с утра до вечера, а выпадала свободная минута, и он, к неудовольствию миссис Булабой, «прохла-

ждался», постригая газон у «Сторожки», теперь же при гостинице остался лишь помощник мали, хромоногий и кривой на правый глаз парень. Он едва-едва управлялся, пропалывая клумбы меж выложенных камнем дорожек. Впрочем, от клумб осталось одно название. Похоже, миссис Булабой только и ждала удобного случая, чтобы рассчитать и этого беднягу. Вечно она так, думал Ибрагим: сама людей гонит, а Люси-мем говорит, что они по своей воле уходят.

* * *

Старого мали рассчитали как раз в тот день, когда заболел сахиб, а накануне его приятель и собутыльник мистер Булабой уехал в Ранпур якобы по поручению жены. Слугам выпала редкая возможность посудачить: а не рассчитали ли самого мистера Булабоя? Или, может, он ушел к другой женщине? Например, к танцовщице-певице из ранпурского ресторана Изюминке Чичанье; поговаривали, что мать у нее русская, а отец — афганец. Старший слуга «У Смита» видел газетную вырезку с фотографией Изюминки Чичаньи на двери кабинета (изнутри, конечно), и каждый из мужской половины прислуги заглядывал в отсутствие хозяина в кабинет, чтобы

вдоволь налюбоваться красоткой.

Симпатия мистера Булабоя к Изюминке пробудилась еще с той поры, когда она приезжала с программой в самое первое в Панкоте кабаре — «Горный зал» гостиницы «Шираз». Злые языки, правда, утверждали, что Чичанья осталась весьма недовольной («Зал с гулькин нос, а гор нет и в помине»). Прислуга «Шираза» не очень лестно отозвалась о голосе Изюминки («лягушку и ту приятнее слушать»), зато по достоинству оценила роскошные формы Чичаньи («груди ровно дыни»). Даже плохая газетная фотография не смогла скрыть это неоспоримое достоинство певицы.

Прислуга «Шираза» поведала также коллегам «У Смита», что Изюминка поистине ненасытна в любви, и у нее в постели всегда лежит иллюстрированное издание «Кама Сутры», дабы разжечь затухающую к утру страсть ее любовников. Частенько постояльцы гостиницы жаловались, что их часа в три утра будил стук каблуков и щелканье кнута, который обычно актриса использовала в танце «казачок». Особенно бывали недовольны родители, навещавшие своих сыновей-студентов Чакраварти-колледжа, заведения благонравного и по-английски пуританского; помещалось оно в бывшей «Летней резиденции».

Жалобы, однако, не подействовали. Изюминке Чичанье очень благоволили двое молодых людей — племянники влиятельнейшего в консорциуме человека. Чичанья, как утверждали слухи, любила худых мужчин, чем худее — тем лучше, а возраст не помеха. Поэтому и мистера Булабоя нельзя вычеркнуть из списка соискателей. В кабаре «Шираза» он побывал дважды. А теперь он был в Ранпуре, где Изюминка выходила на сцену каждый вечер.

— Бедный хозяин, — вздохнул повар, когда наконец до него дошло, что побудило мистера Булабоя отправиться в Ранпур. — Да откуда ж у него столько сил?

Три недели спустя мистер Булабой вернулся. Был он молчалив, но в глазах довольство. Видать, добился своего, заметил повар. В первое после приезда воскресенье он не появился в церкви святого Иоанна, столпом которой считался. Фрэнсис Булабой был христианином с пеленок. Какой веры держалась его жена, никто не знал. Она столько раз меняла мужей, что ее девичья фамилия канула в Лету. Какой бы то ни было религией она не интересовалась, равно как и жизнью вечной, предпочитая жизнь сегодняшнюю и заботясь лишь о том, как бы устроиться в

ней получше.

Сразу по приезде мистер Булабой на два часа заперся в комнате супруги, и, судя по несмолкающим голосам, говорили скорее всего о делах, вряд ли мистер Булабой изливал свою любовь к жене или покаянно рассказывал о своем грехопадении. Выйдя от супруги, он принялся за привычные дела с присущей ему сдержанной деловитостью. Разница лишь в том, что, сев за машинку печатать, он тихо выругал кого-то за разбитую тарелку, взор же при этом был рассеян.

— Ну, кажется, пронесло, — пожилой старший слуга употребил любимое словечко Ибрагима, — значит, и нам не страшно.

Перебирая грязные носки, рубашки, трусы мистера Булабоя, посыльный от дхоби [2] принюхивался: нет ли чужого запаха, окончательно подтвердившего бы, сколь бурные ночи проводил мистер Булабой с танцовщицей. От своего отца мальчик-посыльный узнал, что дхоби испокон веков первыми чуют измену в любой семье. Но лишь однажды уловил он непривычный запах: на запах любимого хозяином мыла не похоже. Тонкий-тонкий аромат исходил от красивых

---

[2] Примечания: 2
Мужчина-прачка.

узеньких трусов, — может, правда, просто пахло новым, незаношенным бельем. Очевидно, трусы эти мистер Булабой купил в Ранпуре и еще не стирал. Стоит ли из этого делать далеко идущие выводы?

Лишь вечером мистер Булабой показал, что знает об увольнении мали и о болезни сахиба. Никто из прислуги и словом не обмолвился об этом, пусть лучше хозяин сам обо всем узнает. В пять часов он прошел на задний двор, осмотрел огород, затем, будто направляясь навестить больного, подошел к пролому в стене, откуда был виден двор «Сторожки», постоял, заложив руки за спину, посмотрел на заросший газон — так смотрят на следы недавней катастрофы, о которой знали лишь понаслышке, и теперь любопытно увидеть все воочию, сознавая свою непричастность.

Ибрагима он не заметил: тот стоял затаившись, не спуская с мистера Булабоя глаз. О его приезде Ибрагим знал с самого утра, но своим хозяевам ничего не сказал, ибо в тот день без видимых причин оба вдруг перестали разговаривать с окружающими, лишь отдавая самые необходимые распоряжения. Такое случалось редко; чаще супруги Смолли не разговаривали друг с другом и общались только через Ибрагима; случалось, что

кто-то из них обижался на Ибрагима, тогда другому выпадала роль посредника. Тройственное молчание воцарялось без какой-либо видимости причины и повода.

Итак, Ибрагим не оповестил хозяев о возвращении мистера Булабоя, но с нетерпением дожидался, когда тот появится сам, прослышав, что друг его еще толком не оправился после серьезной болезни. А еще Ибрагиму не терпелось присутствовать при непременном скандале из-за сада. Он прямо расстроился, увидев, что мистер Булабой повернулся и пошел прочь от пролома в стене.

— Трус! — сплюнул он и поднялся с земли. Мемсахиб еще отдыхает. Сахиб заснул на веранде над документами, которые он извлек из обшарпанной черной шкатулки, — за последние дни оттуда словно из ящика Пандоры вылетел целый сонм бед.

* * *

— Садовник нам полагается по договору! — завопил Слоник, как только его перевели из спальни на веранду и взору его предстало трехнедельное садовое запустение. — Неси сюда шкатулку!

— Не все ли равно, дорогой, полагается или нет, — успокаивала жена, поглаживая его по лысеющей голове и одновременно потчуя бульоном, — главное — не волноваться. Подожди, вот приедет Билли-бой. Узнает, что старый мали ушел, и тут же наймет другого. Вот увидишь. Какой толк беспокоиться о саде, если из-за этого тебе хуже? Сад тебя еще порадует, дай срок, встань сначала на ноги, а за это время, глядишь, и с садовником все уладится.

— Какую чушь ты несешь! Как дурой была, так дурой и осталась!

— Хорошо, Слоник, пусть я дура, пусть я несу чушь — меня уж не переделаешь.

— Ты принесешь мне эту чертову шкатулку или нет?

— Сначала доешь бульон, потом поговорим о чертовой шкатулке. А будешь пай-мальчиком, съешь все без остатка, а потом баиньки, тогда, может, получишь к чаю вкусненького печеньица. Верно, Ибрагим?

— Вкусненького не осталось, мем-сахиб. Только диетические галеты.

— Ну, значит, Слоник, получишь к чаю вкусненькую галетку.

— С ума сойти!

— От чего же?

— Да от того, что семидесятилетняя старуха лепечет, как семилетняя кроха.

В пять часов Ибрагим отнес чай и тарелочку с диетическими галетами в спальню, где после завтрака уединился разобиженный Слоник. Для Люси-мем — чай на веранду: она сидела, скрестив ноги, покойно сложив руки на коленях и задумчиво глядя на некошеный газон.

— Спасибо, Ибрагим, — сказала она, не отрываясь от своих дум. На одном чулке у нее спустилась петля, туфли, хотя и начищены им, Ибрагимом, до блеска, старенькие, поношенные. Люси-мем смотрела вдаль: по каким только дорогам не хаживали эти туфли в былые времена.

* * *

На следующий день после того, как Слоник назвал Люси-мем семилетней крохой, она с Ибрагимом перенесла мужа на веранду и все-таки дала ему шкатулку с документами и даже ключ от нее, сама же отправилась в гарнизонный магазин.

— Ишь паскуда! — крикнул минут десять спустя Слоник. Ибрагим толком не понимал, кто такая паскуда, но звучало слово красиво.

— Что угодно сахибу? — Он подошел к старому,

изъеденному жучком тростниковому шезлонгу, на котором возлежал заботливо укутанный Слоник. Хотя февраль в Панкоте теплый и солнечный, по утрам бывает холодно.

— Что угодно? Да ничего не угодно. Просто я нашел, понимаешь, нашел! — И он торжествующе помахал листком. — Посмотрим, посмотрим. Засужу стерву, повертится она у меня, как карась на сковороде.

Ибрагим лишь одобрительно кивнул. Уже с месяц сахиб не угрожал никому участью карася на сковороде. Угроза, правда, никогда не исполнялась. Сколько раз, образно говоря, побывал на сковороде и сам Ибрагим, однако остался цел и невредим. Раз хозяин ругается — значит идет на поправку. Снова в старом, немощном теле возгорелись искры сильных чувств. Хотя сейчас Слоник совсем не тот, что раньше. С фотографий на стене смотрел плотный, осанистый мужчина в красивой форме или совсем юный невысокий офицер под руку с малышкой мем-сахиб На фотографиях лицо Слоника всегда получалось круглым, если не сказать пухлым и — как представлялось Ибрагиму — непременно румяным. Взгляд суров, губы плотно сжаты. Теперь же сахиб порой (и даже подолгу) смеялся, частенько

неодобрительно покрякивая: бывало и так, что он сидел, похрустывая костяшками пальцев, и улыбался чему-то сокровенному. Лицо у него теперь поблекло, пошло дряблыми складками. На руках и плечах появились коричневые крапины. Англичане даже дряхлели со свойственной им обстоятельностью, словно заранее готовили свои тела к небытию, старались встретить его во всеоружии. Пустая трата времени — теперь ведь умерших кремируют. От этого нововведения Ибрагимова мусульманская душа (или то, что от нее осталось) полнилась ужасом. А виноваты во всем индусы: за долгие годы они и англичан испортили.

— Что творится на белом свете, — недоумевал Ибрагим, — если жаднющая пенджабская баба может причинить христианину-сахибу хотя бы минутное беспокойство!

Ибрагим хотел было так и сказать Слонику, но тут появился доктор Митра проведать пациента, и Ибрагима услали сварить гостю кофе. Ибрагим, ухмыляясь, вскипятил воду, снял с огня, вскипятил еще раз, чтобы кофе окончательно потерял вкус — только таким и потчевать доктора Митру. Ибрагим его терпеть не мог; доктор разговаривал с ним свысока. Многие из индийцев, выбивши-

еся «из грязи в князи», обращались со своими и чужими слугами точно с навязчивыми кули на вокзале.

Разница между доктором Митрой, который видел в Ибрагиме лишь прислужника, к тому же безликого и безымянного, и Слоником, который ругал его на чем свет стоит, была для Ибрагима весьма существенной: Слоник — истинный господин, сахиб, а доктор Митра — его жалкая тень. Точно так же он проводил грань безусловную и очевидную между Люси-мем и выскочкой миссис Булабой.

Как тосковал Ибрагим по временам раджей; слугу тогда привечали в господской семье как родного, считались с его настроениями: слуга мог и косо посмотреть, и слово резкое сказать, если не в духе. Ему прощалось, если он задирал нос (кто, в конце концов, истинный хозяин!), ему помогали устроиться на новом месте, когда прежние господа отправлялись восвояси, в Англию. В такой-то семье и служил прежде отец Ибрагима, там вырос и сам Ибрагим. По сей день хранил он рекомендательное письмо, выданное отцу полковником Моксон-Грифом, и фотографию, изображавшую мистера и миссис Моксон-Гриф с гирляндами на шее перед отъездом на родину в

1947 году. Сохранил Ибрагим и два письма, которые полковник прислал своему бывшему слуге уже из Англии. Не забыл Ибрагим и другое: письма отца, в которых тот спрашивал, не найдется ли в Англии работенка для сына (Ибрагиму шел уже двадцатый год), остались без ответа.

— Вот кофе, сахиб, — нарочно стукнув подносом о стол, сказал Ибрагим. Доктор Митра не удостоил его ответом, зато Слоник обласкал словцом:

— Какого черта так долго возился! Ладно, наливай свои помои!

Что Ибрагим с радостью и исполнил, сперва почтительно поклонившись доктору Митре и пробормотав в нос, на французский манер (чему он научился у одного из приятелей-слуг):

— Дерьмосье, сахиб!

Доктор Митра не понял, но кивнул. Ибрагим добавил ему в чашку козьего молока, которое нарочно недокипятил: пусть останется побольше микробов, туберкулезных палочек и дизентерийных бактерий.

Вернувшись на кухню, принялся греметь сковородками и кастрюлями. Да, такой, как Митра, и в Англию проберется, куда-нибудь в Лондон, в Финсбери-парк, и начнет людей калечить, вместо аппендикса желчный пузырь удалит. Док-

тора Митру выбрал себе сам полковник-сахиб. Ибрагим же не доверял ни одному врачу-индусу: откуда им знать, как лечить белых? Уж в крайнем случае можно к врачу-мусульманину обратиться, но уж к индусу — ни за что! А доктора-европейца поблизости нет, лишь в Нансере практикует один австриец, да и то католик, а католики еще похлеще индусов: они говорят, что надо страдать во искупление грехов и что самый страшный грех — ограничение рождаемости. А индусы так те каждому мужчине, согласившемуся на стерилизацию, даже транзистор бесплатно дают. Неспроста парни враз перестали появляться на улице с транзистором. Один только Панди, тот, что юристом «У Смита» служит, огромный транзистор таскает. Наверное, беднягу совсем оскопили.

* * *

Скоро вернулась и Люси-мем, Ибрагим испугался, как бы она не оставила доктора Митру отобедать с ними. Старики любили гостей. Но доктор Митра откланялся, и Люси-мем проводила его до ворот. Вернувшись, зашла к Ибрагиму на кухню и сказала:

— Не надо бы давать сахибу шкатулку с доку-

ментами. Ему это вредно.

— Нет, мем-сахиб, полезно.

— А доктор Митра говорит — вредно. У сахиба повышается кровяное давление.

— Доктор Митра не понимает душу полковника-сахиба. Ведь сахиб не Дева, как госпожа.

— То есть как?

— Так — не Дева. Его знак — Овен. Значит, характер беспокойный, въедливый. Овен любит верховодить, создавать мнимые трудности, доказывать свою правоту, такая вот у него звезда.

— Это все астрономия, Ибрагим.

— Не астрономия, мем-сахиб, а астрология.

— Ну не все ли равно. Одним словом, шкатулку с документами сахибу не давать. Вечером я ее спрячу. А завтра, если он спросит, скажешь: знать не знаю, где она.

— Сахиб меня и так за дурака держит, а тут скажет — полный идиот! Нет уж, мем-сахиб. Шкатулка сахибу поправиться поможет. Получит он ее — у него сил прибавится, а без нее совсем зачахнет. И ему конец тогда, да и нам тоже.

— Не получит он шкатулки, — повторила Люси, и маленькое, немощное тело ее содрогнулось. Глаза у нее сделались ярко-голубыми, на белой с желтизной коже резче обозначились морщинки

— точно трещинки на костяном фарфоре.

Утром глаза вновь были блекло-серые, под стать седым волосам — пора подсинивать. Без улыбки тоненьким-претоненьким голосом сказала она Ибрагиму:

— Ты, пожалуй, прав насчет шкатулки. Если попросит, дай. А я в аптеку за лекарствами.

Не прошло и десяти минут, как Слоник потребовал шкатулку и ключ. Этот приказ Ибрагим тотчас исполнил. Потом на радостях до блеска начистил выходные туфли Люси-мем на высоком каблуке и надел их на металлические колодки-штыри. Потом смазал жиром ее крепкие башмаки; последний раз она надевала их, когда ходила со Слоником в поход. Они одевались в шерстяные костюмы, брали толстые палки и собаку, доставшуюся им по наследству от соседской семьи Блакшо. Хозяева, служившие некогда в чайной компании, уйдя на пенсию, решили было остаться в Индии, но решимости их хватило ненадолго, и они уехали в Англию.

Помыв руки, Ибрагим положил меж кофт и жилетов в гардеробе свежие комочки нафталина. Внимательно осмотрев все шерстяные вещи (в том числе и белье), отложил то, что нуждалось в штопке: либо поорудует иглой Мина, либо сам

проявит свое незаурядное мастерство. Добрался он и до шкатулки с драгоценностями, достал хозяйкин перстень и брошку с бриллиантами — Люси-мем носила их очень редко, лишь на вечер офицерских жен Панкотского стрелкового полка. Ибрагим налил в мензурку джина, бросил туда перстень и брошь — пусть очищаются.

Минут через десять вытащил, тщательно вытер и поместил обратно в бархатные футлярчики, а джин выпил. И враз солнце затмила укоризненная тень пророка Мухаммеда.

Мотовство до нужды доведет, вслух оправдал себя Ибрагим, и солнце засияло вновь, а по телу разлилось тепло. Он вышел на веранду и застыл на месте: сахиб сидел бледный как смерть. В трясущейся руке он зажал документ, губы беззвучно шевелились.

— Не желает ли чего сахиб? — начал было Ибрагим, но Слоник не обратил на него внимания. Так и держал в дрожащей руке документ и шевелил губами. Встревоженный Ибрагим спустился во двор, оттуда лучше видно и Слоника, и тропинку от калитки. Вот появилась и Люси-мем. Ибрагим бегом бросился к ней.

— Мем-сахиб, ваша правда, от шкатулки сахибу плохо.

— Вот как! — только и сказала она, застыв на месте. Разве настоящая госпожа начнет охать да ахать? — Что ж, на своих ошибках учимся. Очень плохо сахибу? — Ибрагим лишь пожал плечами. — Пойдем вместе, увидим. — И первой направилась к веранде.

Подойдя к Слонику, Ибрагим подумал, что сахиб мертв: тело обмякло, глаза закрыты, челюсть отвисла. Но вдруг Слоник приоткрыл один глаз.

— Дорогой мой, ты, никак, собирался баиньки, а я тебя разбудила.

— Не, мы не собирались баиньки. Твоему пай-мальчику пришли в головулечку разные мыслишечки и соображеньица.

— О чем, дорогой?

— Об убийстве!

— И кто же несчастная жертва?

Вместо ответа он протянул ей документ — точнее, письмо, написанное на одной страничке.

— Без очков мне не разобрать, — вздохнула Люси.

— Ага! Тогда все ясно! Потому-то и не поняла ни черта, когда в прошлый раз читала.

— В прошлый раз?

— Ну да. Читала да лепетала: «Вот и чудненько», «Ну и слава Богу» — или еще какую несусветицу.

— Раз я что-то говорила о письме, значит, читала. А раз читала, то непременно была в очках. Так что успокойся и напомни, о чем оно. — Едва мем-сахиб протянула руку, всю в шишках и узлах от артрита и взяла письмо, как Слоник вырвал его и стал читать.

— «Уважаемый полковник Смолли! — возопил он, видно вообразив, что жена так же плохо слышит, как и видит. — Мистер Булабой довел до моего сведения, что вы не согласны с повышением платы за жилье. Тем не менее мы считаем возможным оставить за вами аренду „Сторожки“ на следующий год (с 1.8.71 по 30.7.72) на прежних условиях, изложенных в пункте 2 договора, срок коего истекает. Просим подписать и вернуть копию настоящего письма, оно будет приложено к договору и, таким образом, избавит обе стороны от дальнейших формальностей, связанных с арендой на ближайший год. Подпись: миссис Булабой, влад.».

— Значит, все в порядке? — спросила Люси.

— В порядке? С чего ты взяла?

— Но ты же был тогда доволен. Прямо пузыри пускал.

— Пузыри пускал? Это еще что за идиотское выражение?

— Ты сам так всегда говоришь, когда сильно радуются.

— Не всегда! — Слоник по-прежнему орал что есть мочи. — Например, сейчас. Прочитала б это письмо повнимательнее. Кто ж знал, что ты ни шиша не разглядела! Откуда мне догадаться, что там написано, если ты прочитала и сказала, помнится: «Чудненько, Слоник».

— Разве я не права?

— Черта с два! Нас обвели вокруг пальца! Ты вечно твердила, что одна голова — хорошо, а две — лучше, я уши развесил и поверил. На тебя положился. Так вот, эта стерва нас-то в дураках и оставила. Нас, а не меня. С меня взятки гладки.

Люси-мем пододвинула стул и села. Ибрагим примостился рядом на корточках: как знать, вдруг и его совет пригодится, раз в семье разлад. Видно, даже собака своим умом почуяла неладное: подошла сзади к креслу Слоника, плюхнулась на пол у ног Люси-мем, скорбно поглядывая то на хозяина, то на хозяйку.

— Конечно, я мало что смыслю в делах, — начала Люси. Слоник уже готовился что-то возразить, но она продолжала. — Однако если ты хочешь, чтобы я поняла, как миссис Булабой обвела нас вокруг пальца, будь любезен, объясни толком,

не рычи.

— Да куда уж толковее! На тебя в письме целых два слова смотрят, два простых, ясных слова. Я только что прочел письмо и все распрекрасно понял. Что, до тебя еще не доходит?

— Слоник, единственное, что до меня доходит, так это твои вопли и оскорбления. Я бы добавила «при слугах», хотя у нас всего один.

— Похоже, придется заводить другого!

Воцарилось долгое молчание: у Слоника лишь неистово сверкали глаза, Люси-мем теребила нитку бус из зернышек, Блохса тяжело дышала, а Ибрагим, напротив, затаил дыхание.

Вот Люси отпустила бусы, погладила Блохсу по голове. Собака повела налитыми кровью глазами на Ибрагима, словно делилась радостью — приласкали.

— Право, Слоник, я что-то тебя не пойму. Особенно после того, как Ибрагим нянькой за тобой ходил, пока ты болел!

Ибрагим склонил голову набок. Прислушался. За тихой и спокойной речью госпожи угадывались знакомые суровые нотки. Так же, как и Люси-мем, Ибрагим был страстным поклонником голливудских фильмов, и, судя по всему, сейчас госпожа представляла Бэтт Дэвис. Ибрагим не

раз видел, как хозяйка, не замечая его, ходила по комнате взад-вперед, сложив руки на груди, виляла бедрами, подражая знакомой походке, и что-то бормотала не менее знакомым голосом.

Случись у сахиба приступ прямо сейчас, она — единственная свидетельница его страданий — продолжала бы невозмутимо (как ей сейчас думалось) гладить собаку, вперив взор в клумбу с каннами, не замечая — будто бы — ни плачевного состояния супруга, ни его просьбы достать таблетки, ни (как должно быть дальше по сценарию) его отчаянных попыток подняться с кресла. Спустя минуту-другую она пойдет в дом и, не повышая голоса, скажет Ибрагиму:

— Сейчас же беги за доктором Митрой. Скажи, хозяину худо. Очень-очень худо…

Хозяину, однако, было сейчас отнюдь не худо.

— Что за чушь ты городишь!

— Неправда, скажешь?! Ибрагим НЯНЬКОЙ за тобой ходил.

— Ну, так что ж?

— Как только у тебя язык поворачивается говорить о другом слуге?

— Ах, вон ты о чем, — Слоник заговорил уже нарочито смиренно — что поделаешь, глупцов надо терпеть. Он сложил письмо, запер шка-

тулку. — Я всю жизнь полагал, что «другой» — значит «второй», следующий за первым. Еще один. В дополнение, а не вместо. Поняла? Какой-нибудь мальчишка-мали, чтобы этот газон, будь он проклят, стричь. Правда, я скорее сдохну, чем позволю его нанять.

— Да, теперь поняла. Ты прав. Следить за газоном — это обязанность мистера Булабоя. Ты прав, так записано в договоре.

— Увы, уже не записано.

— Слоник, дорогой, этого не может быть!

— Может. У нас с прошлого июля и договора-то нет. Только это жульническое письмо! Я тебе его прочитал вслух от начала до конца!

Слоник откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Люси-мем недоуменно пожала плечами, взглянула на Ибрагима и скорчила гримасу.

Тот, осмелев, сказал:

— По-моему, мем-сахиб, хозяин имеет в виду, что в письме предлагают возобновить только второй пункт договора, а об остальных ничего не говорится. Например, о том, что владелец отвечает за внешний и внутренний вид дома и за состояние сада. По-моему, так.

— Ай да Ибрагим! — изумленно всплеснула руками Люси-мем. — Ну и умница! Верно, Слоник?

Неужто смысл письма именно такой? Вовек бы не догадалась.

Ибрагим радостно улыбнулся, перевел взгляд на Слоника: тот открыл глаза и, похоже, не разделял радость Ибрагима.

— Куда уж умней! — бросил он. — Раз такой умный, пускай отправляется на все четыре стороны. Проваливай, ублюдок!

— За что, сахиб?

— Сам будто не знаешь! Так я тебе растолкую: за то, что ты заодно с нашими врагами. Так я и поверил, будто ты вмиг смысл письма разгадал. Поди еще с прошлого года знал, к чему дело идет. Небось животики надорвали вместе со всем этим жульем, что у мадам Булабой служит. Ха, — он сердито крякнул.

Ибрагим поднялся.

— Раз сахиб сказал — так тому и быть. Но сахиб на меня напраслину возводит. Откуда мне было знать, что в письме? И откуда слугам миссис Булабой — «жулью и лоботрясам», как вы их называете, — об этом знать. Да и газон перестали стричь совсем недавно, когда мали ушел работать в «Шираз». А разве стены и потолок в ванной не побелили, разве стульчаки не поменяли?

— Побелили, говоришь? Ха! Как бы не так —

побелит эта хитрая сука, держи карман шире. В общем, сказано тебе — убирайся!

Ибрагим повернулся к Люси-мем.

— Сахиб говорит — убирайся. А куда — не сказал.

— А мне плевать, хоть в Мекку свою проклятую.

Плечи у Ибрагима устало опустились, непосильной, видать, оказалась даже мысль о таком путешествии.

— Мекка… Туда все мусульманское старичье тянется. Сядут в восемь вечера в туристский автобус — и вперед! Наберут с собой всякой снеди. До порта всю ночь горло дерут — поют. А там ручкой помашут — и на пароход. А сахиб меня средь бела дня гонит, как последнего бродягу.

Пробормотал он все это не очень разборчиво и с достоинством удалился в дом, где с не меньшим достоинством остался подслушивать под дверью.

— Как тебе, Слоник, не стыдно! Как тебе не стыдно обижать Ибрагима!

— Он ведь сейчас подслушивает, сукин сын.

— Да если и подслушивает! Хотя на него это непохоже. Гордый он. С ним нельзя как со слугой. Он нам больше чем слуга. Да к тому же он человек

бывалый, немало повидал.

— Еще бы! В Англию, мошенник, пробрался, да получил пинка под зад, вот и все, что он повидал. Я так думаю.

— Я, Слоник, о другом. О гордости. В тебе гордости совсем не осталось. Не перебивай меня. Не осталось ее в тебе, не осталось и во мне. Напрасно мы не уехали в Англию.

— А кто ж больше всего хотел остаться?

— Ты, Слоник. А я согласилась. Нам бы вернуться в Англию хотя бы после тех долгих лет в Бомбее. Сразу после всех этих потрясений. Теперь-то что говорить — поздно.

— Каких еще потрясений?

— Ты, Слоник, прекрасно меня понял.

— Вовсе нет. Сорок с лишним лет с тобой живу и все никак в толк не возьму, о чем ты толкуешь.

— Сейчас я толкую о гордости. Ибрагимову гордость ты крепко уязвил.

— А ты, конечно, никогда себе этого не позволяешь! А скажи-ка, кто в прошлый раз его уволил? Кто на него потом неделю дулся? А?

— Была б у тебя гордость, Слоник, ты, вместо того чтобы здесь орать да буйствовать из-за шкатулки со старыми бумажками, написал бы вежливо, но решительно: так, мол, и так, миссис

Булабой, что вы собираетесь делать в отношении сада.

— Чтоб она ткнула мне в нос это письмо?! Чтоб я выглядел дурак дураком? Она обманула нас, а ты хочешь, чтоб я еще ее и потешил: обман-то вижу, а поделать ничего не могу.

— Тогда не вспоминай о саде, пока не вернется Билли-бой.

— Не бойся, не вспомню. Только какой толк, что вернется этот затурканный недомерок. Раз толстуха что задумала, ее не свернуть. А она твердо решила, я это знаю, и причина мне ясна — она нарочно приводит дом в запустение. Ну что ж, пусть все идет прахом. Пусть трава хоть до окон растет. Мне плевать! Устал. Хочу в постель.

— Сейчас, Слоник, я помогу тебе.

— Можешь обо мне не беспокоиться.

— Это мой долг — беспокоиться о тебе.

— Да и выгода, а? Вот это уже ближе к истине. Ведь случись мне разом отдать концы, что с тобой-то будет?

— Вот об этом я меньше всего задумываюсь. Ну-ка поднимайся, опля!

Ибрагим неслышно, босиком, прошел через кухню на узенькую заднюю веранду и, присев, закурил. Интересно, что такое у них тряслось? И

трясется ли сейчас? Что бы это ни значило, он, Ибрагим, как всегда, меж двух огней.

Минут через пять он заслышал шаги хозяйки, загасил окурок, разогнал рукой дым, но продолжал сидеть, пока не убедился, что Люсимем рядом и вот-вот обратится к нему. Тогда он медленно встал, по-прежнему понурый, но не приниженный.

— Спасибо, Ибрагим. Ты чудесно почистил мне туфли. И бриллианты мои никак еще пуще заблестели.

Ибрагим лишь склонил голову. И с чего бы это хозяйке понадобилось вытаскивать кольцо с брошью?

Изуродованные артритом старые пальцы принялись теребить бусы.

— А с сахибом ты должен, просто обязан быть предельно терпеливым. И я тоже. Предельно терпеливой. Прости его, пожалуйста, за то, что он наговорил. Доктор Митра обеспокоен его здоровьем. Да и я вижу, что Слоник просто сам не свой. Он совсем — нет, лучше сказать, во многом переменился. Тебе, Ибрагим, я доверяю как близкому человеку.

Ибрагим выпрямился и заложил руки за спину: так, по его разумению, надлежало принимать

чьи-то откровения.

Она продолжала:

— Понимаешь, человек всю жизнь привык заниматься делом, — глаза у Люси-мем потемнели, — и вдруг — он прикован к постели, и, как бы тебе сказать, всякое пустячное, крохотное событие вырастает в его глазах до катастрофических размеров. Понимаешь, малум?

— Малум, мем-сахиб.

— Он делает из мухи слона. Например, капризничает из-за бульона, из-за нескошенной травы, из-за увядших канн. Ведь из-за этого «Шираза» у нас в саду днем и солнца не видно. Поэтому роса держится дольше обычного и трава получает больше влаги, а значит, и растет быстрее. Малум?

Ибрагим дернул головой и чуть нахмурился, чтобы хозяйка видела, как работает его мысль; впрочем, разве сравнится он умом с Люси-мем.

— Пойдем погуляем, — после неловкой паузы предложила она. И Ибрагим пошел следом за ней на задний двор.

Глава третья

— Да, солнца нам больше не видать, — неторопливо шагая, сказала она. Потом остановилась, взглянула на соседнее здание из стекла и бетона: под сенью «Шираза» проходила теперь их жизнь. И от росы уже не прибавляется живительных сил, разве что ломоты в костях да желчности в разговоре. — Мне нужен молодой мужчина. Подойдет и паренек. Нет ли кого у тебя на примете?

Ибрагим часто заморгал:

— Простите, мем-сахиб, не совсем понял.

— Ну, наверняка среди твоих многочисленных знакомцев в Панкоте найдется крепкий парень. Я бы платила ему. Конечно, не ахти как много. Давала бы деньги тебе, а ты бы сам с ним расплачивался. Сахибу, разумеется, о нашем договоре ни слова, хотя я попрошу, чтобы он повысил тебе жалованье, и прибавку вместе с моими деньгами мы бы отдавали парню. Мне не так накладно выйдет.

Рехнулась на старости лет, подумал Ибрагим, а вслух тихонько спросил:

— Какого примерно паренька желает мем-сахиб?

— Да любого. Лишь бы сильного и исполнительного и чтобы много денег не просил. И чтоб обязательный был. Он мне понадобится не каждый день, а, скажем, через день. Если нужно, может жить при нас — всегда под рукой будет. Только вот в чем, пожалуй, загвоздка…

Ибрагим подивился: с самим предложением мем-сахиб — загвоздка, а она, видать, какую-то мелочь имеет в виду.

Хозяйка между тем продолжала:

— Инструментов у меня нет. А они еще как нужны! Придется, видно, нам ждать мистера Булабоя. До чего ж все непросто! Придется, наверное, и его в наши планы посвятить. Без его участия в нашем договоре не обойтись. Конечно, мы идем на обман: ведь паренька придется представить сахибу как работника мистера Булабоя, не говоря уж об инструментах — у меня их нет, придется одолжить у мистера Булабоя. Ты понимаешь меня, Ибрагим? Мне не по карману нанимать парнишку и еще брать в аренду или покупать инструменты, необходимые ему в работе. И вот еще что. Пожалуйста, запомни, что паренька я нанимаю лишь на время. Сулить ему постоянную работу не следует. Вот именно — на время. Пока не поправится сахиб, пока не наберется сил и

не перестанет волноваться по пустякам. У него очень высокое давление. Ему вредно напрягаться, раздражаться. Но и о своем душевном покое мне забывать нельзя, поэтому, пока сахиб еще болен, я и решила нанять паренька, чтобы он приходил в положенное время, делал свое дело — тогда я буду спокойна. А выздоровеет сахиб, я признаюсь, что он вовсе не служит у мистера Булабоя, что это мой паренек, точнее, наш с тобой. Неужто мы вдвоем такого не сыщем да к делу не приспособим?

— Ох, мем-сахиб, — начал Ибрагим, подыскивая нужное слово, ибо мысли его роились и путались.

— Я хочу сказать, что он на пользу будет не только мне, но в чем-то и тебе. Хотя в основном он будет выполнять мои распоряжения: косить траву, ухаживать за цветами, особенно за каннами. Я не хочу лишиться мужа из-за всяких пустяков. Поэтому газон должен быть всегда подстрижен, канны — политы. Насчет шкатулки с документами ты дал промашку — сам это признал. Неправ ты и в том, что Слонику на пользу волноваться из-за сада. Все наоборот. Это ему во вред. Потрясений он сейчас просто не вынесет. И постоянная нервотрепка по мелочам тоже сведет

его в могилу.

Наконец-то Ибрагим понял, в чем дело, и вздохнул облегченно и вместе с тем разочарованно. Самому ему проку от парня никакого, зато сколь занятной была бы жизнь в доме, если бы оправдались его первоначальные предположения. Увы, мем-сахиб хочет завести лишь мали, работника. Какая прозаическая развязка!

— У меня, мем-сахиб, есть на примете такой паренек. Молодой, крепкий, исполнительный — племянник шурина моей младшей сестры. Его недавно ни за что уволили, дескать, жизнь дорожает, во всем мире инфляция.

На самом же деле у Ибрагима на примете был не один, а несколько «таких пареньков», если не полностью, то частично удовлетворяющих хозяйкиным требованиям. Нужно лишь сходить на рынок, там на такую приманку клюнут многие. Да и самому Ибрагиму хозяйкина затея сулила выгоду; можно немного подзаработать.

— Сколько придется платить такому пареньку, а, Ибрагим?

Тот назвал сумму и прибавил:

— Не считая еды и жилья.

Люси-мем лишь ахнула.

— Есть, правда, еще один, не такой, может,

смышленый, но крепкий и исполнительный. Этот подешевле обойдется.

— Вот-вот, его и давай. Хотя и с ним забота: как кормить? Ты ж знаешь, полковник-сахиб следит, чтоб гроша лишнего на хозяйство не истратить.

Ибрагим снова заморгал. Хозяйственными счетами ведала сама Люси-мем, а сахиб лишь изредка их просматривал да чертыхался. И потом у супругов бывал непременный скандал. Ибрагим тоже смекнул, что кормить нового мали будет не так-то просто — ведь Слоника придется убедить, что работника нанял мистер Булабой. Хотя с незапамятных времен и было оговорено, что Ибрагим должен столоваться вместе с гостиничной прислугой (в «Сторожке» кухню для слуг не держали), супруги Смолли ежемесячно выдавали ему кое-какие продукты: муку, чай, сахар, масло, а также довольно значительную сумму на мясо и овощи.

Готовила Ибрагиму обычно Мина; он нашел с ней общий язык отнюдь не только в делах кухонных. Гостиничная прислуга уважала их отношения. Ибрагим и впрямь катался как сыр в масле. Жалованья своего он почти не тратил. Дармового рома из гостиничных запасов ему хватало. Каждый год на мусульманский празд-

ник сахиб и Люси-мем дарили ему что-нибудь из одежды. Стирал белье ему гостиничный дхоби, за что Ибрагим давал парню пачку-другую сигарет. Он словно состоял в профсоюзе, да только не платил членские взносы.

* * *

Самой драгоценной и бережно хранимой вещью у Ибрагима был белый костюм — легкий долгополый сюртук с брюками. Еще отец надевал его, прислуживая на званых обедах у полковника Моксон-Грифа. Давным-давно костюм этот перешел во владение сына, хотя надевал его Ибрагим всего лишь раза два, когда с мистером и миссис Смолли ездил на банкеты Панкотского стрелкового полка. Конечно, личный слуга на банкете сейчас уже давно не дань этикету, но все же признак высокого положения. Стоишь за креслом господина или госпожи: успеваешь и на кухню не раз сбегать, чтобы приложиться к бутылке; даже мурашки по спине ползут, когда задумаешься: и отец твой, и дед так же служили господам, правда, господа за роскошным столом теперь цветом кожи чернее слуг.

Сахиб подарил Ибрагиму кушак и ленточку к тюрбану — знаки отличия Махварского полка.

Последний раз Ибрагим надевал их на прошлый Новый год; тогда, помнится, и младшие офицеры, а с ними кое-кто и из старших и даже некоторые дамы устроили славную попойку в честь недавней победы над Пакистаном. Кроме Слоника и Люси-мем англичан за столом не было. Ибрагим гордился своим господином: еще бы, тот единственный среди присутствующих напился до чертиков. Так, по рассказам Ибрагимова отца, обычно напивался и полковник Моксон-Гриф.

— Поначалу, сынок, — рассказывал отец, — полковник беседует очень живо, но не теряя чувства меры, ясно? Потом, к концу обеда, он уже с кем попало не заговаривает и сидит подчеркнуто прямо. Лишь отвечает на вопросы, но всегда впопад. Бокал из руки не выпускает. Причем бокал то и дело наполняют. Сидит полковник во главе стола. Ведь он — распорядитель праздника. Подходит время предлагать тост. Поднимается полковник сам, без моей помощи. Стоит прямехонько, навытяжку. Поворачивается к своему помощнику — тот тоже встает и произносит тост за Его Величество короля. Выпивает бокал до дна. Садится. И больше уж ни рукой, ни ногой не шелохнет. Так в кресле мы его и уносим. А кресло у него особое, к ножкам кольца приделаны — туда

железные прутья можно просунуть, получается как бы паланкин. И так мы несем его через дорогу прямо к нему домой. Я укладываю его спать. А назавтра в шесть утра он уже принимает парад. Вот таков полковник Моксон-Гриф — настоящий господин, не чета нынешним. Да и на вечерах в честь офицерских жен он пил едва ли меньше. Всякий раз супруга его домой отводила.

Ибрагим лишь однажды попал на такой вечер, его взяли с собой Слоник и Люси. Без жены Слоник ходил на праздник всего один раз и вернулся удручающе трезвым. То ли дело январский банкет! Ибрагим сопровождал обоих супругов и весь обед простоял за креслом Люси-мем, нарядный, с ленточкой в тюрбане. А хозяин сидел на другом конце стола и опрокидывал рюмку за рюмкой. Вдруг, напыжившись, он встал и громко и четко произнес по-английски:

— Да благословит Господь матушку Ганди!

До Ибрагима донесся одобрительный шепоток гостей, а полковник Менектара, распорядитель банкета, даже улыбнулся. Правда, по дороге домой Люси-мем истолковала все иначе, дескать, шептались, скорее, осуждающе, а улыбнулся Менектара, чтобы скрыть неловкость.

— Так и не поняла ты Индии! — горячился

Слоник. — А вот они меня прекрасно поняли. Я же предложил выпить за матушку Индию, за их родину, голова ты садовая!

Дня два после банкета Слоник пребывал то в подавленном, то в задиристом настроении. Потом воцарилось спокойствие, но ненадолго: Слоника хватил удар. Мем-сахиб было не обойтись без помощи Ибрагима, так как беда настигла Слоника ночью, когда он восседал на одном из «тронов». Ибрагим застал хозяина в весьма неприглядном виде, без сознания.

Ибрагима, конечно, эта сцена немало смутила, хотя был для его смущения и иной повод: в час ночи, когда к нему постучалась Люси-мем и позвала, он, как и подобает старшему в доме слуге, уже лежал в постели (вставать-то ему с петухами), но не один, а с Миной, причем та только-только разохотилась, и ее было уже не остановить. Ибрагиму приходилось с этим мириться, дабы не лишиться на следующей неделе как горячего расположения, так и горячего обеда.

— Иду, иду, мем-сахиб! — торопливо отозвался Ибрагим, узнав хозяйкин голос, хотя поспешал лишь на словах. Он сполз с кровати, зажав Мине рот, чтобы предупредить ее непременный недовольный вопль, и прошептал ей в ухо:

— Тише! В дом грабители залезли!

Закутав Мину одеялом, сам завернулся в другое, кое-как добрался в темноте до двери, снял крючок. В лицо ударил свет хозяйкиного фонаря.

— Выручай. Ибрагим, голубчик! Сахибу очень худо!

Так она говорила лишь в самые отчаянные минуты.

Люси-мем засеменила по тропинке к «Сторожке», а Ибрагим, остервенело натянув рубашку и брюки, поспешил следом.

— Проходи, — позвала его хозяйка. — Доктору Митре я уже позвонила. Но что дальше делать, то есть чем сейчас помочь — ума не приложу. То ли перенести Слоника в комнату, то ли оставить здесь. Одной мне его не поднять. Взглянул бы ты, а, Ибрагим?

Ванная и туалет сообщались со спальней прелюбопытнейшим образом: вместо двери было две створки, открывающиеся в обе стороны, наподобие тех, что небрежно распахивают ковбои в вестернах. Когда Ибрагим только что поступил на службу к супругам Смолли, ему объяснили: если с порога спальни он увидит на створках полотенце, значит, «ванная» (она же туалет) занята. Сейчас там тоже висело полотенце, и Ибрагим

нерешительно остановился.

— Не обращай внимания на полотенце, заходи, Ибрагим. Хотя оно очень трогательно, в духе самых изысканных манер. — Сейчас Люси-мем говорила совсем по-другому, тише и мягче. Кого-то она изображала сейчас? — Ах да, прости, ты, наверное, не поймешь, о чем я. Господину стало, видно, очень плохо, и он тихонько, чтобы не разбудить меня, встал. Правда, я лишь дремала.

Над своей кроватью мем-сахиб повесила москитную сетку; видать, ей так нравилось — ни комаров, ни мошкары в Панкоте не водилось испокон веков.

— Я проснулась, нашла господина в ванной и сразу же позвонила доктору Митре. Ах да, об этом я уже говорила. Но может, пока доктор не приехал, мы и сами в силах помочь? Главное — не упустить время, ты меня слышишь? Ибрагим, принеси одеяло! И как я сразу об этом не подумала.

Ибрагим помог Люси-мем закутать Слоника в одеяло, потеплее укрыл шею и затылок, чтобы к застывшей спине притекло тепло — Слоник сидел, привалившись к стене. Запах дезодоранта полностью забивал запах хлорки и лишь частично — запах испражнений. Канализации,

как в гостиничных туалетах, в «Сторожке» не было. Под тронами в выгребной яме помещались съемные поддоны — мусорщики вынимали их через отверстие в стене дома. Хозяйка гостиницы пользовалась современным туалетом — любодорого взглянуть. А чете Смолли приходилось довольствоваться допотопными стульчаками. Люси-мем лично следила, чтобы их содержали в безукоризненной чистоте, приплачивала мусорщику: тот до блеска натирал новые «под красное дерево» сиденья. По Ибрагимову разумению, следовало провести канализацию и в «Сторожку». Ведь сливные бачки, как и ванны (неужто не противно в собственной грязи сидеть!), являлись неотъемлемой частью христианского быта. Ведь если в большом, скажем человек на двенадцать, доме, как у шурина в Финсбери-парк, лишь одна ванна и один туалет, англичанин туда как к алтарю идет.

Впервые переступив порог «Сторожки» и увидев «троны», Ибрагим тут же мысленно распределил их меж хозяином и хозяйкой. И вот сейчас на «хозяйском» сидел Слоник. Вот он застонал, открыл глаза и пробормотал: «Где это я?» — на что Люси-мем тут же отозвалась: «Дома, Слоник, дома, со мной и Ибрагимом». Они вдвоем под-

няли больного, легкого как перышко (несмотря на такой тяжелый характер), и вместе с одеялом (назавтра его вместе с пижамой больного сожгут) перенесли в постель.

Потом Ибрагиму часа три пришлось бегать из спальни в кухню и обратно: вскипятил чай, приготовил грелку сахибу (ноги у того были словно лед), сварил кофе Люси-мем и доктору Митре, добавил чуточку бренди, присел отдохнуть на веранде под дверью спальни, чтобы явиться по первому зову мем-сахиб, выкурил дорогую хозяйскую сигарету (Слонику подарил их полковник Менектара), так как свои он оставил дома вместе с Миной. Дожидаться его она, конечно, не станет, поэтому Ибрагим счел себя вправе хоть чем-то возместить эту потерю.

Доктор Митра пробыл почти дотемна, Ибрагим с фонариком проводил его к машине и, не удостоившись и слова, пошел обратно. Из «Сторожки» его позвала Люси-мем:

— Сахиб хочет что-то сказать тебе.

Ибрагим вошел в спальню, встал подле кровати. Щеки у Слоника чуть порозовели, хотя бледность еще не спала. Глаза у полковника были закрыты.

— Слоник! Пришел Ибрагим.

Глаза тот так и не открыл, лишь приподнял левую руку. Ибрагим, чуть помешкав, догадался, что ее нужно пожать. Уже выйдя из спальни, Люси-мем пояснила:

— Я сказала Слонику, что ты, Ибрагим, донес его на руках до постели. Сейчас у него совсем нет сил даже поблагодарить тебя. Снова сердечный приступ. Вроде для жизни неопасный, но с постели Слоник ох как нескоро встанет. Доктор Митра велел его в больницу на неделю положить, а Слоник вряд ли завтра на это согласится.

Ибрагим слушал, сложив руки за спиной. Вот хозяйка закрыла ладонями свое худое, морщинистое, без пудры и румян, личико.

— Мем-сахиб должна поспать. Я принесу чаю и сонного лекарства.

— Снотворного, Ибрагим.

— Да не все ли равно.

Через десять минут он появился с подносом. Люси-мем уже сидела в постели, раздвинув москитную сетку, чтобы лучше видеть спящего Слоника.

Ибрагим тихо проговорил:

— Я, мем-сахиб, останусь на ночь в соседней комнате, присмотрю за сахибом. А вы спите.

Он свернулся калачиком на одеяле подле ка-

мина в гостиной, где еще тлело сосновое полено, и задремал. Просыпаясь, он всякий раз ползком добирался до спальни; свет Люси-мем не выключила, лишь завесила лампу, поэтому Ибрагиму было видно, что все в порядке и оба спят: мем-сахиб — привалившись к горке подушек, под москитной сеткой, паутиной свисавшей с потолка; может, сейчас во сне она — мисс Хэвишем из «Больших надежд», тщетно ожидающая возлюбленного в царстве паутины и плесени.

В пять утра он потушил последнюю искорку в камине: вдруг хозяйкины сны из «Больших надежд» смешаются с явью и «Сторожка» тоже сгорит дотла?

Теперь же, когда Ибрагим стоял с Люси-мем на заднем дворе, ему снова привиделась ужасная картина, и дрогнуло Ибрагимово сердце. Однако он тут же взял себя в руки. Люси-мем перебирала бусины — точно косточки на счетах, прикидывая, во сколько обойдется ей новый работник-мали.

«Тенета хитрые пытаемся сплести, когда хотим кого-то провести», — не совсем точно процитировала она[3],— даже с самыми благими намерениями и на самое короткое время.

---

[3] Примечания: 3
Строки из поэмы Вальтера Скотта «Мармион».

Она, возможно, ждала, что, расчувствовавшись, Ибрагим предложит новому работнику делить с ним трапезу, чем снимет заботу о питании мали с плеч Люси-мем. Впрочем, разве это забота? Среди гостиничной прислуги вечно толкалось и кормилось множество самых случайных людей, о чем проницательнейшая миссис Булабой и не догадывалась.

— Поскольку мали будет нужен нам не каждый день, упрощается и вопрос с питанием. Может, ему одного жалованья хватит? Ведь он еще где-то подрабатывает? Я имею в виду того, что дешевле, пусть не очень смышленый; лишь бы крепким был да исполнительным.

— Поэтому-то он и дешевле, мем-сахиб, что положение у него самое что ни на есть бедственное и работы никакой. Другой-то паренек хоть и тоже без работы, но он посмекалистее, и то и это умеет делать, не пропадет. Я тоже думаю, что лучше взять того, кто подешевле. Он — простофиля. Тихий такой. Уважительный, честный и крепкий. Придется, видно, искать такого, чтоб хоть немного соответствовал описанию.

Мем-сахиб задумчиво смотрела перед собой.

— Крепыши обычно много едят.

Ибрагим хотел было возразить: дескать, этот

скорее жилист, чем крепок, мяса не ест — но вовремя сдержался. Хорошо еще, что она имени не спросила и какой он веры — мусульманской или индуистской. И он произнес:

— Если этому пареньку платить столько, сколько мем-сахиб обещала, и кормить раз в день, он будет работать в саду полную неделю, пока не приведет все в порядок.

— Вот и хорошо, — Люси-мем сложила на груди руки и зашагала дальше. — Но ему нужно втолковать, что работа временная. Как бы там ни было, Ибрагим, пока не приедет мистер Булабой и пока я не выясню, каково у нас положение, ничего не предпринимай. Если увижу, что единственный выход — самим нанять мали, да так, чтобы не прознал сахиб, посвящу в наш маленький заговор и мистера Булабоя — все равно к нему за инструментами обращаться. Даже… — Она остановилась. — Даже миссис Булабой пусть будет в курсе дела. Неприятно, конечно, но что поделаешь. Ведь так давно уже нет мали и вдруг ни с того ни с сего появится. Сахиб не только обрадуется, но, чего доброго, и нос задерет. Выздоровеет, пойдет, например, в ресторан, да и не утерпит, съязвит миссис Булабой: дескать, пришлось ей все-таки ему уступить. — И Люси-мем вдруг прыс-

нула со смеху.

Ибрагим тоже улыбнулся, хотя и не понял причины.

— Ты представляешь, Ибрагим? Чтоб миссис Булабой кому уступила! — И она снова прыснула, засмеялся и Ибрагим. А Люси-мем, уперев одну руку в бок, другую приложив к груди, хохотала без удержу. Унявшись, тронула Ибрагима за плечо.

— Ну, хватит фантазировать! Что нам до миссис Булабой. Сперва надо сахиба на ноги поставить. Мы должны действовать осторожно и тонко. Очень тонко. Я полагаюсь на тебя, Ибрагим, только на тебя одного. Вряд ли мистер Булабой сможет помочь с работником, а вступать с ним в долгие переговоры я не хочу. Переговоришь с ним ты.

— Мем-сахиб хочет, чтобы я переговорил насчет инструментов?

— Да, и об этом тоже, но сперва скажи так: дескать, господин полковник не поправится, если сад не приведут в порядок. И скажи, что я готова заплатить из своих средств, чтобы сад привели в порядок, лишь бы об этом не прознал сахиб. Больше пока ничего не говори, дальше видно будет. Надо действовать осторожно.

— А относительно денег? Мем-сахиб обещала убедить сахиба увеличить мне жалованье.

— Чтобы хоть частично покрыть мои расходы на мали, — тут же тихо прибавила Люси-мем.

— Простите, мем-сахиб, я что-то не понимаю.

— Твоя прибавка пойдет на жалованье мали, тогда я смогу из своих денег платить ему меньше, но прибавка будет постоянной. Наступит день, мы уволим мали, а деньги эти достанутся тебе. Понятно?

— Понятно, мем-сахиб, — хотя в душе Ибрагим был уверен, что все не так просто.

— Ибрагим, дорогой, — не глядя на него, Люси-мем взяла его под руку. — Что бы я делала без тебя? Что бы делал Слоник? Как только вернется мистер Булабой, сразу же скажи мне, чтоб я могла переговорить с ним с глазу на глаз.

Но исполнить просьбу Ибрагим не смог; в тот день у них дома никто ни с кем не разговаривал. Мем-сахиб даже не пошла гулять с собакой (хотя была ее очередь) и в аптеку. В конце концов и то и другое пришлось делать Ибрагиму. Мем-сахиб осталась после завтрака в гостиной — села за секретер и принялась писать письма; Слоник, закутавшись в шаль, сидел на веранде и читал книгу, взятую в клубной библиотеке. Изредка он оставлял пометки карандашом на полях (чего библиотекарь неоднократно просил не делать)

да громко крякал, нарушая тишину. Супруги не обращали внимания ни на друг друга, ни на Ибрагима, ни на Блохсу, которая беспрестанно скулила и бегала то из комнаты на веранду, то обратно, то к гаражу, где — так как машины все равно не было — она и обитала. Собаке хотелось привлечь внимание хозяев, но тщетно — они и ее не удостоили словом. Наконец терпение у Ибрагима лопнуло, он схватил поводок, прицепил его к ошейнику Блохсы, проворчал:

— Шайтан, а не собака! — и потащил ее на прогулку, к базару, там на площади Памяти Павших На Войне помещалась кофейня «Эксцельсиор». Собственно, площади никакой не было, лишь стык двух улиц — с Западного и Восточного холмов.

Там, у памятника, вечно собирался праздный люд, среди них бывал и англичанин с рыжими патлами до плеч. Он то появлялся в Панкоте, то исчезал, но крепко запомнился каждому. Ходил он босиком. Были на нем рваные штаны, а из вещей лишь холщовая сумка да одеяло — грязное, как и его владелец.

Незадолго до болезни Слоник спросил Люси:

— Видела нашего английского хиппи?

— Какого-то хиппи видела.

— Об этом и спрашиваю!

— Не верю, что он англичанин!

— Представь себе! Я с ним говорил.

— Ты — говорил?

— А что тут такого. Еще и рупию дал. Он так оскалился, я думал, сейчас последними словами обругает. Из Ливерпуля родом. Здесь занимается, как он называет, «мудитацией».

Ибрагим порой, завидев хиппи, из любопытства бросал ему несколько монеток. Дикого вида юноша ловил их на лету, но не гнушался и в пыли за ними поползать. Сегодня же он сидел спиной к памятнику, то ли спал, то ли грезил, одурманенный наркотиками.

Чтоб скоротать время и не сразу возвращаться в молчаливую «Сторожку», Ибрагим зашел к гостиничному повару, и тот сообщил, что «Дирекция» вернулась. Ибрагим лишь хмыкнул, но поспешил домой. Увы, там весь день продолжалась «игра в молчанку». Он рискнул подойти к мем-сахиб, сидевшей за секретером. Но та лишь отмахнулась от него. Слоник все не отрывался от библиотечной книги. Блохса так устала на прогулке, что ей больше не требовалось ничье внимание. Пуще всего собака ненавидела прогулки и пуще всего просилась гулять. Стоило ее запереть в гараже

— и она вся исскулится, а выпустишь на волю — ляжет где-нибудь и лежит. А уж до чего Блохса горазда поспать! Сейчас она рухнула на веранде, тяжело дыша, словно тащила в упряжке нарты по пурге. Похоже, и она будет до вечера кукситься, как хозяин с хозяйкой.

Мистер Булабой навестил болящего друга лишь вечером, втайне надеясь, очевидно, что Слоник уже будет спать. Но Слоник не спал. Он все сидел в гостиной, испещряя библиотечную книгу пометками. На столике у кресла лежала шкатулка с документами. Напротив сидела мем-сахиб: нацепив на кончик носа очки, она вязала очередной безобразный свитер; снова Слоник будет ворчать, что его заставляют носить черт знает что. Вязала Люси долго, не один месяц, и при муже. Ибрагим никак не мог взять в толк, почему, лишь получив свитер в подарок к Рождеству, сахиб начинает ворчать: и вязка ему не нравится, и цвет.

Ибрагим готовил на кухне какао для хозяев, когда пришел мистер Булабой. Ну, достанется мне сейчас за то, что вовремя не предупредил о возвращении «Дирекции», подумал Ибрагим и, затаив дыхание, прислушался. Но гроза так и не разразилась.

— Пропустишь стаканчик, а, Билли-бой? —

донесся до Ибрагима голос Слоника. — Когда вернулся-то? Ну как, повеселился в Ранпуре всласть? Эй, Ибрагим!

Тот вошел, гость и хозяева устраивались за столом. Ибрагиму велели принести бокалы, пива, джина и лимонного сока.

— Захвати печенья, — наиприветливейшим голосом, точно день прошел в мире и согласии, попросила Люси-мем.

— Чувствую себя превосходно, — отвечал тем временем Слоник мистеру Булабою.

На кухне Ибрагим все время прислушивался к беседе: вот-вот заговорят о саде, пора, уже давно пора.

— Скоро ты там? — пророкотал Слоник.

— Иду, сахиб, — откликнулся Ибрагим. Вошел с подносом в гостиную, обнес всех бокалами. Билли-бой живописал новую гостиницу в Ранпуре и придорожный ресторанчик. Слоник слушал и улыбался. Надо же — улыбался! Между его креслом и креслом мистера Булабоя на столике по-прежнему лежала шкатулка с документами. Мем-сахиб спросила, ходил ли Билли-бой в кино и какие фильмы смотрят в Ранпуре.

Невероятно! Ибрагим вернулся на кухню. Потом зашел в спальню, проверил, свежее ли белье,

заглянул в ванную — нет ли грязных полотенец, которым место в корзине прачки-дхоби. Он, насколько мог, старался задержаться в доме: ведь с минуты на минуту разговор коснется садовника-мали. Придется Ибрагиму утром оправдываться перед Люси-мем: дескать, сам не знал, что мистер Булабой вернулся. А госпожа наверняка рассердится и скажет, что скандал (который должен разразиться с минуты на минуту) произошел по его, Ибрагима, вине.

Не выдержав, Ибрагим вышел на веранду. Но скандал что-то запаздывал. В десять вечера мистер Булабой пожелал супругам спокойной ночи, те помахали ему рукой на прощание и, приказав Ибрагиму запереть за гостем калитку, ушли в спальню. Ибрагим выполнил приказ, вымыл бокалы и вышел на заднюю веранду: может, Мина напомнит о своем существовании. Веранда примыкала к стене ванной, и вот оттуда-то и донесся до Ибрагима непонятный звук. Невероятный звук! Ибрагим не верил своим ушам! Не может быть! Однако сомнений не оставалось: из-за высокого решетчатого оконца до Ибрагима донеслось всхлипывание. Плакал сахиб! Вот заговорила и Люси-мем:

— Ах, Слоник, Слоник! Ну что ты, в самом де-

ле! Такие пустяки. Тебе нельзя волноваться. Ну, кому же об этом разговор заводить, как не тебе. Промолчал, ну и ладно. Все к лучшему. Ну что ты из-за какой-то лужайки расстраиваешься. Пусть хоть вся зарастает. Тебе-то что? Вот увидишь, Билли-бой проследит, чтобы газон подстригли. Да если и не подстригут, что за беда! Главное-то не в этом, главное — мы с тобой вместе!

— Верно, Люси, — согласился Слоник.

Ибрагим поднялся и пошел прочь.

Утром, передав ему список покупок и письмо, которое нужно было послать авиапочтой, Люси-мем сказала:

— Пожалуй, пора начинать «Операцию мали». Понимаешь меня, Ибрагим?

— Еще бы не понять, мем-сахиб!

Глава четвертая

Звали нового мали Джозеф, и был он христианином.

— Сирота, — отрекомендовал его мистер Булабой. Он-то, собственно, и нашел парня, что придавало обману некоторое правдоподобие. Спроси, к примеру, Слоник: «Никак у нас наконец-то новый мали?»— мистеру Булабою не придется грешить против истины. «Это Джозеф, сирота, — скажет он, — нашел я его в Ранпуре в самом бедственном положении, он согласен на любую работу». Но эта правдивая версия существовала пока лишь умозрительно, ибо Слоник не заводил разговора о новом мали, так того требовали обстоятельства.

Он вообще не заводил разговора о мали. Ни с кем. То-то велико было разочарование организаторов «Операции мали»: Джозеф наконец появился у «Сторожки» и начал стричь газон, а Слоник не обмолвился ни словом! И продолжал упорно молчать, словно бы и не замечая мали. Смех, да и только! День за днем Джозеф в поте лица косил, стриг, полол на самом виду у Слоника, тот сидел на веранде и с необыкновенным рвени-

ем что-то записывал в школьной тетрадке. Даже когда Джозеф, сидя на корточках, пропалывал клумбу с каннами у самой веранды, Слоник не перекинулся с ним ни словом.

Молчала и мем-сахиб: она не заговаривала ни с мали, ни со Слоником (о работнике). Оставаясь наедине с Ибрагимом, она позволяла себе короткие замечания вроде: «Твой мали хорошо работает» или: «Мальчик, похоже, тихий, славный»— и сразу же переводила разговор на другое. Ибрагиму такое поведение было понятно. Ведь Люси-мем, чтобы потрафить мужу, пошла на обман, и чтобы обман этот не бередил душу, ей каждодневно приходилось убеждать себя, что к Джозефу она никакого отношения не имеет. Хотя платить Джозефу придется ей. Откуда она возьмет деньги, Ибрагим не спрашивал. Может, будет выкраивать из домашнего бюджета. Люси-мем никогда не отличалась хорошим аппетитом, а сейчас стала есть и того меньше, как птичка.

Но больше всего Ибрагим изумлялся сахибу. Вот уж кто обманывал, да притом сам себя! Сначала весь дом вверх дном поднял из-за мали, а теперь притворяется, будто ни сада, ни мали и вовсе не существует.

В целом же «Операция мали» удалась. Люси

провела ее тщательно, как, впрочем, и все, что она делала, например, вязала. Сколь бы ужасны ни оказались плоды ее труда, она часами могла корпеть над вязанием, терпеливо распуская ряд за рядом, случись спуститься петле или окажись вязка (по мнению самой Люси-мем) рыхлой.

На следующее утро после визита мистера Булабоя Люси вдруг исчезла минут на двадцать (обычно в это время она из дома не отлучалась), а вернувшись, подозвала Ибрагима и сообщила, что выполнила все, зависящее от нее, то есть выяснила планы Дирекции: в обозримом будущем нового мали не будет, как знать, может, даже и теперешний, хромой и кривой паренек, потеряет место. Дирекция также подтвердила, что миссис Булабой и впрямь полагала: с прошлого июля она не обязана предоставлять супругам Смолли садовника. И остается, что называется, лишь сидеть у моря и ждать погоды.

— Дальше, Ибрагим, дело за тобой. Вчера сахиб очень расстроился: ведь мистер Булабой о саде и не упомянул. Жаль, я не знала, что он вернулся, иначе поговорила бы с ним до того, как он навестил нас. Ну, да ничего не поделаешь. Жаль, конечно. Мне все эти заговоры, интриги противны до глубины души, я в жизни так не поступала.

Да, было время, когда мы и не помышляли о таком, о том времени мой бедный отец говорил…

— Упокой господь его душу, — вставил Ибрагим, памятуя, что отец Люси-мем был священником.

— …Говорил так: слово англичанина надежнее любой расписки, честность англичан во всем мире известна.

— Раз англичанин — значит честный, да, мемсахиб?

— Верно, Ибрагим. Ох, сколько с той поры воды утекло…

* * *

Мистер Булабой сказал, что разрешает пользоваться инструментами уволенного мали. Более того: он сам и парнишку нашел, дельного, послушного, разве что не ахти какого смышленого.

Несмышленый — это ж как раз что надо, подумал Ибрагим. Мистер Булабой рассказал ему о Джозефе. Он нашел парня на паперти воскресным утром. Христианская община в Панкоте состояла в основном из евразийцев, детей от смешанных браков англичан с индийцами, и по своей малочисленности не могла рассчитывать на собственный приход. Раз в месяц преподобный Стефен Амбедкар приезжал из Ранпурской

церкви святого Луки для воскресной службы. В такое-то воскресенье и набрел мистер Булабой на спящего на паперти Джозефа.

Мистер Булабой был старостой в англиканской церкви в Панкоте и помогал проповеднику, а посему в день службы появлялся в церкви спозаранку, одновременно с мисс Сюзи Уильямс. Мисс Уильямс происходила из некогда известной в Панкоте семьи, среди ее предков были как англичане, так и индийцы. Ныне же из всей семьи здравствовала лишь мисс Уильямс. Была у нее еще сестра много моложе и много белее кожей, во время второй мировой войны она подцепила американского солдатика и укатила с ним в Цинциннати — и с той поры о ее жизни мало что известно. Мисс Сюзи Уильямс унаследовала от матери парикмахерский дар; у той во времена раджей числились в клиентах почти все вельможные дамы Панкота. А еще мисс Уильямс проявила способности к музыке и немалый вкус в составлении букетов. Она играла на фортепиано во время служб в церкви святого Иоанна (орган давным-давно приказал долго жить, а на починку не было денег) и украшала алтарь цветами. В дни служб и мистер Булабой и Сюзи приходили рано-рано утром; сначала староста

отпирал церковь, через полчаса — к восьми утра — появлялась и мисс Уильямс. Они приносили с собой еду и завтракали в ризнице.

Обнаружив в то утро на паперти спящего Джозефа, мистер Булабой заключил, что тот пришел из Ранпура в поисках работы, что он бездомный, голодный и верует в Господа нашего Иисуса Христа; а потому угостил его чапати[4] и чаем из термоса. Когда, утопая в цветах, появилась мисс Уильямс, мистер Булабой уже занимался своими делами, а паренек исчез. Мистер Булабой позже нашел его на церковном подворье: тот сидел подле одной из неухоженных могил и выдирал траву — так он хотел отплатить за еду. Потом помог и мисс Уильямс: наполнил вазы водой, подрезал стебельки цветов. По его словам, ему доводилось так помогать и «сестрам» в Ранпуре. Мисс Уильямс осталась весьма довольна. Но пока она, отворотясь от Джозефа, ставила цветы в последнюю вазу, он исчез снова.

Потом мистер Булабой уехал в Ранпур и лишь сегодня утром (как объяснил он Ибрагиму) заглянул в церковь, чтобы проверить, справляется ли со своими обязанностями его помощник, мистер

---

[4] Примечания: 4
Тонкая лепешка из пресного теста.

Томас, владелец кинотеатра «Новое электро», тоже полукровка, как и мисс Уильямс. Там-то и попался ему снова на глаза Джозеф, на этот раз не на паперти, а во дворе — парень приводил в порядок уже шестую могилу, срезал высокую траву садовыми ножницами, полученными от мистера Томаса.

Мистер Булабой почерпнул о парне еще кое-какие сведения. «Сестры», которых тот знавал в Ранпуре, оказались монахинями из больницы для умалишенных «Добрый самарянин». И наведавшись туда с рекомендательным письмом мистера Амбедкара (в кругах протестантских фигуры значительной: он ратовал за единение церквей и даже сносился с Ватиканом), мистер Булабой осведомился, кто такой Джозеф, не здешний ли он пациент. Но сестры монахини знали немного: в один прекрасный день Джозеф объявился в больнице и недели две помогал по саду, собирал цветы на стол матери настоятельницы. За это он получал пищу и кров. Потом вдруг исчез. О его былой жизни никто ничего не знал, парень либо сам все забыл, либо полагал, что рассказывать ни к чему. Монахини приодели его, подарили на память открытку с изображением Спасителя; однажды, зайдя к себе в кабинет, мать

настоятельница заметила, как Джозеф пристально разглядывает картинку. Сестры монахини так охарактеризовали паренька: простодушный, незлобивый, честный, исполнительный. И попросили мистера Булабоя, случись ему увидеть Джозефа вновь, передать ему, что в Ранпуре о нем помнят и с радостью приютят его в случае надобности на недельку-другую. «Это заблудший агнец господень, в сердце его любовь ко всему растущему», — так сказала мать настоятельница, прощаясь с мистером Булабоем.

Такая характеристика превзошла все ожидания Ибрагима.

— Мем-сахиб поинтересуется, сколько нужно ему платить.

Мистер Булабой лишь пожал плечами. Денег он Джозефу ни разу не предлагал. Мистер Томас давал, правда, какие-то гроши за то, что парень исполнял его поручения. Да мисс Уильямс заплатила ему рупию-другую за то, что он покрасил тростниковую мебель у нее дома. Джозефа интересовала лишь пища, кров да занятие по душе. Где бы такая возможность ни представилась, он не откажется. Миссис Смолли он обойдется почти даром, заверил мистер Булабой. И очень удачно, что хотя бы временно Джозеф будет при деле. А

уж совсем замечательно, если и миссис удастся потрафить: она без труда убедит супруга, что новый мали — из гостиничной прислуги.

— А что скажет мадам? — спросил Ибрагим, кивнув на гостиницу, где находилась сама хозяйка.

— С ней я все сам улажу, — храбро заявил мистер Булабой, чем немало насмешил Ибрагима. Но конечно, больше всех будет смеяться миссис Булабой, узнав про «Операцию мали»: пусть Слоник думает, что она наконец уступила, хотя он платит садовнику из своего же кармана. Вообще-то трудно вообразить, что миссис Булабой способна смеяться, но если еще способна, лучше повода не сыскать.

— Тогда, господин директор, я сейчас сообщу мем-сахиб.

— А может, сначала взглянешь на парня? Он на церковном дворе. Я тебя провожу.

— Нет, сперва — мем-сахиб, потом уж — парень. Господину директору больше утруждать себя не нужно. Только б насчет инструментов договориться. Если госпоже Джозеф понравится с моих слов, я схожу к церкви и переговорю с ним.

Госпоже понравился Джозеф со слов Ибрагима, но знакомиться с ним она не пожелала, дове-

рившись рекомендациям мистера Булабоя и Ибрагима.

— Так какую же плату он попросит?

— А сколько мем-сахиб готова заплатить?

— Самое меньшее, на что он согласится. Сколько, по-твоему, это будет?

Ибрагим назвал сумму.

— Но ведь почти столько же ты предлагал платить и первому, ты еще про другого говорил — тот, дескать, не так смышлен, но крепок и послушен. И обойдется дешевле. Намного ли он дешевле, чем тот, которого нашел мистер Булабой?

Совсем запутал старушку Ибрагим.

— Так это и есть тот, о котором я говорил. Откуда мне было знать, что и мистер Булабой им заинтересуется.

— Я могу платить ему в месяц на пять рупий меньше, чем ты предлагаешь. Если уж он очень хорошо себя проявит, мы подумаем о надбавке.

— Не забудьте о питании, мем-сахиб.

— Поначалу ты возьмешь это на себя, Ибрагим. Не бойся, внакладе не останешься. Приведи его. Дадим ему испытательный срок. Если выдержит, скажешь ему, какое жалованье мы ему положим, а придет пора платить, мы дадим деньги тебе и прибавим еще на его питание.

* * *

— Пошли, — позвал Джозефа Ибрагим, — тебя хочет видеть Булабой-сахиб. Может, работа найдется.

И Джозеф, являя истинно библейскую кротость, безропотно пошел за Ибрагимом. Тому парень понравился — на вид послушный. На гостиничном дворе мистер Булабой открыл сарайчик прежнего мали и показал Джозефу его сокровища. Джозеф застыл на пороге, точно перед священной пещерой, не решаясь войти. Мистер Булабой и Ибрагим буквально втолкнули его в клетушку. Первым делом Джозеф подошел к деревянной полке, где в горшках томились засохшие кустики герани. А может, еще оживут? Парень потрогал сухие ветки пальцем, нащупал средь увядших листьев зеленую почку, пробормотал что-то себе под нос. Потом погладил ржавые садовые ножницы. Наконец, встав на колени, принялся изучать старую косилку с веревками, которыми привязывался некогда ящик для скошенной травы.

— Пошли, — снова поторопил его Ибрагим, и вместе с мистером Булабоем они подошли к пролому в стене, соединявшему гостиничный двор со двором «Сторожки», где буйствовала давно не

кошенная трава. Ибрагим сразу приметил Слоника, тот сидел на веранде в плетеном кресле и, похоже, дремал. Ибрагим повернулся к мистеру Булабою.

— Господин директор, покажите, пожалуйста, что должен делать Джозеф. — Сам же не двинулся с места.

Мистер Булабой повел Джозефа во двор. Будь у Слоника открыты глаза, он бы непременно увидел обоих, хотя к веранде они не подходили. Мистер Булабой встал посреди лужайки и начал что-то объяснять, размахивая руками. Джозеф лишь зачарованно слушал, потом встал на колени, потрогал траву. Булабой указал на клумбу с каннами, но к ней они не пошли. Вот они вернулись, и Джозеф сразу же поспешил в сарай: отвязав от косилки веревки, он вытащил ее на свет божий. Осмотрел как следует, покопался на полках в сарае и отыскал банку с машинным маслом, наждачную бумагу, старую кисть и ржавый, сточившийся нож. Очистил его и принялся соскабливать грязь с косилки. За все это время он не проронил ни слова.

— Все в порядке, вот ты и при деле. — напутствовал его Ибрагим.

К полудню вычищенная и смазанная маслом

косилка блестела на солнце. Все так же молча Джозеф притащил ее во двор «Сторожки» на газон. Выяснилось, что для такой высокой травы нужно переставить ножи. Джозеф принес гаечный ключ и взялся за работу. Ножи пришлось подгонять несколько раз, наконец косилка пошла ровно и легко. Зеленым фонтаном полетела в стороны трава, а на земле осталась бурая борозда ладони в две шириной. Джозеф присел, провел ладонью по земле, потом захватил пригоршню травы, внимательно рассмотрел.

Больше Ибрагим не стал приглядывать за новым мали. Пора было собирать обед. Скинув сандалии, он взобрался на веранду. Сахиб не спал, но в сторону Джозефа даже и не взглянул, словно не слышал, как весело стрекочет косилка: конец беспорядку и запустению! Не слышала ее и мем-сахиб: она сидела за столом в комнате и писала очередное письмо. Вот Ибрагим принес каждому из супругов поднос с обедом, а они по-прежнему оставались глухи и слепы к новому мали. Последовал их примеру и Ибрагим, занявшись собственным обедом. Когда потом он пришел забрать подносы, косилка уже умолкла. Наверное, парень бросил работать, и, как и его предшественник, нашел укромное местечко, и

дрыхнет.

Однако оказалось, что паренек работает, аккуратно сгребает скошенную траву в кучки. Хотя и сам Ибрагим не прочь был вздремнуть, он занял свой излюбленный наблюдательный пост. Мем-сахиб после обеда спала в доме, а сахиб — в кресле. Вот парень погрузил траву на тачку и увез; вернулся, нагрузил еще и снова увез. Вот зачем-то потыкал стриженый газон вилами. К чему бы это? Что это он удумал? У Ибрагима слипались глаза, однако он не сводил с Джозефа взгляда.

Вот Джозеф посмотрел в его сторону, и Ибрагим поманил паренька пальцем. Сначала тот не понял, пришлось поманить снова. Джозеф воткнул вилы в бурый торфяник, зашел за сарайчик, откуда и наблюдал Ибрагим, остановился, выжидая.

— Ты зачем тычешь вилами траву?

Лишь вблизи Ибрагим рассмотрел, что с парня пот катит градом.

— Чтоб она дышала.

— Это ты мне хочешь сказать, что трава дышит?

— Все живое дышит.

Ибрагим даже расчувствовался. Сам-то парень едва дышал от усталости.

— Хватит, отдохни чуток. Хочешь перекусить?

Глава пятая

Ужин в тот вечер им обоим приготовила Мина. За столом Ибрагим рассказал Джозефу все, что, по его разумению, полагалось знать мали: то, что прежний мали ушел служить в «Шираз»; то, что миссис Булабой — женщина с норовом и лучше держаться от нее подальше; что сахиб-англичанин нездоров, а потому, возможно, не заговорит с ним, а если и спросит что, Джозеф должен отвечать, что приводит сад в порядок по распоряжению мистера Булабоя. Пока же Джозеф должен слушаться только Ибрагима. Еще он сказал, что сахиб и мем-сахиб во времена раджей были важными господами, что живут в Индии уже сорок лет, и хотя они и сейчас господа хоть куда, но, как и все старики, не без чудачеств. Могут, например, утро с вечером перепутать.

— У них что же, часов нет? — спросил Джозеф.

— Трое часов у них. Одни на кухне, другие в гостиной, третьи в спальне. Да у каждого еще и наручные часы. У меня тоже есть, швейцарские, противоударные, водонепроницаемые, на рубинах, куплены в Лондоне, на Оксфордской улице. Все честь по чести. Запомни, если англичане

говорят, «он не знает, сколько времени», значит, намекают, что у него не все дома.

— Выходит, сахиб и мем-сахиб не в себе?

— Случается.

— А они были у «сестер»?

— Да нет, у англичан это по-особому, на свой английский манер.

— А ты, Ибрагим, был за границей?

— Я в Англии жил.

— Э-э-э, — протянул Джозеф, помолчал, потом спросил: — А сады в Англии красивые? Говорят, у них самые красивые сады в мире. Вот бы где работать!

— Хочешь за границу поехать?

— Да, чтоб в таких вот садах работать. Гайд-парк, Сенжемс[5], Кью, Энисмор.

— Где этот Энисмор?

— Одна из сестер переписывается с женщиной, которая там живет. А я письма на почту ношу. Сестра меня и адрес читать научила. Ох, до чего ж трудно!

— Ты в этом саду работай как следует, и если хозяевам понравится, как знать, может, все и удачно для тебя сложится. Возьмут на постоянную ра-

---

[5] Примечания: 5
Искаж. — Сент-Джеймс.

боту, будут хорошо платить, скопишь денег. Как мой шурин. Он служил у офицера-бенгальца в Мирате. — Ибрагим помолчал, откашлялся. — Женился на моей старшей сестре, уехал за границу, в Лондон. Поступил официантом в ресторан. Чаевых получал много — выучка-то хорошая, отец у него вроде моего, а мой у полковника Моксон-Грифа служил, когда тот еще в капитанах ходил. Потом он с женой уехал в Англию. Но я о другом хотел сказать. О моем шурине: чаевых он немало получал, вот и копил денежки, копил.

— На собственный ресторан?

— Нет, он лавку открыл да еще деньгами сестре помогал. Так вот, в лавке он работал не покладая рук, дело у него процветало. Купил он дом да сдал внаем. Понимаешь, что такое «сдать внаем»?

Джозеф помотал головой.

— Ну, большой дом, много-много комнат, чтоб много людей могло жить. Все, как один, из Индии и все, как один, в Финсбери-парке.

— Там тоже парк, — пробормотал Джозеф.

— Разбогател шурин, послал за женой, то есть за моей сестрой. Поехала она за границу и меня взяла, чтоб охранял, путь-то неблизкий, да чтоб шурина повидать и его родственников: сколько уж их в Англию перебралось.

— Расскажи, Ибрагим, про Финсбури-парк.

— Финс-бери, а не бур-бур-бур, понял? А чего рассказывать-то? Площадь да улица: магазинов тьма, домов жилых да машин не счесть. Я что ж, за границу поехал дома разглядывать? Или тоже лавку открывать? Я сестру поехал провожать, охранял ее, понимаешь, да опыту житейского поднабирался. А это подороже денег. А ты здесь вот опыт получишь, а еще еду и крышу над головой. А если проявишь себя, так и немного денег.

Ибрагим примолк. Смышленый парень тут же спросил бы: а сколько денег? По крайней мере умный догадался бы спросить. Джозеф до сей поры представлялся Ибрагиму смышленым даже чуть сверх положенного, но никак не умным. Впрочем, сейчас окончательно определится: спросит Джозеф о деньгах, значит, придется держать с ним ухо востро. Очевидно, сейчас он как раз и обдумывал этот вопрос.

— Ибрагим, — наконец сказал он, — а чтобы «проявить себя», я должен хорошо работать, да?

— Молодец, что спросил. Нужный вопрос. И отвечу тебе, не все зависит от хорошей работы. Я, например, стараюсь, из кожи лезу вон. И уж сколько раз меня выставляли.

— Как это — выставляли?

— Ну, выставляли, выгоняли значит. Увольняли. Оставляли без работы. Такое всякий день может случиться.

— Но ты же пока здесь, — подумав, возразил Джозеф.

— Ты знаешь, что такое восстановить в должности?

Джозеф нахмурился, осмысливая трудные слова.

— Ну вот, смотри, — Ибрагим перешел на шепот, так как неподалеку тенью мелькнула Мина: она, без сомнения подслушивает их мужской разговор, — Наступает день когда сахиб бывает не в себе. Тогда он может послать меня к чертовой бабушке, чтобы глаза его меня не видели. Меня рассчитывают, увольняют, гонят в шею. Я пожимаю плечами, говорю: «Да будет воля твоя, Господи». И жду мем-сахиб. Она приходит, я говорю, что меня уволили, таков приказ сахиба. Она идет к нему: «Слоник, ну разве мы обойдемся без Ибрагима?» Тогда он и ее посылает к чертовой бабушке.

— А где у черта бабушка?

— Ну, это так издавна говорится. Вроде как молитва, только наоборот. Я тебя и другим таким словам научу, только ты смотри не брякни при

господине.

Джозеф кивнул.

— Так вот, я отправляюсь к чертовой бабушке. Меж тем наступает вечер, никто не варит хозяевам какао, а значит, мерзнут старые, плохо спят ночью. А утром никто их не будит, не кормит кашей — как одолеть впроголодь холодный день! Я кашу не варю, мем-сахиб — тоже: ее в некотором роде отправили туда же, куда и меня. Значит, варить кашу самому сахибу, вот и расплачивается за упрямство: ничего, конечно, у него не выходит, печка на кухне — сущий шайтан! И начинает господин искать меня. Заглянет в мою клетушку — вещей нет, тогда идет к Мине, я, конечно же, у нее.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает.

— Жду, когда причитающиеся деньги получу, — говорю.

— А какие ж тебе деньги причитаются, если ты ни черта не делаешь? — спрашивает.

Значит, думаю, все в порядке, меня восстановили. Когда мем-сахиб меня прогоняет, тогда сложнее. Ведь женщина на кухне и сама управится: и чай заварит, и кашу еще лучше меня приготовит. Тут дня два-три приходится ждать, пока сахиб меня разыскивать начнет.

— Мем-сахиб руку обожгла, — говорит. Или еще какой предлог выдумает.

Джозеф лишь кивал, слушая Ибрагима. Тот закурил. Как все удачно сложилось: парень не курит и не пьет. Правда, ест за троих. Так Мина рада-радешенька, глядя, как он ее стряпню уписывает — только за ушами трещит. (Нужно быть начеку: Джозеф собой не-дурен.)

— Ибрагим, а что будет, если и сахиб и мем-сахиб тебя выгнут?

— Не выгнут, а выгонят. Учись правильно говорить.

— Что будет, если тебя выгонят сразу и сахиб и мем-сахиб?

Ибрагим задумался.

— Смотри-ка, ты, оказывается, не только садовник, но и философ! Вторгаешься в сферу метафизики? Может, тебя и зовут-то Джозеф Эйнштейн, а? Может, ты всякие теории про относительность изобретаешь? Неужто я неясно сказал: сахиб и мем-сахиб вечно не ладят и бывают еще порой не в себе.

— Хорошо, Ибрагим, объясни мне тогда: скажем, случится, что они не в себе в один и тот же день и забыли поругаться. И выставят тебя вдвоем. Кому придется тогда кашу варить?

— Во всяком случае не тебе, Джозеф, — почуяв неладное, быстро проговорил Ибрагим. — Если уж меня уволят, то и тебе здесь не остаться. Кашу варить тебя никто не просит, знай стриги газон да за каннами ухаживай. Ты ведь работаешь не на господ Смолли, а на меня. Ты мой парень.

Джозеф потупил взгляд. Отобедав, они с Ибрагимом сидели на полу средь пустых тарелок. Мина, обедавшая рядом за перегородкой, подала голос:

— И не стыдно тебе на старости лет к мальчишке приставать?

— Что за чушь ты несешь? — крикнул в ответ Ибрагим.

— Какая ж чушь! Ты ж на весь белый свет заявляешь, что это твой парень!

— На весь белый свет?! Это ты, что ли, белый свет? У тебя только ухо необъятное, а вот умишко-то крохотный. — Помолчав, Ибрагим обратился уже к Джозефу: — Не слушай ты ее. Ей просто досадно, что я тут с тобой сижу говорю, а не расхваливаю ее обед. Я тебе все как отец родной объясняю. Понял?

Джозеф поднял глаза. Но смотрел он угрюмо и настороженно. Ибрагим, видно, угадав нечто в поведении парня, торопливо прибавил:

— Ну, не как отец там, или брат, или учитель

в сиротском приюте. Просто как старший. И по возрасту, и по работе, как и договорено с Булабой-сахибом.

Взгляд у Джозефа прояснился. Чуть подумав, он сказал:

— Недели через две, Ибрагим, трава, что я скосил, станет хорошим удобрением. Только сейчас ей побольше воды надо. А придет жара, нам это удобрение для канн сгодится. Они перегной любят. Разбросаем его по клумбе, он влагу в земле задержит. И вырастут канны высокие и красивые. Значит, я хорошо поработал, верно?

Снова ждал Ибрагим: вот-вот спросит, сколько ему будут платить. Но Джозеф не спросил. Тогда Ибрагим ответил:

— Хорошо, Джозеф, дорогой, хорошо. Все верно. Сахиб очень любит канны.

За шесть дней Джозеф мало-помалу скосил всю траву, перетаскал ее в компостную кучу на заднем дворе, истыкал вилами весь газон. Иной день Мина предупреждала Ибрагима, что миссис Булабой не в духе, и тот следил, чтобы парень не шумел. Но и без косилки Джозеф не унывал. Работы он не чурался. Всегда найдет чем заняться. На седьмой день, вместо того чтобы отдыхать, он основательно вычистил косилку, наточил

ножи, закрепил их пониже и, оставляя валок за валком, еще раз прошелся по лужайке, которая снова обратилась в газон. Джозеф полил его и принялся подравнивать траву по краям садовыми ножницами.

В тот день к обеду Слоник оправился настолько, что решил прогуляться. В конце февраля солнце в Панкоте уже припекает, но еще свежо. Слоник обмотал шею шарфом (одним из тех, что связала Люси), в руку взял трость, под руку — жену и спустился с крыльца. Кликнул Блохсу, и собака лениво поплелась вслед за хозяевами по тропинке к боковой калитке. На Джозефа они не взглянули, Джозеф, в свою очередь, и глаз на них не поднял. Когда часом позже вся троица возвращалась с прогулки, лишь глупая собака обратила внимание на Джозефа, залилась лаем, набежала на него, рыча и скалясь, словно видела этого пришельца впервые.

— Ко мне! — стукнув тростью, прикрикнул Слоник. — Кому говорю: ко мне!

Мем-сахиб прошла в дом, предоставив Слонику демонстрировать твердую хозяйскую волю.

А Блохса тем временем лаяла, напрыгивая на несчастного Джозефа. Тот сидел на траве недвижно. Вдруг собака заскулила, поджала хвост и

сбежала в дом.

Ибрагим наблюдал за этой сценой со стороны. Позже он спросил Джозефа:

— Что же ты ей такого сказал?

— Всего два слова: благословляю тебя.

— Ну, это священные слова. Хотя я и получше знаю. Во всяком случае для собаки. Как-нибудь и тебя им научу.

* * *

Ветер весенний так душу колышет,

Звонит телефон. Только кто его слышит?

Нынешним мартом Люси-мем все время ставила пластинку «Ах, эти шалости». У нее был старенький граммофон для пластинок, лишь на семьдесят восемь оборотов. Пользы от него, конечно, мало: у Люси-мем все пластинки одна древнее другой, куплены еще во время войны и заиграны настолько, что сквозь шипенье и скрип доносились лишь неясные завывания. Иногда Люси сама напевала старые песни, что очень нравились Ибрагиму. В последнее время она пела, лишь оставаясь одна. Порой супруги Менектара просили ее поставить старую пластинку

дуэта «Кляксы» или Джуди Гарланд, и Люси-мем никогда не отказывала. Слоник лишь смеялся над старыми песнями, да и гостей они забавляли. Ибрагим знал: хозяйка-то относится к песням серьезно. А самая любимая хозяйкина пластинка (Ибрагим знал наверное, так как хозяйка заводила ее, когда дома никого не было, не считая, конечно, Ибрагима, слушавшего с веранды или из кухни) — песня в исполнении Дайны Шор «Хлоя». Кроме любви к кино Ибрагим делил со своей хозяйкой и любовь к музыке из фильмов: еще семья Моксон-Гриф держала граммофон наподобие хозяйкиного и такие же пластинки — они заводили их, когда в гости приходили молодые люди, любившие потанцевать вечером. Ибрагим — в ту пору еще малец — тихонько пристраивался около веранды, смотрел и слушал.

Когда мем-сахиб заводила «Хлою», она замирала и закрывала глаза. Иногда она ставила пластинку несколько раз подряд. Ибрагим прекращал работу — где бы ни настигала его «Хлоя» — и кивал в такт старой песне. «У — бумпа — бумпа — бумпади — ди — ду. Бум-па — бумпа — ди… Сквозь ночную мглу я к тебе приду. Прав я или нет, другого пути нет. Я топями пройду, а все ж тебя найду. Бумп. Я все же тебя найду. Пропасть

не дам тебе — я помогу в беде».

— Что за печаль тебя одолевает? — спросила как-то Мина после того, как он послушал песню. Ибрагим ответил:

— Мировая скорбь.

В первый весенний день Слоник наконец-то вышел гулять один. Первого числа каждого месяца Люси-мем сверяла счета и платила жалованье Ибрагиму. Вот Слоник с собакой скрылись из виду, сейчас скрипнет крышка бюро — там Люси-мем держала шкатулку с деньгами, лязгнет замочек. Так и есть, скрипнуло, лязгнуло. Ибрагим поставил чайник — пора кипятить воду и заваривать хозяйке кофе. В кофе он добавил, как обычно, немного бренди, чтобы Люси-мем была в духе. После кофе она некоторое время сводила приход — расход, потом призывала Ибрагима: он отчитывался за прошедшую неделю, а она читала ему нотацию, как важно экономить, когда цены растут не по дням, а по часам, и, наконец, выдавала жалованье.

В такие дни Люси-мем представала во всем своем великолепии, затмевая даже сахиба. Из-за кухонной двери Ибрагим с изумлением и восхищением следил за ее выверенными движениями. Порой его одолевало сладостное нетерпеливое

ожидание: а вдруг разыграется скандал, именно разыграется, ибо каждая из сторон знала свою роль назубок.

Поначалу хозяйка работала молча. На фразу Ибрагима «Кофе, мем-сахиб» она отвечала лишь: «Спасибо, оставь на столе». Ибрагим ставил поднос слева, чтобы она могла дотянуться. В правой руке она держала изящную, черную с серебряным колпачком шариковую ручку и ни на миг с ней не расставалась, проверяя счета, прежде чем занести цифры в правую колонку расходной книги. Левой рукой она нанизывала счета на наколку, время от времени наливала себе кофе и подносила чашку к сурово сжатым губам. Ибрагим заметил, что считает она одинаково быстро, как с кофе, так и без него.

Порой она что-то записывала в красную книжицу, но, увы, стенографическими знаками, которые для Ибрагима представали лишь непонятными закорючками. Жаль, что он так и не выучился стенографии! Сегодня она записывала реже, чем обычно. Да и считала непривычно долго. Может, он слишком много бренди в кофе налил? Подождав, пока хозяйка наконец справится с арифметикой, Ибрагим вошел, деликатно кашлянул и спросил:

— Не желает ли мем-сахиб еще горячего кофе?

Она лишь помотала головой, он убрал поднос, вымыл кофейник и чашку, прислушиваясь, не зовут ли на привычную церемонию.

Позвали. Ибрагим вошел, поклонился, принял деньги в левую руку, правой расписался в книге, как всегда вычурно, с завитушками. И вновь поклонился.

— Что касается газона, — заговорила хозяйка, — по-моему, сахиб очень доволен, как мистер Булабой все устроил. Слоник даже выглядеть стал много лучше. И я довольна. Очень довольна.

— Приятно слышать, мем-сахиб.

— Смешно подумать, от каких мелочей зависит наше здоровье. Из-за мелочей мы болеем, из-за мелочей же и на поправку идем. — Она снова нацепила на нос очки и стала что-то искать на столе. Отыскав нужный конверт, передала его Ибрагиму.

— Это за сад, — пробормотала она и задержала руку, коснувшись пальцев Ибрагима. — Сегодня я иду в кино, купи мне билет на второй сеанс, — и дала еще денег.

— Разумеется, мем-сахиб. Но сегодня же только среда.

— Помню. По средам я нечасто в кино выби-

раюсь. Но уж очень я давно не была: ведь сахиб долго болел. Кстати, и у него сегодня будет не совсем обычный вечер. Он пригласил мистера Булабоя. Жена у того, похоже, едет сегодня играть в бридж, и мистер Булабой после ужина навестит нас. Тебе придется смотреть в оба: сахибу почти нельзя пить.

Ибрагим заложил руки за спину.

— Мем-сахиб пойдет в кино одна?

Обычно он нанимал для хозяйки легкую коляску, сам ехал рядом с возницей, блюдя, так сказать, хозяйкин покой и безопасность. Он встречал ее после сеанса и провожал домой. И конечно же, смотрел фильм и сам Ибрагим, причем чаще всего бесплатно, так как знакомый контролер пропускал его на свободное место в первом ряду.

Повелось так издавна, еще в бытность полковника Моксон-Грифа, еще с Мирата, когда Ибрагим под стол пешком ходил. Странно, но семья Моксон-Гриф ездила в кино именно по средам. Когда Ибрагим чуть подрос, отец, служивший у полковника, стал посылать мальчонку за билетами, давал деньги и записку от хозяина. В обязанности Ибрагима входило лишь сбегать в военный городок к кинотеатру «Королевский», отдать записку и деньги. С билетами он шел либо к отцу,

либо к Найку Хусейну, господскому шоферу, тоже заядлому кинолюбу. Причем пристрастился он к кино со скуки: надо же скоротать время, пока господа смотрят фильм. И Хусейн наловчился пробираться в первый ряд, который оставляли для слуг и выскочек-индусов, кичившихся «английским» образованием. А как-то раз, приметив Ибрагима, уже подпавшего под чары кино (лишь насмотревшись афиш в фойе!), Хусейн взял его с собой. Тогда фильм не удалось досмотреть до конца: Хусейну нужно было подать машину хозяев к выходу. Ибрагим же бегом припустил домой и предстал перед разгневанным отцом. От печальных последствий его спас все тот же Хусейн: он рассудил, что посмотреть фильм на чужом языке (совершенно непонятном и самому Хусейну) все равно, что приготовить домашнее задание по английскому. Ибрагим уже начал изучать английский и проявил немалые способности, он был в классе для детей «гражданского населения, состоящего на службе при полковых офицерах». В полковую школу Ибрагим попал при содействии семьи Моксон-Гриф. Поэтому, когда Хусейн сравнил кино с домашней работой, Ибрагимову отцу нечего было возразить. Напротив, при первой же возможности — миссис Моксон-Гриф спросила

его, как поживает сынишка, — он рассказал о кино.

С того дня по средам, когда Хусейн вез хозяев в кино, Ибрагиму разрешали сидеть рядом с ним на переднем сиденье. Наверное, супруги Моксон-Гриф немало удивлялись, чем привлекает мальчонку «серебряный экран», как они называли кино. На обратном пути они расспрашивали его о картине как на урду, так и по-английски. «Конец совсем неудачный, как по-твоему?»— частенько спрашивала миссис Моксон-Гриф. Ибрагиму не хотелось признаваться, что конца-то они с Хусейном и не видели. Иногда он просил Хусейна разрешить ему досмотреть, но тот не оставлял мальца ни на минуту без присмотра. Упущенное Ибрагим наверстал много позже, перед телевизором в Финсбери-парк, наслаждаясь старыми фильмами. Наконец-то он увидел, как умирает Грета Гарбо в «Даме с камелиями», как умирает Бетт Дэвис в «Мрачной победе», как она, забытая всеми, сидит в Тауэре в «Елизавете и Эссексе». В лондонском кинотеатре он любовался Вивьен Ли: она бежала сквозь туман в заключительных кадрах «Унесенных ветром».

Люси-мем не привередничала в отличие от Моксон-Грифов из-за минут и секунд, да и прыти

у нее такой не было. После сеанса она любила поделиться впечатлениями со знакомыми в фойе, так что Ибрагим успевал досмотреть фильм до самого конца, выйти из зала вместе со всеми, даже взять легкую двуколку и подать ее к выходу. По дороге домой он обсуждал с хозяйкой фильм, хотя она сидела сзади, он — спереди. Ему эти беседы очень нравились, становилось понятно, что волнует Люси-мем и почему, что ее смешит или, напротив, огорчает, утомляет. Он и теперь с нетерпением ждал следующего похода в кино. Ведь и ему, пока болел Слоник, было не до развлечений.

Обиженно заложив руки за спину, он спросил:

— Мем-сахиб пойдет в кино одна?

— Ах да, ведь тебе, Ибрагим, тоже хочется.

Он лишь повел головой: ни да, ни нет, а как пожелает мем-сахиб.

Она улыбнулась, сняла очки.

— А почему бы и нет? В самом деле почему? В конце концов, мы оба заслужили выходной. И положимся на сахиба: он не враг своему здоровью, да и господин Булабой не даст ему много пить. Итак, Ибрагим, мы оба отправляемся в кино. Что там у них сегодня?

— По второму разу идет «Буч Кассиди и Санданс

Кид» с Полом Ньюменом и Робертом Редфордом.

— Ах да, помню. Мы в прошлом году видели. Но таких актеров и еще раз не грех посмотреть. Возьми на второй сеанс, места как обычно.

Ибрагим еще раз поклонился. На кухне он заглянул в конверт с надписью «За сад». За десять февральских дней, которые проработал Джозеф, ему полагалось на рупию больше, исходя из оговоренного месячного жалованья. Откровенно говоря, Ибрагим ожидал, что мем-сахиб обсчитает его крупнее. Все-таки обсчитала, хоть и чуть-чуть. «Настоящая леди!» — восхищенно подумал Ибрагим.

Выходя из «Сторожки», он уже прикидывал, на какую часть садовничьих денег вправе претендовать он сам, а какую отдать Джозефу. Вдруг заиграл граммофон. Ибрагим заглянул в дверь: мем-сахиб, ритмично покачивая бедрами, легонько переступала ногами в ветхих туфлях, будто кружила с невидимым партнером в танце.

О, как мое сердце крылато!

Глава шестая

Пока Ибрагим ходил за билетами, а сахиб гулял с собакой, принесли почту. Среди счетов и рекламных каталогов было и письмо, присланное авиапочтой из Англии от семьи Блакшо. Обычное письмо в обычном конверте, не то что эти новомодные «аэрограммы»: пока распечатываешь, непременно разорвешь и письмо — оно ведь написано на самом конверте изнутри. А от Блакшо письмо пришло в обычном конверте, и неспроста: в него была вложена вырезка из газеты «Таймс», из отдела некрологов.

«19 февраля у себя дома в графстве Суррей после непродолжительной болезни скончался Джон Фредерик Уильям Лейтон, подполковник в отставке (служил в Панкотском стрелковом полку), горячо любимый супруг ныне покойной Милдред Лейтон (в девичестве Мьюир), вырастивший благодарных дочерей Сару и Сюзан, внуков Тедди, Ланса и Джейн, правнука Боски. Похороны без гражданской панихиды. Просим цветов не присылать, пожертвования направлять в Фонд исследования раковых заболеваний».

Фиби Блакшо писала: «Страшно подумать,

мы дожили до той поры, когда первым делом в газетах прочитываем некрологи. Я, как только увидела слово „Панкот“, подумала, что вы со Слоником, должно быть, знавали полковника Лейтона и его семью или хотя бы слышали это имя. Мы-то сами не считаем себя исконно „полковыми“, и фамилия Лейтон нам мало что говорит, разве что упоминалась в беседе. На всякий случай посылаю вам вырезку.

Как живет милая старая „Блохса“? Как живете, вы, милые, старые друзья?»

И, нанеся столь разящий удар, Фиби, как и обычно, принялась подробнейше описывать свою жизнь. Конечно, Люси посчитала бы письмо невыносимо скучным, но, увы, больше ни от кого писем она не получала.

Слоник вернулся с прогулки, похоже, в духе. Весело спросил:

— Есть ли что занятное в сегодняшней почте?

— Лишь письмо от Фиби.

— Небось обычное занудство. Ну, старушка, чем покормишь солдата после марша?

Не упомнить, когда он так ее называл в последний раз.

— Слоник, дорогой, неужто проголодался с прогулки?

Он утвердительно кивнул, добавив, что не хочет ни бульона, ни готовых ресторанных обедов. В ресторан тоже не хочет. Посмотришь, как миссис Булабой ковыляет из спальни на кухню да ноет из-за своей мигрени, так стошнит. Пока болел, он не видел миссис Булабой и не прочь вообще никогда не видеть ее.

Он потрепал Блохсу по дремучей голове и задумался. Наконец-то, наверное, и о саде скажет.

— А почему бы нам не пойти пообедать в «Шираз»? — спросил он.

Жена возликовала в душе, а вслух сказала:

— Но там же так дорого!

— А мне на это плевать!

— Может, лучше пойти вечером?

— Вечером я не могу. Я пригласил Билли-боя, ты что, забыла? Посидим с ним за рюмочкой.

— Ничего я не забыла. Прекрасно, если в кои-то веки мы выберемся пообедать в «Шираз», но я боюсь, ты переутомишься. Может, пойдем в «Шираз» в другой раз, когда вечер у тебя будет не занят?

— Как это — «в другой раз»! Есть-то я хочу сейчас! Да и пить тоже. Ибрагим!

— Ибрагим ушел. Что тебе принести?

— Джина, если там еще осталось. А куда этот

гнусный бездельник подевался?

— Просто, раз ты будешь весь вечер с Биллибоем, я решила пойти на второй сеанс в кино, вот и послала Ибрагима за билетами. Что-нибудь не так?

— Да нет, все как обычно. Ты же часто ходишь в кино.

Ходила, пока ты не заболел, хотелось добавить ей, но она смолчала. Слово за слово — разгорится спор, и хорошего настроения у Слоника как не бывало.

Она принесла ему сильно разбавленный джин, подала костюм и туфли, в половине первого они вошли в «Шираз», поднялись на лифте в зал с обзорной площадкой. Поначалу Слонику не понравилось место, куда их усадили, потом он ворчал, что на меню пятно от соуса.

И тем не менее Слоник блаженствовал. Его приветствовали супруги Шринивасан. Подошли Бобби и Найта Гош, чтобы поболтать. Потом в ресторане появились муж и жена Десаи и так долго беседовали со Слоником, что Люси испугалась: как бы он не пригласил их за столик и не стал бы угощать. Десаи, хоть и богатеи, любили полакомиться за чужой счет, как никто в Панкоте. Сколько раз ездили они в Европу, спрашивали

Люси, что ей привезти, но из скромного списка привозили лишь какую-нибудь одну безделицу. Более того, они никогда не приходили в гости и не присылали цветов. Пожалуй, среди индийцев-друзей Слоника таких больше не сыскать. Правда, напряги Люси короткую свою память, вспомнилось бы еще несколько человек, горазды на самые невероятные отговорки, подобно тем, на которые сейчас не скупилась мадам Десаи: дескать, я и знать ничего не знала, забегалась совсем, туда-сюда; провожала сына Бубли в Дюссельдорф; ездила на конференцию в Дели, а тут еще дочерина свадьба в Бомбее на носу, гостей восемьсот человек, расходы умопомрачительные.

— А почему бы жениху не похитить невесту? — лукаво спросил Слоник. Он иногда позволял себе кокетничать с миссис Десаи, хотя и недолюбливал ее — это Люси знала наверное. Миссис Десаи закинула красивую (даже смотреть противно) голову и засмеялась. Невидный ее муж, который если и высказывался, то лишь о деньгах, улыбнулся, словно говоря: этот вариант я уже просчитал и сожалею, что он не подходит. Дочь свою он выдавал за внука министра.

— Похищение — прекрасная мысль! — воскликнула миссис Десаи. — Вед и Ситта с радостью бы

согласились, но его родители очень старомодных взглядов, и родственников у них с тысячу, а ведь еще кое-кто из министерства рассчитывает на приглашение. Слава богу, что свадьба в Бомбее, а не в Дели.

— Нам пора идти, — прервал ее муж.

Слоник наконец сел. На людях он неукоснительно соблюдал все правила этикета. Усевшись, он пробурчал:

— Наконец-то есть куда употребить их жульнические миллионы. И она еще жалуется!

Люси взглянула на цены в меню, и у нее непроизвольно вырвалось:

— Ты только посмотри, Слоник, — но вовремя осеклась: будь что будет. — Возьмем-ка мы суп, а?

— Возьми, если хочешь меня окончательно на тот свет отправить. Ты же в комплексный обед пальцем тычешь, а они туда всякие объедки да гнилье суют.

Это мы — гнилье, подумалось Люси, в слова она толком и не вслушалась, они лишь эхом отозвались в душе.

Нам нужны блюда на заказ. Выбирай, Люс, что хочешь и не смотри на цены.

Люси сняла очки. Сначала он назвал ее «ста-

рушкой», теперь — «Люс». У нее даже мурашки по спине побежали.

Закажи мне, Слоник, то же, что и себе. Но я, честное слово, не очень голодна, и помни, что наказывал доктор Митра. Не рискуй напрасно.

Заведет ли он разговор про мали? Непонятно, почему он до сих пор о нем и словом не обмолвился. И о саде ни разу не упомянул с тех пор, как плакал из-за неухоженного газона, сидя в туалете. Может, ему до сих пор стыдно. Ведь она ни разу не видела, чтобы он плакал. Может, доктор Митра заговорит о мили (он навещал Слоника, когда Джозеф уже работал). Тогда Слонику придется что-то сказать об этом. Однако доктор Митра не из тех, кто замечает какие-либо изменения в хозяйстве, а когда Люси жаловалась ему, что запущенный сад очень огорчает Слоника, то ж слушал-то вполуха, а может, толком и не понял, в чем дело.

Сегодня думать об этом не стану, приказала себе Люси. Я сейчас в ресторане, в «Ширазе», рядом Слоник. Она огляделась: в дальнем углу — кучка американских туристов. Она сразу угадала в них американцев; они все оживленно говорили, перебивая друг друга, а некоторые женщины (по крайней мере две) носили причес-

ки, как у Жаклин Кеннеди. Меж ее столиком и американцами расположились японцы, у каждого на спинке стула висел фотоаппарат. Ели японцы молча, по-азиатски сосредоточенно и словно чего-то ожидая. Может, когда рухнут стены древнего города Кохима? Или превратятся во прах ворота Дели? Или когда от испепеляющих лучей Хиросимы растают ледники на вершинах окрестных гор?

И тут в ресторан вплыла миссис Булабой в огненно-красном платье. Так она же вроде собиралась сегодня играть в бридж. Ее спутники никоим образом не походили на карточных игроков, скорее на членов индийской мафии. На одном был даже костюм с золотой искоркой. Вся компания прошествовала в дальний утл за резную деревянную перегородку. Кажется, Слоник не заметил ее, и Люси вздохнула с облегчением. А то у него сразу бы пропал аппетит, да и хорошее настроение у обоих враз бы исчезло. А йот видела ли их миссис Булабой, Люси с уверенностью сказать не могла. Да не все ли равно?

— Ну, как, дорогой, что закажем?

В эту минуту (Люси могла поклясться) миссис Булабой села. Пятиэтажное здание будто даже накренилось на восток, и по большому бетонному

телу его пробежала дрожь.

* * *

«Саре Лейтон
„Сторожка“ Гостиница „У Смита“
Панкот.
Ранпур
2 марта 1972.

Дорогая Сара! (писала назавтра Люси). Скоро уже 25 лет, как мы не виделись, наверное, Вы меня и не помните. А между тем наши семьи жили рядом в Панкоте во время войны. Это мы со Слоником (так зовут моего мужа) въехали в Розовый Дом, когда Ваша семья поселилась в резиденции коменданта.

Одна наша знакомая, которая живет сейчас в Англии (очевидно, Вы ее не знаете, так как она с мужем приехала в Панкот лишь в 1965 году), прислала нам вырезку из „Таймс“ за прошлый месяц с известием о кончине Вашего отца — она думала, что мы близко знакомы. И я сочла, что нужно непременно написать Вам о том, как я Вам соболезную, — о смерти Вашей матери я узнала лишь из той же газеты.

Бедняжка Слоник очень сильно хворал, сейчас дело (идет на поправку, но печальную весть я ему

еще не сообщила; он, несомненно, выразил бы и Вам и Сюзан не меньшее сочувствие, чем я. Он всегда очень лестно отзывался о Вашей работе в женской вспомогательной службе (он возглавлял этот отдел при штабе) и глубоко уважал (равно как и я) полковника Лейтона и всю Вашу семью.

В эту скорбную для Вас минуту я не стану предаваться воспоминаниям о Панкоте былых времен, так хорошо Вам известном, не стану описывать его сегодняшний день, но случись Вам об этом впредь полюбопытствовать, я буду несказанно рада ответить на Ваше письмо и изредка напоминать о себе.

Мы со Слоником прожили в Розовом Доме до 1949 года. Возможно, Вы помните, индийское правительство предложило ему задержаться в стране на год-другой по контракту. Потом он ушел в отставку, некоторое время служил в фирме „Смит, Браун и Макинтош“ в Бомбее. Фирма послала его в 1950 году в недолгую командировку в Англию. Конечно же, и я поехала с ним. Первый и последний пока раз побывала я на родине за сорок лет жизни в Индии. Написала, и самой не верится. Лет десять тому назад Слоник ушел на пенсию, и с тех пор мы почти безвыездно живем в Панкоте. Сейчас мы в полном смысле слова

последние из некогда осевших здесь англичан. Конечно, заезжих людей с родины немало, молодежь, туристы в основном; да и здесь мы нашли добрых людей — это индийские офицеры и их семьи.

Розовый Дом цел и невредим. Теперь там живет полковник Менектара, комендант военного городка. С месяц тому мы со Слоником ходили к ним на банкет по случаю окончания войны с Пакистаном. Серебряный поднос, подаренный Вашим отцом офицерскому собранию, — на самом почетном месте, рядом с серебряным столовым прибором — его преподнес первый муж миссис Мейбл Лейтон. Полковника Менектару несомненно огорчит весть о смерти Вашего отца, хотя, конечно, им не доводилось встречаться. Полковник поначалу служил в Пенджабском полку и в 1947 году был, думается, лишь в чине лейтенанта.

А мы, как Вы видите по адресу, снова обосновались „У Смита“, там же, где жили и во время войны, точнее в отдельном домике в гостиничном дворе, который называется „Сторожкой“. В двух шагах от нас выросла новая роскошная гостиница — „Шираз“. Из-за нее мы почти не видим солнца. Торговля на базаре по-прежнему

бойкая, правда, появились новые шикарные магазины Гуляб-Сингха и Джалал-ад-дина, Вы, наверное, помните их торговые фирмы. Кинотеатр „Электро“ переоборудовали, и я частенько туда заглядываю — показывают английские и американские картины. С каждым днем мы все больше приобщаемся к нынешним нравам и скоро, наверное, совсем забудем, что мы англичане.

Простите, что так заболталась. Я посылаю письмо на имя мисс Сары Лейтон по указанному в газете адресу, хотя, возможно, Вы там и не живете и величать Вас следует не „мисс“, а „миссис“. Скорее всего, Вы уже давным-давно вышли замуж и кто-то из названных в газете внуков усопшего — Ваши дети. Искренне надеюсь, что и у Вас, и у Сюзан счастливая и полнокровная жизнь — ведь Вы вернулись на родину, Индия для Вас теперь далеко, за тридевять земель.

И еще одна маленькая подробность, возможно, будет Вам небезынтересна. Как я понимаю, упомянутый в газете Тедди — скорее всего Эдвард, сын Сюзан от первого мужа, бедного капитана Бингэма, погибшего в Импале. Должно быть, Тедди сейчас совсем взрослый, ему, наверное, около тридцати. Так вот, Мина, девочка, которая некогда нянчила его, сейчас в служанках у

хозяйки нашей гостиницы, некой миссис Булабой. Крошка Мина (впрочем, крошкой ее уже не назовешь), проводив Вас на пароход в Бомбее, вернулась со своим дядей Махмудом в Панкот и хотела поступить на службу к нам в Розовый Дом. Он напоминал ей о прошлом, да и полюбился ей, видно. Но к тому времени я уже наняла служанку, да и дядя Махмуд уговаривал ее поехать в Ранпур; Ваш отец любезно дал ему рекомендательное письмо в одну семью. Потом, как Вы понимаете, нас со Слоником занесло в Бомбей. А вернулись — и на тебе! — Мина служит в гостинице. Тогда хозяин был еще прежний — мистер Пилаи, а директор новый, по имени Булабой. Мы обосновались в „Сторожке“, и Мина захотела служить у нас, однако Слонику нужен слуга-мужчина, а двоих слуг нам содержать не по карману, да и хозяйство у нас не такое уж большое. Несколько лет тому мистер Пилаи умер, гостиницу купила вышеупомянутая особа и на удивление всем вышла замуж за мистера Булабоя. У Мины теперь хорошее место. Дядюшка ее, Махмуд, оставив работу и уехав в деревню, вскорости умер, потому-то Мина и очутилась снова в Панкоте. Думаю, что обо всем этом вам известно, так как Мина, помнится, говорила, что полковник Лейтон необыкновенно

добр, пишет Махмуду, присылает деньги. В Ранпуре, по ее словам, им жилось несладко, так как семья, куда их рекомендовал Ваш отец, уехала за границу на дипломатическую работу, а Махмуда и Мину оставила. Мина весьма нелестно отзывалась о новых хозяевах, и тому легко поверить: честно говоря, к прислуге очень редко относятся по-человечески. Люди нашего поколения помнят совсем иные отношения, и столь разительная перемена нас огорчает. Со слугой нам повезло. Когда Мина нянчила Эдварда, она и сама была крохой, сейчас же она удачно приспособилась к своей хозяйке, миссис Булабой, и снует по дому день-деньской — с пеленок приучена к работе. Пока я ничего не буду рассказывать ей о судьбе малыша, которого она вынянчила, подожду Вашего подтверждения, что „Тедди“ и есть тот самый Эдвард. Буду Вам, Сара, очень признательна, если Вы улучите минутку и черкнете мне пару строк. Простите меня за бесконечное и бестолковое письмо, ведь поначалу я хотела передать Вам лишь свое соболезнование.

С искренним расположением, Люси Смолли.

P. S. Не хотелось бы верить, но упоминание в газете „Фонда исследований раковых заболеваний“ наводит на мысль, что Ваш отец страдал этой

страшной болезнью. Мой отец тоже умер от рака, и тоже быстро, месяц — и его не стало. Было это в начале тридцатых годов, и мы со Слоником жили в Махваре. Получив от мамы письмо с известием, что отец умер, я не могла в это поверить. В те дни еще не изобрели лекарств, которые облегчали бы страдания как умирающих, так и тех, кому остается лишь беспомощно смотреть на страдания близкого и ждать конца».

* * *

Не очень-то веселая выдалась у меня жизнь, подумала Люси, заклеивая конверт.

Сначала похоронила старших братьев-близнецов, они погибли в автомобильной катастрофе. Потом отца. Вскоре умерла и мамочка: в доме, где царил культ мужчины, ей невыносимо стало жить одной, а дочка Люси не в счет, да и в то время она уже была далеко, в Индии. Мамочке Индия не нравилась. «Говорят, там невыносимая жара», — заявляла она, зябко кутаясь в шерстяную шаль; в доме отца-священника всегда было холодно. Не нравился мамочке и Слоник, хотя она старалась не подавать виду — в конце концов, он же солдат, верой-правдой служит королю. И вообще, что бы ни делала Люси, кого бы ни выбирала и кто бы ни

выбирал ее — все встречалось матерью в штыки.

Родись Люси мальчиком — другое дело! Мамочка больше не захотела детей, раз после близнецов-сыновей родилась дочь, она решила поставить точку.

— Да, с самого детства жизнь у меня пошла не очень-то веселей, — повторила Люси. — Будто цветок, который так и не распустился. Впрочем, у многих не лучше.

Она наклеила марку на конверт и решила сама сходить и опустить письмо. Зачем доверять это Ибрагиму, он прочитает имя и адрес, пойдут суды-пересуды с прислугой, в том числе и с Миной.

Слоник сидел на веранде и что-то помечал в книге. Люси не стала спрашивать, что именно. Вчера вечером он вел себя хорошо, когда она вернулась из кино, уже лежал в постели, сам сварил себе и ей какао, постарался, чтобы ее чашка не остыла. Новая бутылка джина едва початa, разве что Билли-бой приносил с собой еще одну. Интересно, говорили они о саде или нет? Если говорили, то все сошло гладко, ибо Слоник был в духе и вчера вечером и сегодня утром.

— Схожу в аптеку тебе за лекарством, — сказала она. — Может, Слоник, что-нибудь еще купить?

— Спасибо, Люс, ничего не надо.

— Ну, тогда я пошла. Блохса, ко мне!

Собачка заворчала, но послушно поднялась и поплелась следом. Мали возился с цветами по обочинам садовых дорожек.

— Доброе утро! — от избытка чувств поздоровалась с ним Люси. Юноша поднялся и приложил ладонь ко лбу. Блохса трусливо пряталась за спиной хозяйки. Люси продолжала на ломаном-пере-ломанном урду — Большое спасибо тебе за работу.

Он потупился и снова коснулся ладонью лба.

— Пошли, Блохса! Вперед! — прикрикнула Люси.

Да, мали, конечно, еще очень молод, но что-то в нем есть от Тула. (Рядом, Блохса!) То ли в посадке головы, нет, пожалуй, во взгляде. Такой же, как и у Тула, преданный и чуть вызывающий взгляд. Конечно, самые красивые глаза у Пола Муни. У Ньюмена и Мак-Куина тоже красивые, но иные. Любопытно.

— Блохса! — прикрикнула она снова, и прицепив к ошейнику поводок, обратилась к собаке с такой тирадой. — Простите, меня, конечно, миссис Дурьябашка, что веду вас налево, хотя вам почему-то хочется направо. Но смиритесь, таков приказ. И уж извините, что мне недосуг

ждать, пока вы присядете у каждого деревца и обнюхаете все кругом. Мы быстро и по возможности не отклоняясь от курса пойдем в аптеку Гуляб-Сингха, и там я куплю необходимые, я бы даже сказала, жизненно важные лекарства для мужа. Вопросов нет?

— Нет! — тявкнула Блохса, но снова рванула поводок в сторону.

Когда Люси ушла, Слоник перестал делать пометки на полях библиотечной книги («Краткая история Панкота» — частное издание Эдгара Мейбрика, бакалавра искусств) и написал следующее:

«Да, похоже, все верно. Новый мали отнюдь не привидение, сегодня Люс разговаривала с ним, не может же быть, чтоб и ей он привиделся. Конечно, по правде говоря, и я не принял его за привидение, разве что поначалу, когда Биллибой привел его во двор, мне подумалось: может, я тогда, когда сидел на „троне“, и помер, а сейчас уже в загробном мире и меня ублажают всякими приятными видениями. Любопытно, что никто и словом не обмолвился о новом мали. Я, понятное дело, первым о нем тоже не заговорил: [a] вдруг мерещится? Ведь даже Блохса будто не замечала его. Лишь в тот день, когда я вышел с ней погу-

лять, она вдруг облаяла мали, а потом ни с того ни с сего поджала хвост и — наутек. Ну собаки, положим, всегда кажутся чудными: может, они и впрямь больше нашего видят? Но почему Биллибой ничего не сказал про мали?! Наверное, они все же задумали надо мной подшутить и ждут не дождутся, когда я начну рассыпаться в благодарностях: ведь раньше я все жаловался, что мали нет. Черта лысого они дождутся! Надо признать, что парень привел сад в порядок — любо-дорого взглянуть, — если и это мне не мерещится. Сдается мне, что наша пенджабская слониха вскорости пришлет мне счет за мали, хотя этот номер у нее не пройдет. Какой еще мали? Не знаю никакого мали. Пока же нужно набраться терпения и помалкивать. А там будь что будет».

* * *

И он снова принялся испещрять пометками библиотечную книгу.

«Старик Мейбрик, видать, с приветом, хотя малый в общем-то неплохой. Читаю и наслаждаюсь, как он ухитрился из 78 страниц своей книги об истории Панкота уделить лишь абзац Панкотскому стрелковому полку. А полк-то в наши дни был самый зазнаистый. Выше стрелков

нос никто не задирал. Каждый молокосос-лейтенант, если он из Панкотского полка, бог знает кого из себя мнил. Даже на командующего округом посматривал свысока. А как-то раз офицер, назначенный адъютантом к генералу, всеми правдами и неправдами отвертелся от этого назначения, потому что генерал был от артиллерии. Вот дурак. Погиб в Северной Африке. Его батальон, точнее остатки, принял потом старик Лейтон, и все солдаты как один угодили под его командой в окружение. Я сам служил тогда в Махварском полку, куда мне было тягаться с бравыми стрелками, да и плевать мне сто раз — я никогда особо не болел за честь полка, я даже ее уронил, как мне прямо заявили, поскольку женился без разрешения командования. И на это у них разрешения спрашивай. А мне в ту пору уже к тридцати катило.

Не забуду лицо командира, когда я вернулся с родины из отпуска, и Люси со мной в придачу. Так, мол, и так, господин полковник, имею честь представить вам мою супругу, ее зовут Люси. Бедняжка Люс только усугубила положение, когда заикнулась, что работала стенографисткой, и что скорость у нее такая-то, и что у нее в конторе мы и познакомились. Конечно, окажись отец у нее

епископом, а не простым приходским священником, все было бы как нельзя лучше. Для моего начальства, не для меня. Мне было наплевать, кто у нее отец. А иначе и не женился бы на Люс. Меня все считали малым скуповатым и весьма заурядным, я и в ус не дул. Пускай считают. К чему их разубеждать? Вбили себе в башку, что этот Смолли — парень надежный, хоть и туповат, людей такому не доверишь, но с бумажной работой справится. А мне только этого и надо. Любил я с бумагами повозиться, разрабатывать, согласовывать, увязывать. В батальоне самая лучшая должность — адъютант. Перед отпуском я был исполняющим обязанности и, вернувшись, полагал, что вступаю в должность, и жене своей так сказал. Однако командир решил, что мне в полку вообще делать нечего; так я и не узнал, то ли это из-за самой Люс, то ли — из-за того, что я не сообщил в полк заранее о том, кто она да что и всю эту несусветную чушь для проверки. Может, и из-за того, и из-за другого. Отделался от меня командир очень просто: перевел меня на временную работу в одно из крохотных княжеств в глубинке, опекаемое нашими дипломатами. Не прошло и месяца, как мы с Люс очутились в Мадпуре. Обратно в полк меня так и не перевели. Да я и не очень-то

рвался. За службу в Мадпуре я получал больше денег, поэтому старался остаться там подольше. Не помню уж, как моя должность официально именовалась, что-то вроде „правительственный советник при главнокомандующем“. Зато отлично помню, в чем работа заключалась: наводить порядок после предыдущего британского советника — из-за него разбежались все княжеские слоны. Мой идиот-предшественник подозревал, что слоновья обслуга нечиста на руку, взял да урезал слонам рацион.

Смех, да и только! Писать бы мне мемуары. Люс просто обожала Мадпур. Жили мы в огромном доме рядом с дворцом, в нашем распоряжении был шикарный автомобиль с шофером в униформе. А когда нас представили махарадже, он встретил нас при всех регалиях, аж глаза слепит: мундир расшит серебром, на тюрбане — жемчужины. Люс мне тогда сказала: „Вот настоящая Индия, Слоник“. Нет, Слоником она меня в ту пору еще не называла — это прозвище появилось позже, когда я уладил дело со слонами. Правда, Махварский полк вечно обзывали „слоновым“— из-за эмблемы с бивнями, но Я, наверное, единственный, к кому прозвище прилипло на всю жизнь и стало привычнее имени. Однажды какой-то сосу-

нок-офицеришка съязвил: дескать, я и впрямь из слоновой породы — вынашиваю решения годами, как слониха детеныша, то есть раза в два дольше, чем люди. Я, разумеется, ему этого не спустил!

Ему моя Люс приглянулась. Уж как он старался, чтобы наедине с ней остаться. Смешнее всего то, что она и не понимала, к чему он клонит. Люси на этот счет не ахти какая сообразительная. Было это уже в Рамнагаре, куда нас перевели из Мадпура, и, кроме Люс, окрест белой женщины не сыскать. Он заявлялся каждую пятницу, из деревни приходил, я его даже прозвал „Милый друг“. Он и в Лахор за нами увязался, но к Люси поостыл, в Лахоре бабенок хоть пруд пруди. А в 1935-м в Кветте он пустил себе пулю в лоб после того, как его нашли в постели с соломенной вдовой своего командира. Застрелился он ночью, в два часа, а в три началось землетрясение, и от его дома только рожки да ножки остались, так что он зря старался, мог бы и подождать часок.

Мы приехали в Кветту через год после землетрясения. Всякий раз, когда мы переезжали с места на место, Люс говорила, что мы снова отправляемся скитаться. Ее прозвали „Крошечкой“, вечно она так смешно сюсюкает: „Нас сегодня будет четверо, вместе со мной, Крошечкой“ или: „Ой, какая

прелесть, неужели это для меня, Крошечки?“ Так мы и жили, Слоник и Крошечка. Может, и скучно, зато не без пользы. Хотя Люс ни за что не хотела примириться с мнением, что мы — буки. Она умела стенографировать, поэтому во всяком женском комитете или организации ей бывали рады. А Люси по ошибке думала, что просто она всем нравится, она прямо пузыри пускала от восторга из-за любого комплимента какой-нибудь высокопоставленной стервы: скажет, что запись собрания очень точная, или просто обратится к Люс по имени вместо „миссис Смолли“. Мне так даже хотелось, чтоб во мне видели тупого, но надежного исполнителя-чиновника, таких обычно строевые офицеры презирают. Сколько я сил потратил, чтобы завоевать репутацию человека, способного исправить чьи-то промахи и навести порядок. Ездить с места на место мне даже нравилось. В тридцать восьмом мне дали майора. Можно было вернуться домой сразу, можно через год, но мы все тянули, а потом было уже поздно — началась война. В сороковом полк запросил меня обратно. Шиш им с маслом. Я уже научился обходить всякие предписания и запреты. Стал чаще переезжать. В сорок первом мы приехали сюда, в Панкот, в штаб гарнизона. Мне сразу же

все здесь приглянулось: и природа и климат. Окопаюсь здесь, покуда война не кончится, решил я. Значит, нужно стать незаменимым в штабе, то есть представить свою работу сложнее, чем она есть, даже после того, как исправишь все промахи дуралеев-предшественников и дела пойдут как по маслу. Мне было сорок лет, а я все еще майор. Подполковничьего чина ждать года четыре, но чихать я на него хотел! Жилье у нас было неважнецкое. Разместили нас в гостинице „У Смита“, две комнаты: гостиная да спальня, теперь в них живет Билли-бой и его каракатица-жена. Люс всю жизнь мечтала о собственном домике, но мне и „У Смита“ жилось превосходно. Там мне удавалось жить предельно тихо, скромно, незаметно: неразличимо слиться с окружением. Единственная моя цель — прожить без забот и хлопот.

А старик Мейбрик о нашей гостинице даже не упоминает. Когда построена церковь, правильно указал; с установкой органа на год ошибся, если верить Билли-бою, — откуда Мейбрику точно знать, не он его устанавливал. Усердствовал старик сверх меры. А чрезмерное усердие, по-моему, самая страшная разрушительная сила».

* * *

День рождения Слоника приходился на 10 апреля, Люси — на 12 сентября. Они завели обычай приглашать на «легкие праздничные ужины» тех, у кого сами побывали в гостях. Ужин на день рождения Люси обычно доставлял немного хлопот. Она все делала заранее: рассылала приглашения тем, кого нельзя было не позвать, ставила в известность мистера Булабоя о количестве гостей, хотя всегда ошибалась: кто-то звонил в последнюю минуту и справлялся, нельзя ли захватить с собой пришедших к ним друзей; кто-то отказывался — срочно вызывают в Дели. Все это, конечно, очень докучало, так как повару приходилось заказывать за несколько дней, что и на сколько персон готовить, да и «расход» на каждого гостя уже оговорен с мистером Булабоем, и на попятный идти бывало не так-то просто.

А до чего трудно упомнить или выяснить, кто из гостей вегетарианец, кто пьет только фруктовые соки, а кто, по выражению Слоника, алкоголик высшей марки. Но, слава богу, сухого закона в провинции не вводили и можно было пить в открытую, а непочатые бутылки — возвращать в магазин Джалал-ад-дина. В Панкоте, в отличие от

Раипура, даже не устраивали еженедельного дня трезвости. Законы относительно потребления спиртного в разных штатах Индии были столь различны, что бедная Люси просто терялась, зато Слоник мог дать квалифицированную справку по этому вопросу: назовите любой большой город в Индии, и Слоник тут же скажет, где что можно а что — нельзя; где свободно продадут пиво, а крепкие напитки — лишь по специальному разрешению; где можно пить хоть на улице, а где — в строго отведенных местах; в каких штатах сухой закон, но в их столицах вино льется «как в воскресный день в пьяном Уэльсе» (по выражению Слоника); где вашу машину могут обыскать при въезде в штат, в котором царит сухой закон; где обладатель разрешения на покупку спиртного может выкупить сразу месячную норму, а где ему отпустят лишь бутылку в неделю.

Слоник пристрастился к изучению законов и порядков с тех пор, как в Бомбее сам попал в переплет с полицией. Люси не любила вспоминать об этом, ведь с этого началась полоса потрясений, связанных с мужем. Слоник в тот день начал пить спозаранку.

Последние десять лет им не по карману было покупать больше одной бутылки джина в неде-

лю, бутылки бренди и дюжины пива в месяц. Спиртное в основном потребляли случайные гости: если у кого из индийцев останавливался европеец или американец, интересовавшийся, не осталось ли здесь англичан старой закалки, его непременно направляли к супругам Смолли — убедись, мол, сам.

После одного из таких посещений (миссис Десаи привела американку из Виргинии по имени Люси Хони) Люси предложила мужу:

— Давай напишем Куку в туристическую фирму, пусть нас включат в список местных достопримечательностей. После Тадж-Махала, горных храмов Дхаджурахао, после Элефанты[6], Фатихпур-Сикри[7], приморского храма в Махабалипураме, после памятника королеве Виктории в Калькутте должна следовать чета Смолли из Панкота. Мы бы озолотились: ты наденешь свой старый тропический шлем, я буду играть в маджонг[8], а Ибрагим станет продавать билеты у входа, сторожить обувь посетителей.

---

[6] Примечания: 6
Остров в Бомбейском заливе.

[7] Примечания: 7
Город-крепость, построенный в XVI веке.

[8] Примечания: 8
Старинная китайская игра.

Праздничные ужины Слоника устраивать было куда сложнее. Всякий год он заявлял, что никакого ужина не будет, потому что нечем платить, гостям придется уходить несолоно хлебавши, и пропади они все пропадом. Сквернословил Слоник еще с 1949 года, когда ушел в отставку. Тогда, вернувшись домой и швырнув фуражку на пол, он потряс жену до глубины души словами, которые она ни выговорить, ни написать бы не сумела, доселе они представлялись ей как череда немых точек. А ночью ее ждало новое потрясение: Слоник дважды воспользовался своим правом супруга.

Вообще-то в интимной жизни он с самого начала изрядно разочаровал Люси. Мать говаривала, что обычно мужчины ненасытны в ласках, а в жарком климате и подавно. Однако Люси во время недолгого медового месяца по пути в Индию на пароходе и на первых порах жизни в знойном климате убедилась, что Слоник довольствовался демонстрацией своей мужской силы лишь дважды в неделю: по средам и субботам. (Правда, в медовый месяц выпадали и внеочередные дневные «сеансы»). Очень уважительно вспомнила она тогда своего худосочного отца — трудно предположить, что у матери были мужчины кроме

него. Мало-помалу ласки по средам прекратились, Люси ожидала, что та же участь постигнет и субботы, однако ее опасения не оправдались. Слоник, точно будильник с недельным заводом, регулярно отзванивал по субботам.

Он во всем любил порядок и точность, даже в интимной жизни. Субботними вечерами они обычно ходили в клуб, домой возвращались в полночь, Люси забиралась под белый полог от москитов над просторной двуспальной кроватью молодоженов и выключала со своей стороны свет. Через десять минут из ванной появлялся Слоник, забирался на свою половину постели, гасил свет со своего края, уделив минут десять чтению жизненно важной военной литературы. Еще через пять минут он начинал шарить вокруг себя, разыскивая супругу;. Люси дышала ровно и глубоко, будто бы уже во сне. Нащупав наконец талию супруги, мужнина рука двигалась вниз. Люси лежала, затаив дыхание. Вот, пробормотав что-то, Слоник прилаживался сверху. От него всегда разило ромом, он смачивал им волосы, чтобы держалась прическа. Как старалась бедная Люси уловить в том запахе что-нибудь эротическое — ведь хоть чем-то нужно себя настроить! Однако запах рома помогал ей изо дня в день все меньше

и меньше. Видимо, в первую брачную ночь Люси с излишней готовностью откликнулась на скудные мужнины ласки, вот он и решил: супруге большего не надо. А пахло ли от него в ту ночь ромом или нет, она уже и не помнила толком.

Со временем Слоник вообще оставил Люси без внимания и ласки, сосредоточившись, так сказать, только на технической стороне. Но и: в этом он не преуспел. Получалось у него все очень быстро и вяло. Издав в завершение то ли вздох, то ли всхлип, Слоник как подрубленный падал навзничь, сворачивался клубочком и, отвернувшись, мгновенно засыпал.

А Люси лежала во мраке и тишине (правда, во мраке выделялся светлый полог, а тишина нарушалась храпом мужа), вспоминала Тула и внушала себе, что он сейчас рядом. И так повторялось много-много лет.

А сейчас и того нет. Кончился завод у будильника.

Скоро Слонику исполнится семьдесят один.

И Люси придется положить немало труда, чтобы знать наверное, будет ли Слоник устраивать «праздничный ужин». Обычно она начинала разведку недели за две, за три до дня рождения. И вот в понедельник, 20 марта, вернувшись с

покупками, она изготовилась было для первого захода, но Слоник не дал ей и рта раскрыть, огорошив вопросом:

— Кто такая миссис Перрон?

— Понятия не имею. А в чем дело?

— Тебе от нее письмо, вот в чем, — и он протянул Люси авиаконверт.

Глава седьмая

Распечатав конверт, она догадалась, что миссис Перрон не кто иная, как Сара Лейтон.

«Дорогая миссис Смолли!» — так начала она свое письмо. Что ж, строго и уважительно, одобрила Люси. Сама она, правда, всегда называла Сару Сарой, а Сюзанну Сюзанной, но ведь они много моложе ее и издавна обращались к ней надлежащим образом (как и она в свое время — к их матери: миссис Лейтон. Попробовала раз, обратилась по имени — Милдред, — и та ей за это выговорила).

«Дорогая миссис Смолли!

Как любезно с Вашей стороны, что вы откликнулись на кончину отца. Ему было бы небезынтересно узнать, что Вы так и остались жить в Панкоте. Умер он не от рака, до последней минуты был бодр и подвижен, смерть настигла его внезапно. А рак, как я подозреваю, свел в могилу маму.

Вы угадали: Тедди — сын Сюзан от первого мужа, Тедди Бингэма. Тедди-младший уже сам отец семейства, упомянутый в газете „Боски“— его трехлетний сынишка. Вы, очевидно, видели

Тедди примерно в таком же возрасте. Он с семьей сейчас в Вашингтоне, но я написала Сюзан, что получила от Вас столь любезную весточку, где Вы так подробно сообщаете о Мине. Сюзан непременно перескажет все в следующем письме Тедди. Она, вернувшись на родину, года через два вышла замуж в третий раз. Живут они с мужем в Шотландии. Он врач. У Сюзан и здоровье и настроение переменились к лучшему. По-моему, она счастлива. Тедди пошел по стопам отчима и тоже занялся медициной. Уверена, он вспомнит свою маленькую няню — Мину: у него великолепная память, и порой он меня просто поражает, когда подробно описывает свое раннее детство в Индии. Может, правда, ему помогают семейные фотографии. На одной и Вы с полковником Смолли в саду у резиденции коменданта, это 1947 год, наш прощальный банкет. Наверное, и у Вас есть такая же. Надеюсь, Вы отыщете там и меня, а высокий блондин в штатском слева — мой муж Гай. Он историк, возглавляет кафедру новейшей истории в одном из новых университетов. Сейчас у него творческий отпуск, и мы живем в родительском доме. Наш же дом находится в Фолминстере, мы его прошлой осенью сдали приезжему американскому профессору с семьей, а сами переехали

сюда. Гаю тут удобнее работать над книгой, а мне было сподручнее за отцом ухаживать; после маминой смерти ему стало очень одиноко. Ланс и Джейн, как Вы догадались, — наши дети, уже совсем взрослые, учатся в университетах. Может, мы так и останемся жить здесь, если Гай получит место в Лондоне, похоже, судьба так и распорядится. Хотя заранее предрекать ничего не могу. Ученые, словно военные, всю жизнь кочуют с места на место, как мы в Индии.

Вы, очевидно, совсем не помните Гая, виделись Вы только на том банкете в комендантской резиденции. Мина, возможно, и вспомнит его: молодой английский офицер, появился в Мирате после смерти второго мужа Сюзан, полковника Меррика. Он ехал с нами на поезде в Ранпур, помните тот жуткий случай: поезд остановили бандиты. Многих поубивали. Гай должен был ехать в Дели и оттуда лететь в Англию, но решил завернуть в Ранпур проведать нас, так он и очутился на прощальном банкете. Ему случалось бывать в Панкоте и раньше, в 1945 году, правда недолго, и, конечно же, ему очень интересно, каков Панкот ныне.

Искренне надеюсь, что полковник Смолли уже поправляется. Меня очень огорчила его болезнь.

Я по сей день храню сандаловую шкатулку, он подарил ее мне, когда я уходила из женской вспомогательной службы. (Вы с ним всегда были для меня просто Слоник и Люси, можно ли мне называть Вас так сейчас, через столько лет?)

Пишу Вам еще и потому, что дала Ваш адрес и номер телефона одному очень приятному молодому человеку, Дэвиду Тернеру, некогда он учился у Гая, а сейчас собирается в Индию (в апреле) читать лекции в университетах и собирать материал для диссертации. Маршрут его следования проходит и через Ранпур, поэтому мы посоветовали ему на денек-другой заглянуть в Панкот и подышать горным воздухом. Он вылетает в Дели 10 апреля. Лекции у него начинаются в сезон дождей, когда возобновятся занятия в университетах, но он хочет увидеть как можно больше и еще побывать в Бангладеш (туда сейчас вся молодежь стремится). Он уже бывал в Индии, в Калькутте у него друзья. Около месяца у него уйдет на то, чтобы акклиматизироваться и поездить по стране. Ему бы очень хотелось поговорить с англичанами, оставшимися в Индии, и знакомству с Вами он будет очень рад. Между прочим, он очень хороший фотограф-любитель, интересуется старыми английскими надгроби-

ями и усыпальницами (у меня от них мурашки по спине бегут!), я сказала ему, что в Панкоте на кладбище он найдет семейные памятники Мьюиров и Лейтонов. Он обещал их сфотографировать (если, конечно, сможет опознать). Я не сомневаюсь, что он попытается связаться с Вами, очевидно, в конце апреля, но, учитывая, что нынешняя молодежь не любит церемониться, он, возможно, приедет без уведомления. Не беспокойтесь, ни малейших хлопот он Вам не доставит. Мы с Гаем его очень любим. Я сказала ему, что в Панкоте есть новая гостиница „Шираз“, да и „У Смита“ можно остановиться. Если хотите, чтобы он привез Вам что-нибудь из Англии, напишите, я достану и передам с ним. Письмо от Вас еще успеет дойти до его отъезда; правда, придется поспешить. Во всяком случае я перешлю с Дэвидом кое-что для Мины. Еще раз благодарю Вас за любезное и приятное письмо. Пишите и впредь, не забывайте нас. Желаю Вам обоим всего самого наилучшего. Сара».

* * *

Люси, сидя за письменным столом, видела за окном лишь затылок Слоника. С кресла он не вставал, значит, все в порядке. Слава богу, не

будет приставать насчет письма. Странно, оно и обрадовало и взволновало ее. Перечитала — и снова то же смешанное чувство. Даже трудно определить, столько сразу задето душевных струн: радостно, что завелись новые знакомцы, точнее, объявились старые; завидно, что они живут столь свободно и легко; грустно, что былого Панкота уже не вернуть.

Люси положила письмо, сняла очки; сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она сидела не двигаясь, стараясь дышать ровно и глубоко; а вдруг и у нее будет приступ, как у Слоника.

Ей вдруг подумалось, что в глубине души она не надеется, что Слоник поправится, есть ли основания верить доктору Митре, что приступ не повторится. Пожалуй, что и нет. Она просто отгоняла мысли о самом худшем, но в глубине души, конечно же, знала, что роковая минута близится. Через год, а то и раньше она может овдоветь.

Останется одна-одинешенька. Одна-одинешенька в Панкоте. Одна-одинешенька в чужой стране. И нет рядом близких друзей, кто бы помог, утешил, поддержал, — нет вообще таких, как она, даже белых людей и то нет.

Больше всего она боялась остаться неимущей, боялась настолько, что прятала мысль об этом

глубоко-глубоко. Слоник, подобно Церберу, не подпускал ее к своим денежным делам и вершил их единовластно, меж тем Люси уже давно не полагалась на мужа.

Пожалуй, мне нужно пойти к нему и сказать, а там будь, что будет: «Слоник, а что со мной станется, если я тебя переживу?»

Тут она услышала, как Слоник крякнул, значит, нашел еще к чему придраться в книжке бедного Мейбрика — милый небольшой очерк истории Панкота. Появись Люси перед мужем сейчас, он и рта ей раскрыть не даст, начнет ругать Мейбрика за очередную неточность. Или даже не заметит, что жена подошла (скорее, притворится, что не замечает), и самый важный для нее вопрос в лучшем случае останется без ответа, в худшем — Слоник грубо бросит что-нибудь вроде: «Какого черта ты об этом нудишь?!»

— Мы с мужем давно разучились понимать друг друга, — пожаловалась она пустой гостиной. — Он молчит, сам по себе; я тараторю, и тоже сама по себе, один другого стоит. Я не чувствую, о чем думает он, он не слышит, что говорю я. И ничто-то нас не связывает. У каждого своя жизнь, у нас лишь крыша над головой общая. Может, и смолоду так жили, да только в старости все

заметнее проявилось.

Возможно, вернись они на родину в 1960 году, после того как Слоник ушел из торговой фирмы, жизнь сложилась бы иначе. Но Люси по глупости своей да малодушию не настояла, а надо бы. Хотя в 1950 году, в те недолгие недели, пока они гостили на родине, Англия не показалась им особо приветливой, к 1960 году жизнь там несомненно улучшилась. Зато непомерно выросли цены, и старикам пенсионерам, проработавшим в Индии много лет, жизнь на родине была явно не по карману, убеждал ее Слоник.

Но это скорее было поводом, нежели причиной. Мало-помалу Люси стала понимать, что Слоник никогда и не собирался возвращаться в Англию. Он словно бы затаил неприязнь и к своей родине, и к соотечественникам, хотя если уж кому обижаться и роптать, так это Люси: много натерпелась она от мерзких офицерских жен, те не упускали случая унизить, подчеркнуть разницу (хоть и самую незначительную) в их положении, дескать, ты ниже меня, и слова возразить не имеешь права, да, именно не имеешь права; более того, Люси обязана была сносить все унижения, и даже не ради Слоника, а просто признавая как лестницу служебную, так и общественную. Без

таких последовательных ступенек (обязанностей и прав) немыслимо общество вообще, даже индийцы это усвоили, а у англичан, на плечах которых покоилось бремя забот Индии, это вошло в плоть и кровь. Без англичан Индия едва не распалась. Не успели провозгласить независимость, как начались междоусобные распри, индийцы стали убивать друг друга, и Индия рассыпалась бы на мелкие княжества, не окажись у Маунтбеттена[9] поддержки в лице таких, как Неру — аристократа, выпускника Харроу, безукоризненного джентльмена. Да и армия поддержала его, почти все офицеры прошли выучку в Сандхерсте, и, конечно же, на них можно положиться. Все, что ныне есть в Индии культурного и благородного (вплоть до мелочей), несет отпечаток английского влияния. У полковника Менектары безукоризненное английское воспитание, равно как и у его жены. Хотя в стервозности она мало в чем уступает Милдред Лейтон. Люси утешалась, полагая, что и в этом — преемственность благородных английских традиций. Поскольку Люси и сама жена полковника (хотя и в отставке), и по праву могла на колкость ответить колкостью,

[9] Примечания: 9

Маунтбеттен Луис (1900–1979) — британский адмирал, первый генерал-губернатор Индии.

то они с Куку Менектара понимали друг друга с полуслова.

Новая индийская армия оказалась достойна армии былой. В клубе офицеры непременно встанут, чтобы поздороваться, если дама замедлит шаг. С такой армией и с таким премьер-министром, как дочь Неру, стране не угрожает военный путч и диктатура генералов, что, к сожалению, случилось в Пакистане.

А разве можно вообразить, в каком бедственном положении находились крестьяне: невежественные, отчаявшиеся, но трудолюбивые, себе на уме и долготерпеливые. Такими их застали англичане — такими индийские крестьяне были, очевидно, со времен незапамятных. Ломать их уклад, традиции было бы неразумно, но англичане предоставили им все новейшие достижения техники. Индийцы более высоких сословий оказались весьма восприимчивы и с пользой для своей страны стали применять все новшества.

Люси частенько негодовала, вспоминая, как из-за недостаточно честолюбивого Слоника она сама так поздно добилась положения, к которому стремилась, о котором мечтала, то есть стала госпожой полковницей. Но не успел Слоник получить звание, как колониальная иерархическая

лестница рухнула, а на новой среди индийского офицерства Слонику была уготована лишь временная и не ахти какая важная ступенька. Да и ее пришлось вскоре оставить: Слоник стал служащим фирмы, «шишкой на ровном месте», и Люси удовольствовалась кругом чиновничьих жен. Эта среда с каждым днем пугала ее все больше и больше, она столкнулась с людьми нового «среднего сословия», пронырами и ловкачами, продажными бюрократами, всеми правдами и неправдами рвущимися к наживе. О благополучии народа они не заботились, властью пользовались в корыстных целях. Стране же это шло только во вред, во всяком случае польза от такой деятельности была лишь дельцам-махинаторам. Так внутри новой иерархии образовалась еще одна, нижние ступеньки занимали миссис Булабой и ей подобные, а верхние — люди вроде Десаи, те, кто попали «из грязи да в князи», сказочно разбогатели, прочат свою дочь в жены министерскому сынку, а сам министр сколотил состояние, подторговывая своим служебным положением. Во всяком случае, так объяснял Слоник. Впрочем, многому ли из того, что говорит он, можно верить? «Ничему» — тут же прилетел ответ, точно невидимый крылатый гонец, годами дожидав-

шийся удобного случая, шепнув на ухо Люси, разрешил ее сомнения. Ничему. Нельзя верить ничему, что говорит или делает Слоник, потому что как в словах, так и в помыслах, и в делах он непоследователен. Несмотря на прямолинейность и задиристость, он утратил искренность. И потому верить ему больше нельзя. Нельзя с того дня, когда англичане покинули Индию, а они двое остались будто бы на время. И вот с тех пор Слоник стал меняться.

Люси снова надела очки и сказала вслух: «Сегодня думать об этом не буду, отложу на завтра». Но отвлечься и перенестись мысленно в другие места и эпохи сегодня не удавалось. Горы Панкота — не холм Тара[10], и в «Сторожке» обитают, увы, не короли.

Люси никак не могла сосредоточиться: то она думала о письме Сары (уже пора отвечать), то о переменах в характере Слоника, которые так ей докучали.

Свой ответ она начнет с «Дорогой Сары!».

В это время Слоник громко крякнул, в очередной раз изобличая ныне покойного автора «Краткой истории Панкота».

---

[10] Примечания: 10

Деревня и холм в Ирландии, где до 560 г. н. э. находилась королевская резиденция.

Свой ответ она начнет с «Дорогой Сары!» Далее: «Большое Вам спасибо за письмо». (О сандаловой шкатулке упоминать не стоит, хотя я слышу о ней впервые, и Слоник никогда не говорил, что дарил ее Вам, да и Вы в свое время мне ее не показывали.) «Очень приятно было получить от Вас весточку. Спешу коротко ответить: мы живы-здоровы и будем рады познакомиться с вашим молодым другом Дэвидом Тернером у нас в Панкоте». (Пока Слонику ничего не скажу, а то он начнет ворчать и поносить молодых англичан, которые неизвестно за чей счет — скорее всего, за счет несчастных налогоплательщиков, скажет Слоник, — и неизвестно зачем заявляются в Индию. Смешно сказать, но тот же Слоник готов часами болтать с чумазым английским мальчишкой-хиппи, который попрошайничает и позорит всех нас.) Завтра-послезавтра напишу Вам подробнее. (По-моему, Слоник просто потерял чувство меры, и его симпатия к обездоленным соотечественникам — одно притворство.) Мне бы, конечно, ни в коей мере не хотелось обременять Вас просьбой и доставлять даже малейшие хлопоты. (Впрочем, почему бы и не доставить Крошечке маленькую радость? Я и прошу-то о пустяке, так как люди вроде миссис Десаи посто-

янно забывают о моих скромных заказах, хотя она без конца ездит то в Дели, то в Цюрих, то в Лондон, то в Нью-Йорк и привозит целые горы всякого добра как из беспошлинных магазинов, так и контрабандой — в таможне ей пришлось бы платить умопомрачительный налог. Впрочем, ей и это по карману). Но если мистер Тернер не постыдится взять с собой и если Вам не придется ехать бог знает куда (помнится, миссис Блакшо пеняла мне на это), буду весьма признательна, если Вы пришлете мне две дюжины пакетиков с сухими духами от Мартина и оттеночный шампунь № 3 (голубой) — для моих жалких седин. Это единственное подобающее средство, но здесь его не достать. А сухие духи в пакетиках, что любезно послала мне в прошлом году миссис Блакшо, увы, кончаются. (Поначалу их не пропустили в таможне, и мне пришлось платить за них втридорога. Да еще и Слоник устроил из-за этого настоящий скандал. Правда, перестань я следить за собой и за волосами — единственным, чем я горжусь, — он тоже устроил бы скандал.)

Слоник еще раз громко крякнул и позвал жену.

— Иду, дорогой!

— Поживей, Люс!

— Да иду же, иду. — И она поспешила на ве-

ранду.

— Кого последним похоронили на церковном кладбище? — спросил он.

Люси задумалась.

— Мистера Мейбрика, — вспомнила она.

— Вот именно! А он и тут наврал. Пишет, что последняя — Мейбл Лейтон.

Люси онемело воззрилась на мужа.

— Но позволь, дорогой, его же похоронили уже после того, как он написал книгу.

Слоник в свою очередь воззрился на жену.

— Что я, по-твоему, идиот и не понимаю этого?

Хотя утро выдалось теплое, руки у Люси покрылись гусиной кожей — такая ее разобрала досада. Ей захотелось хлопнуть Слоника по голове «Краткой историей Панкота»; зачем только она откопала на пыльной полке в библиотеке эту злополучную книгу и принесла домой!

— Так что ж тебя, дорогой, так волнует?

— Меня ничего не волнует. Это Мейбрика должно волновать. Извиняюсь, должно было волновать в свое время. Он пишет: «Погребение Мейбл Лейтон в 1943 году было последним на старом церковном кладбище; завершена еще одна глава в истории Панкота: как явствует из имен, начертанных на памятниках и надгробиях, глава

об англичанах и англичанках, скончавшихся вдали от родины».

— Он ошибается, — сказала Люси.

— Вот и я о том же!

— Ты меня не понял. Ошибка его в том, что Мейбл умерла в сорок четвертом и навряд ли ее погребли годом раньше.

— У Мейбрика в книге все умирают, когда ему вздумается, или живут вечно. Сам-то он покоится на том же кладбище, а по книге выходит, что его там нет.

— И ее не должно было быть там.

— Кого и где не должно было быть?

— Мейбл Лейтон просила, чтобы ее похоронили в Ранпуре на кладбище при церкви святого Луки, рядом с ее вторым мужем, Джеймсом Лейтоном, отцом Джона Лейтона, но дочке Милдред лишь бы поскорее от нее отделаться: закопала где попало, и ладно.

— О чем ты?! Какое это имеет отношение к этой старой калоше Мейбрику?!

— Самое прямое, дорогой, — спокойно ответила Люси, — потому что именно старая калоша Мейбрик проводил мисс Батчелор до покойницкой, но сам не вошел — дескать, тяжело, сам жену похоронил, — и мисс Батчелор пошла одна; ей

все не верилось, что Мейбл и в самом деле умерла. Видать, даже умом тронулась, уж как только не уговаривала она не хоронить Мейбл на церковном кладбище. Жива она, говорит, и все тут. Просила у нее прощения, что одну ее в покойницкой оставляет, надо, мол, мистеру Мейбрику помочь, чтоб он мог своего Генделя играть.

— Кого-кого?

— Ну, орган ему починить. Чтоб играть мог. Ну, не Генделя, так Баха.

— Ой, Люс, уморишь ты меня, — от смеха Слоник даже прослезился.

— Слава богу, что хоть доставляю тебе веселые минуты. Значит, не все еще ушло, значит, что-то еще могу. Например, вызвать у тебя такой вот отклик на свои слова, правда ты только потешаться надо мной и горазд. Да неужто мне под силу растормошить твою память, которую ты намеренно усыпил. Ты же нарочно искажаешь действительность, вводишь людей в заблуждение.

— Куда-куда ввожу?

— В заблуждение. Расхожее сейчас выражение в политических кругах. Как хотят поругать власти, говорят, что они вводят общественность в заблуждение. Так вот сегодня утром я поняла, что это про тебя. Ты любишь вводить в заблуж-

дение. Ты меня поражаешь. Ставишь в тупик. Разговаривая с тобой, я теряюсь, забываю, что я и кто я. — Она сцепила руки у подбородка, словно умоляя не перебивать. — Я не понимаю, почему ты так поступаешь. Может, тебе непонятна стала жизнь и ты даже не допускаешь, что кто-то в ней разобрался. Твой знак — Овен, кстати, скоро у тебя день рождения, надо бы и об этом поговорить. Так вот, людям, рожденным под этим знаком, непременно нужно быть в курсе всего, что происходит, они себялюбивы, обычно помыкают людьми, используют их в корыстных целях, даже когда, казалось бы, теряют контроль над происходящим. А порой и козыряют этим, чтобы вызвать к себе сочувствие. Так и ты: вроде бы видишь ошибку малую и пропускаешь главную. Ведь Мейбл Лейтон умерла шестого июня тысяча девятьсот сорок четвертого года — в тот день наши войска высадились в Нормандии. Умерла Мейбл на веранде Розового Дома, и при ней находилась лишь Сюзан, а мисс Батчелор в это время чаевничала с мистером Мейбриком. Так вот, у Сюзан от нервного потрясения начались преждевременные роды, и она тоже тронулась рассудком, чуть не сожгла младенца, хорошо Мина подоспела и спасла. Об этом, правда, всегда

предпочитали умалчивать, но шила в мешке не утаишь, ведь индийская прислуга ужасно болтлива. А Милдред так и не простила бедняжку мисс Батчелор, что той в тот день не оказалось дома, и выставила ее, хотя и знала, что той деваться некуда. Просто самой не терпелось в Розовом Доме поселиться с Сарой и Сюзан. И пожалуйста, не говори, что ты этого не полнишь, и как Сюзан нам нагрубила в церкви — ты еще сказал тогда: «Ну, теперь видно, что у нее не все дома, так и не оправилась, бедолага». Но ведь ты всегда для таких людей находил оправдания и притворялся, будто не замечаешь, что приходилось терпеть мне; а я терпела, потому что считала себя обязанной. Уехали они в Англию, и жизнь переменилась. Ты, Слоник, смог тогда критиковать все и вся. Вспомни хотя бы Розовый Дом. Ты же знаешь, как мне мечталось жить в нем. И вот наконец мы въехали туда — это уж после того, как и Лейтоны, и все остальные покинули Индию, и ты сразу же начал насмехаться и злословить: дескать, у Милдред Лейтон совсем нет вкуса, раз она на месте розария устроила теннисный корт. Ты насмехался над Лейтонами даже при индийцах и не замечал, как их коробили твои насмешки, как неловко мне было, да и сейчас тоже: ты принижаешь все

минувшее, будь то люди или события, и они для тебя больше не существуют. В Бомбее ты злословил в адрес индийских офицеров, с кем недавно работал, кто возглавил армию после англичан. И опять при индийцах-чиновниках. Плохая это черта, Слоник. Конечно, себя уже не переделаешь, у тебя в характере — нападать, клеветать, а теперь еще и вводить в заблуждение. У меня же, после стольких лет жизни с тобой, не осталось сил бороться. Я лишь могу сожалеть, что ты такой. Ведь из-за твоего характера я, по сути дела, осталась без друзей, все наши знакомцы — это друзья твои, Слоник, но никак не мои, и, позволю себе заметить, среди них нет белых людей. В последнее время я много думала — постарайся меня понять: если бы ты не оправился после болезни, я бы осталась здесь одна-одинешенька, не к кому обратиться за добрым словом, за помощью. И я здесь всем чужая, по правде говоря. И мне здесь все чужие.

Молчание.

Потом Слоник изрек:

— Тебе, Люс, наверное, моча в голову ударила.

— Да, кстати, о твоей манере выражаться. Я заметила, что при Куку Менектара или миссис Шринивасан ты таких слов не употребляешь,

даже с их мужьями ты более вежлив. Все самые поганые слова будто нарочно приберегаешь для меня, доктора Митры, Ибрагима да твоего милого дружка мистера Булабоя. А мне, как ты выражаешься, моча в голову еще не ударила, но вот-вот ударит; ты спрашиваешь меня, кого последним похоронили на церковном кладбище, хотя сам отлично знаешь, что Эдгар Мейбрик вправе был назвать Мейбл Лейтон. Не себя же — это было бы очень уж мрачной шуткой. Хотя, конечно, самый последний на кладбище он, и после него там никого больше не похоронят, потому что места нет.

— Есть еще немного. В уголке, к юго-западу. Как раз хватит на двоих, если поглубже могилу вырыть.

Люси скрестила руки на иссохшей от долгого мужниного равнодушия груди. Вдруг заскрежетала косилка и следом (не послышалось ли ей?) — яростный вопль миссис Булабой. Люси сразу же увидела в этом знамение: это Костлявая с Косой напоминает о себе.

— Слоник, если я умру раньше, мне все равно, куда ты денешь мое тело. Хоть продавай на мыло, мне все равно. Но если умрешь раньше ты, то уж предоставь мне позаботиться о дальнейшем. Склею плот из бумажек, в которых ты всю жизнь

хоронился, и пущу тебя вниз по Гангу, но не к Бенгальскому заливу — не надейся, — чтоб в открытом океане ты стал капелькой Вечности, а к Калькутте, по мелкому грязному притоку, который так заилен, что и суда не ходят, а муниципалитет Калькутты ломает голову, как бы эту речушку расчистить. Ну, так ты решил, что заказывать к «легкому праздничному ужину» на день рождения?

— Решил, — бросил Слоник. Глаза у него помутнели, на коже ярче проступили бурые пятна. Неужто надвигается очередной приступ?

— Тогда скажи, что нужно сделать.

— Все очень просто. Послать к чертовой матери праздничный ужин.

— Так и передать твоим друзьям? Так и написать вместо приглашения, например, полковнику Менектаре с супругой?

Что написать, я продиктую, если ты еще не разучилась стенографировать.

Таким словам меня не обучали, — Люси повела головой и стала теребить бусы. А учили меня изящному слогу да красивому письму, так, как теперь уже не учат, думаю, что и перед тобой не осрамлюсь, все запишу, что продиктуешь. Но как горько мне, что и ты, прожив со мной всю жизнь,

попрекаешь меня тем, что когда-то я вынуждена была приобрести эту профессию. Я гордилась и горжусь, что умею стенографировать. Правда, в Индии это как клеймо: ага, значит, в былые времена этим на хлеб зарабатывала. А скажи, и это на пользу обернулось! Ведь только неимущая простушка могла выйти замуж за человека, лишенного честолюбия. Иначе наш брак себя бы не оправдывал в глазах людей. Пока ты сидел, зарывшись в бумагах, я терпела унижения, пресмыкалась перед женами тех, кто строил себе карьеру, пользуясь плодами твоей работы, теми бумажками, сотнями, тысячами бумажек, которые ты писал и которыми погнушался бы заниматься любой мужчина, если ему не безразлична жена и собственный душевный и телесный покой. Задумайся ты хоть на минуту — те, кто присваивает себе твой труд, благоденствуют со своими женами, а твоя собственная жена терпит лишения. И пресмыкаться, Слоник, я научилась у тебя. Ты сам всю жизнь пресмыкался — такая роль тебе, видно, по душе. И играл бы уж ее до конца, так нет, ушел в отставку и начал строить из себя бог знает кого. Людям этого не понять: взрослый человек вдруг почему-то резко меняется. А ко всему, что непонятно, люди относятся

с опасением и не очень-то привечают. И совсем непросто вновь завоевать расположение тех, у кого ты оставил столь неприятное впечатление. Больше я об этом говорить никогда не стану, слова не пророню. По-моему, я обо всем очень определенно сказала и буду тебе благодарна, если все же ты прояснишь мое положение: что станется со мной, случись у тебя еще один приступ, от которого ты не оправишься. Вместо того чтобы оставлять глупые пометки в безобидной книжонке мистера Мейбрика, оставил бы лучше завещание, где черным по белому написано, какими средствами буду я располагать, окажись я, подобно Руфи, «в слезах одна и меж чужих хлебов»[11].

Слоник сидел, разинув рот. Сердце у Люси зашлось в волнующем упоении: впервые она ошеломила мужа настолько, что он молчал! Много лет назад ей представлялось нечто подобное: в темном театре молчат завороженные ее игрой зрители. Но вот скроется она за кулисами, и благодарный зал разразится аплодисментами. Увы, аплодисменты прозвучали лишь в ее воображении. Тогда, в Равалпинди, еще до войны,

---

[11] Примечания: 11
Из «Оды к соловью» Джона Китса (1795–1821).

они поставили «Ветер и дождь», но вожделенную роль перехватила эта маленькая паскуда Далей Томпсон. Впрочем, и заранее было ясно, что роль дадут ей, а Люси достанется место в суфлерской будке — ее назначили помощником режиссера, этого осла капитана Старлинга, даже не стали пробовать на роль. Все главные роли безоговорочно отдавали Далей. Она обожала перемежать текст паузами, и не дай бог в такую минуту вмешаться суфлерше. Однако случись ей забыть роль, суфлерша должна быть начеку, иначе бедняге несдобровать. Но попробуй разгадай, где у Далей пауза, а где провал памяти, у нее попеременно то одно, то другое. Правда, забыв роль, Далей тут же начинала теребить носовой платок или рыться в сумочке, так она пристрастилась к «игре с предметом» (игре никем не репетированной и не предусмотренной). Это страшно мешало другим актерам сосредоточиться. Порой она перекладывала или переставляла предметы реквизита, чем приводила остальных в замешательство: те не могли найти на месте нужную по ходу действия вещь, лишались опоры.

И мне сейчас опора пришлась бы кстати, подумала Люси, заполнить паузу, не дать Слонику опомниться, но уцепиться не за что. Пришлось

импровизировать:

— Конечно, Слоник, ты забыл, как к четвертому представлению «Ветра и дождя» Далей Томпсон заболела, а в тот вечер ждали самого командующего, и мы были в отчаянии. Майор Гримшо тогда позвонил тебе и сказал, раз я помощник режиссера и суфлер, то знаю роль назубок и почему бы мне не сыграть в тот вечер? Ты же ответил, что я не хочу.

Слоник закрыл рот, но по-прежнему молчал.

— Если ты вообще помнишь этот случай, то ты, конечно, сошлешься на мои же слова: «Слоник, дорогой, спасибо, что выручил». Так вот, мне и впрямь было страшно. Но страшно не оттого, что могу испортить весь спектакль, а оттого, что своей игрой я бы утерла нос Далей Томпсон, и ее муж, полковник Томпсон, отыгрался бы на тебе. А ведь ты еще до свадьбы знал, что я увлечена театром, выслушивал меня и понимающе кивал, когда я рассказывала тебе, что мечтаю сыграть в любительском спектакле. Так что ты соврал майору Гримшо. А мне-то, дурочке, было даже лестно поначалу: думала, ты боишься, что Далей Томпсон за пояс заткну. На деле же, увы, это еще один пример того, как ты постоянно лишаешь, да, именно лишаешь меня полноценной жизни,

дабы проще было оправдать и поддержать свою, ущербную. И пожалуйста, не оправдывайся: дескать, в последнюю минуту Далей Томпсон все-таки появилась. Да ей и незачем было на сцену выходить, с холодным сердцем изображать всякие страсти — она и без того очаровала командующего, и через два месяца ее мужа произвели в бригадные генералы и услали за границу, а она тем временем услаждала своего высокопоставленного поклонника в Утакумунде.

— В Найни-Тале, — поправил Слоник.

— Не все ли равно!

— Нет, не все равно. Потому что это было точно в Найни-Тале. И заезжий генерал был вовсе не наш командующий, а старик Трамперс. А в Утакумунде Далей развлекалась с молодым Бобби Бимишем. Томпсон с ней развелся, она вышла замуж за маркиза, и последний раз ее видели в Каире на банкете в честь Голды Меир, который давал Генри Киссинджер.

— Слоник, не смеши меня. Ты все это сию минуту выдумал. Далей Томпсон в прошлом году умерла.

— Люс, голубушка, такие, как Далей Томпсон, бессмертны.

— Значит, ты ее и по сей день помнишь.

— Еще бы не помнить: самые большие сиськи в Равалпинди.

Вот и поговори с ним после этого.

— Пойду погуляю, — бросила она.

— Ты уже гуляла сегодня.

— Еще погуляю. Тебе что-нибудь купить на базаре?

— Того, что мне надо, ты не купишь.

А что он имел в виду, лучше было не выяснять.

Глава восьмая

Перед уходом она открыла нижний ящик комода в спальне и принялась рыться в старых фотографиях.

Мысленно она уже беседовала с будущим, пока незнакомым гостем; как знать, вдруг молодому человеку интересно ее послушать: «Конечно, мистер Тернер, все фотографии следовало бы собрать в альбом. Однажды я попыталась было, но муж, застав меня за этим занятием, сказал, что наклеивать фотографии прошлых лет в альбом все равно что заниматься онанизмом. Я не поняла этого слова, пришлось заглянуть в словарь. Вы, надеюсь, понимаете, что у меня поубавилось охоты заводить альбом. Вот как раз фотография, о которой говорила Сара. Прощальный банкет Лейтонов в резиденции коменданта».

Она положила снимок на письменный стол рядом с очками.

— Позвольте, мем-сахиб? Люси даже вздрогнула:

— В чем дело, Ибрагим?

— Сегодня понедельник, мем-сахиб.

— Да, помню. Вчера ведь было воскресенье.

— Мне заказать билеты в кино?

— Нет, пока не нужно. Я сейчас занята.

— Булабой-сахиб сегодня придет?

— Понятия не имею.

— Мем-сахиб желает заказать обед на дом или пойдет в ресторан?

— Тоже пока не знаю. Прошу тебя, повремени с вопросами. Я не знаю еще, чем буду занята до обеда и после. Может, пойду гулять и вернусь вечером, может, вернусь раньше, и, кто знает, может, мне из дому больше не захочется выходить. Ради чего смотреть скучный фильм? Ради того, чтобы не мозолить глаза сахибу и мистеру Булабою? Чтобы дать им посидеть за бутылкой и посплетничать, как двум старухам?

Снова застрекотала косилка.

— Будь любезен, попроси мали прекратить этот адский шум! Между прочим, и у других людей кроме миссис Булабой есть нервы. Я же не просила его работать каждый день. По-моему, он нарочно выискивает работу, чтоб меня вконец разорить.

— Мем-сахиб недовольна Джозефом?

— Я сейчас всем и вся недовольна. Скажи ему: хватит! Если он и дальше так будет работать, мне придется вести учет каждого часа, нет, лучше

этим займешься ты, будешь записывать затраченное время и выполненную работу. А я уж сама решу, какая работа полезна, а какая — сущая эксплуатация.

— А кого эксплуатируют, мем-сахиб?

— Меня, кого же еще! — выкрикнула Люси. Оба как по команде взглянули на окно. — Конечно же, меня, — продолжала Люси уже спокойнее. — Но меня не так-то просто обвести вокруг пальца. Я не позволю себя эксплуатировать. Сейчас же прикажи ему прекратить работу!

Ибрагим вышел.

А Люси надела очки и принялась рассматривать фотографию. Улыбнулась.

— Ах, мистер Тернер, какой вы любезный: надо же, признали меня на фотографии. Я уж и сама-то себя не найду. Как-никак четверть века прошло. Ну, если узнали меня, конечно, догадаетесь, кто эта дама. Да, верно, это Сара. А это — Слоник. Сейчас он далеко не такой. Не та фигура — похудел, не та шевелюра — облысел, да все уже не то. Сегодня, я бы сказала, вы видите лишь жалкое его подобие… Да, это, очевидно, муж Сары, мистер Перрон. Или мне следует называть его профессор Перрон?

Косилка перестала стрекотать.

Вглядываясь в мистера Перрона, Люси сначала смутно, потом все отчетливее припоминала его.

— Да, мистер Тернер, разве мне забыть его! Он провожал меня в тот вечер домой, а потом две ночи подряд мне чудилось, что он у нас в спальне. В нашей со Слоником спальне, поймите меня правильно. Муж засыпал, я давала знак, и из ночи появлялся ОН. У него очень ладная фигура, может, чуть долговяз, зато пшеничные волосы, серо-голубые глаза. Посмотрите, как он улыбается. Правда, ему недостает затаенной, но пылкой страстности, присущей Тулу. А когда он начинает говорить, сходство с Тулом и вовсе пропадает: у Тула речь грубая, неразборчивая. Помнится, мистер Перрон меня потом разочаровал, а ведь какой чудный у него затылок, точь-в-точь как у Тула. Я тогда еще сказала тете Фенни (это та полная женщина, что сидит, обняв Тедди, — тетка Сары): «Кто этот молодой человек?» А она — мне: «Это мистер Перрон, он ехал с нами в поезде, когда напали индусы, остановили поезд и высадили всех мусульман. А сегодня мистер Перрон пришел попрощаться с нами, мы ведь улетаем на родину. Пойдемте, говорит, я вас познакомлю». Самой Сюзан на фотографии нет, она, мистер Тернер, тогда была в санатории: никак не могла оправиться

после смерти второго мужа. Признаюсь вам, как только я увидела мистера Перрона, сразу подумала: «Никак у Сюзан третий брак намечается». Как же у нее все быстро и просто. Нехорошо, может, с моей стороны ворошить школьные сплетни, уж все быльем поросло, и я рада, что Сара счастлива, но в те годы Сюзан на весь Панкот славилась тем, что отбивала молодых людей у своей старшей сестры. Тогда она была хорошенькой резвушкой, правда, из резвушки выросла сущая истеричка. Сара-то в молодости была не очень привлекательной, чего уж греха таить. Зато, что касается семейного жизнеустройства, в этом она молодчина. Вы ведь знаете, мать у нее любила выпить. Не то чтобы очень злоупотребляла, но обычно первой за столом поднимала бокал и последней с ним расставалась. Ее в какой-то степени можно понять: женщина в самой лучшей поре — и столько лет без мужа. Вы, очевидно, знаете, что он в войну попал к немцам в плен. И это еще нужно учитывать. Впрочем, даже выпив, она ни разу не оконфузилась. А работала без устали, помогая солдатским семьям. Сама она из рода Мьюиров, отец ее командовал Ранпурским гарнизоном в двадцатые годы. Лейтоны и Мьюиры в ту пору, что называется, «делали погоду» в

Паккоте. Я покажу вам могилы их предков. Так, значит, мистеру Перрону приглянулась Сара. Ну что ж, очень рада за нее. Ведь она росла такой взбалмошной, не принимала ничего всерьез. И на Индию-то ей наплевать, да и на нас всех тоже. Из-за ее нрава и молодые люди за ней не особо ухаживали. Одно время мы даже подумывали, а здорова ли она. Она порой будто насмехалась над нами; вот, пожалуй, почему она сдружилась со Слоником, когда работала при нем в штабе округа; послушать его сейчас, так он тоже над всеми насмехался, о прошлой жизни доброго слова не скажет. И мне иногда кажется, мистер Тернер, что я всю жизнь прожила во лжи, в каком-то лицедействе. Как знать, мистер Тернер, вдруг на поверку вы окажетесь уверенным в себе, увлеченным работой молодым веселым человеком, истинным англичанином. И вдруг, уехав домой, вы будете смеяться над нами до упаду — придет мне такое в голову, и я просто не смогу выносить вашего присутствия. Хотя сейчас я так жду вас: вы вернете мне ощущение того, что я — белая женщина, в этом доме год за годом, день за днем, час за часом я все больше и больше теряла это ощущение. Не говорю уже о том, что раньше положение белой женщины служило надежной

защитой, теперь же — нет.

Вам, наверное, трудно понять, о чем я толкую. Пойдемте-ка лучше, я провожу вас на кладбище, вы там сфотографируете интересные памятники, а потом я отведу вас к Розовому Дому или, попросту говоря, к дому номер двенадцать по Верхней Клубной улице. Попросим у миссис Менектара разрешение сфотографировать памятный нам всем дом в теперешнем виде. Снаружи-то он мало изменился, зато внутри все по-другому, просто не узнать. Повсюду дымятся ароматные палочки, кругом статуэтки и резные украшения, им цены нет — можно подумать, что полковник с женой ограбили индусский храм. Вы словно в музее, присесть, отдохнуть и то негде, разве что на веранде или в столовой. Порой мне доводится обедать с ними. Смотришь, кто-то из гостей ест без ножа и вилки, прямо руками. Я знаю, таков стародавний обычай, но многие поступают так, лишь подражая теперешней моде среди молодых. Мне, конечно, все это просто мерзко: к чему тогда вообще дорогие и красивые столовые приборы. И кругом такая разностилица: кресла и столы богатые, старой доброй фирмы, а картины на стенах — самые что ни на есть современные, да еще с подсветкой, это в солнечный-то день!

На стол упала тень.

— Что тебе еще, Ибрагим?

— Мали прекратил работать.

— Знаешь, я еще не глухая. Если тебе нечем заняться, так вот: вместо того чтобы порхать вокруг меня, сходи договорись насчет коляски.

— Мем-сахиб собирается в клуб?

— А почему бы мем-сахиб и впрямь не поехать в клуб?

— И мем-сахиб будет обедать?

— Не исключено. Только иди, бога ради, Ибрагим, и без коляски не возвращайся. Ты сегодня что-то сам не свой.

Ибрагим заложил руки за спину.

— Вчера солнышко светило, все хорошо. Сегодня пасмурно, плохо. Мем-сахиб занята, фотографии в столе разбирает. У сахиба плохое настроение. Друг с другом они, видно, не ладят. Сегодня с утра во всем доме разлад. Повар говорит, у мистера и миссис Булабой тоже. Бедный Ибрагим совсем с ног сбился. Все ругаются. Мали говорит: трава растет, а ему запрещают косить, на глаза не велят попадаться.

— Возможно, Ибрагим, ты и прав. Только что ты от меня-то хочешь?

— Сегодня очень смешной фильм, — помолчав,

сказал Ибрагим. — Второй раз уже показывают. «Как убить жену» с Джеком Леммоном. В прошлый раз мем-сахиб понравилось. Народ валом валит. Особенно фильм офицерам по душе. Господин директор говорит, сегодня все билеты будут проданы. Может, мне взять извозчика и съездить взять для мем-сахиб билет?

— Возьми-ка лучше два. Один для нашего сахиба, другой — для мистера Булабоя. «Как убить жену»— это по их части. Ибрагим, да ты никак пьян?

— Неужели мем-сахиб не помнит, что Ибрагиму спиртное запрещено?

— Быстро за коляской, Ибрагим!

Как стыдно: уже столько времени ни она, ни Слоник не были в церкви, хотя и по разным причинам. Слоник вообще не верил в бога. А в Люси еще теплился огонек веры, зароненный в детстве, и по большим христианским праздникам, приходя в церковь, душа ее умирялась, хотя поначалу ей думалось, что все осуждающе смотрят на ее белое лицо.

Будто она выделялась среди всех. Не хотела, не искала, а снискала-таки известность, причем малоприятную. Ей отнюдь не претило, что читает проповеди и благословляет прихожан ее

темнокожий брат во Христе, не смущалась она и преклонять колена вместе с темнокожими единоверцами, хотя они во многом и отвращали ее. В душе ее столкнулись приятие и неприятие этих людей, и оттого Люси очень неуютно чувствовала себя в церкви. Как точно выразилась Фиби Блакшо: чувствуешь себя белой вороной среди черных воронов. Но семейство Блакшо давным-давно уехало домой, и Люси уже несколько лет не причащалась в церкви..

Коляска свернула на церковную улицу, миновала бывший дом приходского священника (теперь здесь жил мистер Томас, директор кинотеатра, отец шестерых детей). Интересно, сколько же лет прошло с тех пор, как Люси в последний раз ступила на маленький церковный дворик — во времена раджей там каждое воскресенье собирался цвет общества. А за оградой ожидали коляски и экипажи: после службы господ нужно отвезти кого домой, к обеду, а кого в клуб — на коктейль с мясной закуской под острым соусом.

— Обождите меня, — попросила Люси извозчика. Проходя церковными воротцами, она задержалась под аркой. Ей вспомнилась иная церковь, но не унылая, захолустная в отцовском приходе, а деревенская в Пирс-Куни. Там ее кре-

стили, там и начинал вторым священником ее отец. Позднее она с братьями-близнецами Марком и Дэвидом три года подряд, летом (дивное было время!) приезжала туда на две недели, и отец понуждал их ходить каждое воскресное утро в церковь.

— И об этом мне нужно рассказать вам, мистер Тернер, — произнесла она, садясь на скамейку. Удивительно: раньше она ни разу не садилась там! Да и сейчас получилось само собой. — Простите, мистер Тернер, я сегодня какая-то несобранная и бестолковая. Девичья фамилия моей матери — Лардж, бедная родственница владетельных господ. Они наняли ее ухаживать за своим больным сыном. Ах, как она любила забавы на свежем воздухе. Звали мою мать Эмили. Эмили Лардж. А у отца имя сложное: Матфей-Марк-Лука Литтл. Конечно, людские имена, Как и людская жизнь, — не повод для насмешки. Вы улыбаетесь, я на вас не в обиде, это и впрямь смешно, я понимаю. Но здесь, под сенью кладбищенских ворот, от которых тропинка ведет прямо в райские кущи, куда мы проводили своих близких, мне совсем не смешно. Не замечали ли вы, мистер Тернер, что волокна в дереве — взять хотя бы эту скамейку — всегда одинаковы? И

камушек — везде и всегда камушек, травинку тоже ни с чем не спутать. Конечно, существуют разные оттенки, степени — смотря где вы окажетесь; но солнце светит везде — и здесь и там — одинаково, так что вы этого и не замечаете или во всяком случае не удивляетесь. А если и удивляетесь, то лишь слегка: до чего ж скудна природа на выдумку! Морской прибой шумит у Бомбея так же, как и у Уортинга, как и повсюду. Закройте глаза, мистер Тернер, и вам ни за что не определить, где вы.

Она закрыла глаза и склонила голову. Вот кашлянул и сплюнул дожидающийся ее на дороге возница. Раскаркались вороны, потревоженные нежданной пришелицей. Повеяло прохладным, с гор, ветерком, и все стихло. Тишину нарушал лишь мерный стук дятла: точно маленький кузнец неутомимо бил и бил по своей наковальне в сосновых холмах, вознесших Панкот почти на две тысячи футов на уровнем моря.

Тук-тук.

— Никак не пойму, мистер Тернер, что ж это за звук? Нет, на дятла не похоже. И мне сразу вспоминается летний субботний день дома. Отец подстригает живую изгородь, и где-то вблизи — тук-тук, тук-тук — мои братья играют на лугу

в крикет. Рукава рубашек засучены; мать наказывает мне сделать им лимонад; я выжимаю сок, беру поднос и иду к мальчикам — от них терпко пахнет потом. Их было почти не различить, разве что у Марка веснушек побольше. Людей малознакомых это чрезвычайно смущало. А близнецы, думается мне, этим пользовались. По натуре они были не очень-то великодушны. Частенько мне от них доставалось, но жаловаться я не смела — еще бы! Один раз они вылили мне на голову зеленую краску, а родителям божились, что нечаянно. Мать, похоже, поверила, а отец очень любил мои русые волосы, взъярился и в кои-то веки крепко всыпал братьям, правда, может, не так уж и крепко. Потом они только посмеивались, а выпори их мать — было б не до смеха. Меня братья наказали по-своему: до конца летних каникул не брали играть и не разговаривали со мной, а если и обращались ко мне, то не иначе как Ябеда или Лысуха, меня же пришлось остричь едва не наголо. Стригла, да еще со всей беспощадностью — дескать, поделом тебе, — сама мать. Я стала похожа на мальчика, чему она, несомненно, радовалась. Проходила неделя за неделей, а я либо сидела дома, либо, прячась от всех, гуляла в саду. Сад, конечно, название слишком громкое;

на задах приходского парка росло несколько яблонек-заморышей. Средь них я и сидела, слушая, как щелкают садовые ножницы; чик-чик. Отец подравнивал по субботам, в день служб, живую изгородь. А потом до меня доносилось: тук-тук, тук-тук — то братья играли в крикет. А мать громко их подзадоривала, она играла с ними, охраняла воротца. Ручищи у нее были огромные.

Чик-чик.

* * *

Люси наконец миновала ворота и пошла по тропинке церковным подворьем. Вдруг она остановилась — на этот раз ее поразил не знакомый звук (то щелкали садовые ножницы), а могилы — надгробия вычищены, трава вокруг скошена. Неизвестный труженик, очевидно, работал и сейчас, только по другую сторону церкви, и потому его не было видно. С той стороны — могила Мейбл Лейтон. Мейбл и сама очень любила повозиться в саду. Ее старая подружка мисс Батчелор, уже впавшая в маразм, говаривала, что Мейбл не будет почивать с миром: ведь ее похоронили, вопреки желанию, в Панкоте, а не в Ранпуре. А между тем Мейбл почивала все эти годы с миром. Впрочем, как знать.

Хватит думать о глупостях, приказала себе Люси и вновь зашагала по тропинке к южному входу. Едва она поравнялась с ним, как дверь распахнулась и на пороге выросла чья-то фигура. Люси вздрогнула всем телом и даже вскрикнула.

Приглядевшись, вздохнула.

— Ну и напугали же вы меня, мистер Булабой.

* * *

Мистера Булабоя эта нежданная встреча и самого застала врасплох. Надо же, он только что думал о миссис Смолли. Она предстала перед ним столь внезапно, что у него подкосились ноги — во второй раз за сегодняшнее утро. Может, невидимые колдовские чары вызвали сюда ее дух? Да нет, вроде она сама, улыбается, как всегда, степенно и благородно.

В сердце мистера Булабоя для Люси был уготован особый уголок. Уготован давным-давно. Как опечалился мистер Булабой, когда Люси перестала ходить в церковь. Ибо, видя, как скромно, но достойно держится эта стройная и опрятная женщина (причем достоинство у нее, разумеется, в крови) на воскресной службе, мистер Булабой преисполнялся уверенностью в целесообразности и уместности дела, ради которого собрались

прихожане. Поначалу, когда Люси и Слоник только-только приехали в Панкот (Слоник к тому времени уже вышел в отставку), она брала его с собой, и они садились в первом ряду. Недолго ходил в церковь Слоник, а Люси с каждым разом, с каждым годом садилась все дальше и дальше, все больше растворялась в полумраке. Мистера Булабоя это очень огорчало, но мало-помалу он начал понимать, в чем причины. Назвать их он бы не смог, но, во всяком случае, скромность, желание остаться незамеченной полностью соответствовало нарисованному им образу настоящей английской дамы старой закалки: такая и голоса не повысит, потому что не найдется и повода; она умела внушить послушание тем, от кого это требовалось. Правда, в их число не входил Слоник. Мистер Булабой только диву давался, как тот обращался с женой. А с другой стороны, ему было любопытно наблюдать традиции английской семейной жизни.

Как радовался он, когда Люси приходила обедать в гостиничный ресторан. Убогое заведение словно преображалось. Такие же чувства (с некоторой поправкой) испытывал он и к Слонику. Любо-дорого смотреть на чету, когда, кроме них, в ресторане никого нет: едят молча, сдержан-

но — истинные англичане. Слоник, правда, не стеснялся в выражениях, хуля пищу, обслугу, не очень свежую скатерть, но в придирках его не было злобы; Слоник как бы смотрел на себя со стороны и улыбался: надо ж какие мелочи стали раздражать, надо ж как испортился характер.

Во время раджей, как часто доводилось слышать мастеру Булабою, англичане уж слишком важничали. В ту пору ему было мало лет, и собственного мнения он не составил, однако из личных наблюдений заключил, что если прежде задирали нос англичане, то теперь — индийцы. Из чего следовало, что ответственность за управление страной портит нрав и губит чувство юмора.

А когда Слоник и Люси обедали в ресторане при других посетителях-индийцах, то именно от столика четы Смолли, казалось, исходило благодушие и довольство. Супруги чаще разговаривали друг с другом, перебрасывались словом со знакомыми за соседними столиками. Но если соседи затевали ссору с официантом или мистером Булабоем, Люси и Слоник сразу сосредоточивались на обеде. Не поддержали они и миссис Булабой, когда та раз-другой устраивала жуткие скандалы: она полагала, что клиент все-

гда виноват, более того, на его вину непременно нужно указать, на скандал ее подвигало все то же чувство ответственности. Странно, думал мистер Булабой, почему из-за чувства ответственности не прибавилось склочности в моем характере. Ответ напрашивался сам собой: мистер Булабой ничем не управлял. Все бразды правления находились у Лайлы. А он, точно кукла чревовещателя, сидел у нее на могучих руках и лишь раскрывал рот, а отдавала распоряжения и устраивала скандалы она. Был и иной ответ: мистер Булабой хотя и был наделен ЧУВСТВОМ ответственности, отнюдь не стремился обременять себя ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.

Им повелевали, и его это устраивало. Сначала повелителем его был мистер Пилаи, потом — Лайла. И от ярма ему вовек не избавиться.

И вот сегодня, столкнувшись с миссис Смолли, он пожалел о своей доле. Миссис Смолли не уступала Лайле в твердости характера, но ярма не надевала. И почему господь не наградил его хоть малой толикой силы воли?

— Простите меня, миссис Смолли. Признаться, я и сам напугался. Хотите верьте, хотите — нет, но я только что вспоминал вас.

* * *

Пикантно началось утро у мистера Булабоя. Проснувшись, он обнаружил, что лежит совершенно голый в постели с Лайлой, уткнув нос меж ее необъятных грудей. Плечи его стиснуты мощными руками супруги, а ноги затерялись меж недристых ее бедер. Над головой его раздавалось медное гудение с залихватским посвистом.

Как он очутился у нее в постели, оставалось загадкой. Сама супруга его к себе, помнится, не вызывала. Неужто, пока он спал, она прокралась к нему в комнату и, перекинув через плечо, отнесла к себе в постель, сняла с него пижаму и взгромоздила его на себя? А поскольку, как явствовало после ежеутреннего пробуждения, и во сне он оставался в состоянии боевой супружеской готовности, то не исключено, что Лайла воспользовалась случаем: не пропадать же втуне такому дару. Будить мужа она не стала — управится и без его помощи. Сил хватит.

Поразительно, сколько сил таится в женщинах даже более изящных, чем его Лайла, сколько решимости! Их неожиданные и непредсказуемые капризы и пристрастия относительно самых, казалось бы незначительных, мелочей приво-

дили в замешательство. Почему, например, им больше нравятся на мужчинах тесные плавки, ведь свободные трусы удобнее. Впрочем, в этой непредсказуемости отчасти и таилось женское очарование: не угадать, что скажут или сделают через минуту, как переменится их отношение. Даже в самые интимные минуты. Один-разъединственный раз в Ранпуре ему удалось перемигнуться с Изюминкой, и она пригласила его к себе. Ну и смеялась она, увидев его «семейные» трусы. Поначалу она отдалась ему стоя, потом лежа, а потом в такой невообразимой позе, что, не угляди он ее в иллюстрированной книге, ни за что бы не поверил, что такое возможно. «До чего же мужчины гибкие! — сказала она на прощание, выдворяя его на ночь в гостиницу. — Приходи завтра, только трусики поприличнее надень, и мы устроим „казачок“».

Но все прелести таинственного «казачка» так и остались неведомы мистеру Булабою. Назавтра вечером Изюминка встретила его с зловещей плеткой в руках, в полном казацком облачении, от которого он с удовольствием бы ее избавил, но, к великому его огорчению, она и не собиралась раздеваться. Мистер Булабой и еще двое парней должны были плясать вокруг нее. На парнях бы-

ли лишь красные узенькие плавки и красные же кожаные сапоги. И мистеру Булабою предложили на выбор несколько пар.

Изюминка спросила:

— Ну как, с трусиками все в порядке?

— Да, конечно, — бодро ответил мистер Булабой, — только они не красные. Схожу переодену.

Только его и видели. С тех пор он со страхом, от которого сладко замирало сердце, ждал: вдруг Изюминка еще раз объявится со своей программой в варьете «Шираза». Даже в самые интимные минуты с танцовщицей (например, когда оба они переплелись в немыслимой позе, которую Изюминка называла «двойной лотос») мистеру Булабою казалось, что он в объятиях своей супруги, поэтому порой он улыбался, а иногда даже прыскал со смеху. И немало сил приходилось положить, чтобы избавиться от наваждения и не расхохотаться до слез. Представить Лайлу в позе «двойной лотос» — со смеху можно умереть, это еще похлеще, чем увидеть ее на сеансе иглоукалывания у доктора Бхаттачарии — она похожа там на дикобраза. Впрочем, ему самому с Лайлой в позе лотоса было бы не до смеха. Под тяжестью ее могучих телес у него переломился бы хребет и не выдержали б ноги, или в самый

ответственный момент она бы просто рухнула на него, раздавив в лепешку.

Окончательно проснувшись, полузадушенный и потный, мистер Булабой высвободил голову и взглянул на жену. Она спала богатырским сном. Но гудение и посвист не утихали. Губы ее то вытягивались трубочкой, словно во сне она сдувала пух с одуванчиков, то бессильно опадали после выдоха. Брови сурово насуплены: не иначе близятся грозовые раскаты мигрени, значит, еще одно утро испорчено. Проснется она — и мужу несдобровать. Лучше убраться подобру-поздорову, пока не поздно. Он придумал особые приемы, как, не тревожа сон жены, убираться посреди ночи к себе в комнату. Миссис Булабой любила спать одна. И по опыту мистер Булабой знал, что, застань его утром супруга рядом с собой в постели, цветок любви, что изредка все же распускался, сразу увянет. И даже если она, обессилев (еще бы, с удовольствием думал в такие минуты мистер Булабой, я не ударил лицом в грязь), не отсылала его прочь, лучше все же ретироваться.

Ему еще не доводилось покидать супружеское ложе поутру, когда сквозь занавески проникали первые рассветные лучи, высвечивая нежные темные усики на верхней губе жены. Впрочем,

ночь ли, утро ли, а приемы все те же: по возможности отыскать на исполинской груди сосок, поцеловать его, издав при этом томный вздох. Лайла обычно отвечала при этом звуками более выразительными. Нужно затем высвободить собственную, затекшую до одеревенения руку (что тоже стоило немалых трудов). Далее рука перекладывалась на бедро или какую другую доступную часть тела. Расслабляться при этом нельзя: Лайлу подобный прощальный и многообещающий ритуал приводил в трепет. Сегодня она тоже «затрепетала»: громко застонав, грузно приподнялась несколько раз на постели и перевернулась на бок, ловко, по-борцовски, захватив голову мужа. Он обычно терпел, но сегодня было уж что-то очень больно. Вывернуться из тисков жены в общем-то не так уж и сложно, благо от пота тела их сделались скользкими. Нужно только терпение, и мало-помалу голова мистера Булабоя оказалась на свободе. Соскользнув с кровати, он привычно, стоя на коленях, стал шарить по полу в поисках пижамы. Однако не нашел и сразу проснулся окончательно. Поднялся на ноги — в голове сильно застучало, колени подогнулись, он снова очутился на полу и затих. Что это, снится ему, что ли? Вроде бы нет. Оглядев спальню в

предрассветной мгле, он вдруг ясно вспомнил прошлую ночь.

Без толку искать пижаму, он ее с вечера вообще не надевал. В комнату Лайлы он пришел в одежде, которую обычно надевал к воскресной службе: строгий серый легкий костюм, белая рубашка, синий галстук, черные туфли, черные носки, белая майка и белые просторные трусы. Вон, все валяется кучей, в плачевном беспорядке — неслыханная беспечность: смотреть тошно, как лежат (и всю ночь пролежали!) смятые, скомканные его вещи, позабытые-позаброшенные. И некому было их собрать, отнести, развесить в удобном шкафу, где бы они разгладились и приняли вновь достойный вид.

Да, вон они — кучей на диване; он сам их побросал туда: днем Лайла любила там вздремнуть. Мистер Булабой на коленях подполз к дивану, собрал одежду — вещь за вещью, — стараясь не столкнуть кофейный столик, на котором красовались доказательства вчерашней попойки: пустая бутылка из-под джина, два стакана, в одном на треть выдохшегося джина с тоником, ведерко со льдом, переполненная пепельница, от одного вида которой мутит, два подноса с объедками: огромные тарелки с курицей под острым соусом,

пловом, разными приправами: кувшин, где еще оставалась минеральная вода с застывшими пузырьками воздуха; поникшие ломтики лимона, три пивных бутылки, причем одна открытая, но не початая; пустая пачка из-под сигарет, полупустая коробка глазированных каштанов.

Неловко прижав к груди одежду, мистер Булабой все так же на коленях стал продвигаться к двери в собственную спальню — ни дать ни взять артист, игравший Тулуз-Лотрека в одном из немногочисленных фильмов, которые видел мистер Булабой (этот фильм очень советовал посмотреть мистер Томас — там стоящий канкан). Мистер Булабой выронил туфлю и замер, но миссис Булабой храпела по-прежнему. Чтобы открыть дверь, пришлось встать, но, войдя в свою комнату, мистер Булабой почему-то снова опустился на колени, подполз к стулу, аккуратно развесил одежду, закрыв дверь, запер на крючок, с трудом вскарабкался на постель, свернулся клубочком и закрыл глаза. Но тут же открыл: в тяжелой голове вспыхнули воспоминания вчерашнего дня.

* * *

Вчерашний день не сулил ничего плохого: воскресенье — выходной. Предстояла приятная церковная служба преподобного Стефена Амбедкара. Человек он, правда, беспокойный, и мистер Булабой даже побаивался его. Прежний священник, преподобный Томас Нарайан, приезжая на воскресные службы, чтобы утолить духовную жажду христианской общины в Панкоте, всегда останавливался «У Смита». Стефен Амбедкар лишь однажды заночевал в гостинице, впоследствии же почти всегда предпочитал гостить в семье Менектара, хотя те исповедовали другую веру. Зато христианином был их приятель — главный инспектор полиции в Ранпуре. Мистер Булабой опасался: не дай бог святой отец, проведя час-другой «У Смита» накануне своей первой службы, пожаловался полицейскому инспектору на условия, в которых приходилось коротать время и его предшественнику, преподобному Нарайану.

Конечно, ежемесячные наезды нового священника радовали христианскую душу мистера Булабоя, однако вызывали у него тревогу и волнение: как-никак он церковный староста. Во

времена мистера Нарайана такого не было и в помине. Тот приезжал в Панкот воскресным утром, оставлял свой тощий саквояж в номере пятом и завтракал вместе с мистером Булабоем, потом они вместе шли в церковь. Мистер Булабой успевал заскочить туда спозаранку, отпирал дверь для Сюзи, и к его возвращению с мистером Нарайаном она уже заканчивала украшать церковь цветами. Потом за чашкой кофе (Сюзи приносила с собой термос), сидя за круглым столом в ризнице, мистер Нарайан говорил, какие гимны должны петь прихожане и какие главы Писания он будет с ними читать. Сюзи закладывала нужные места в Библии на кафедре и вставляла в пюпитры бумажки с номерами гимнов. А святой отец и мистер Булабой подсчитывали месячный доход и толковали о делах приходских. В 10.25 Нарайан облачался подобающим образом, а мистер Булабой звонил шесть раз в колокольчик, созывая паству. Даже когда являлось совсем мало прихожан, Томас Нарайан никогда не отказывал им в причастии, никогда не настаивал, чтобы они воздерживались от еды и питья до причащения. Мистер Булабой, конечно же, и крошки в рот не брал, лишь позволял себе глоток-другой кофе. Иной раз прихожан вообще не было, и при-

чащаться Святых тайн приходилось лишь ему и Сюзи. Когда собирался народ, мистер Нарайан задерживался после службы, беседовал со своей паствой на церковном подворье и иногда принимал чье-нибудь приглашение отобедать. Иногда, наоборот, он с несколькими прихожанами шел обедать в гостиницу. После обеда он навещал болящих и скорбящих или заглядывал к Сюзи на занятие в воскресной школе, помещавшейся в ее доме, где некогда она жила с матерью, а теперь — одна. Потом наступало время вечерней службы, на которую приходило еще меньше людей. Ужинал мистер Нарайан либо с Сюзи, либо с мистером Томасом, владельцем кинотеатра, либо с мистером Булабоем. В понедельник он уезжал в Ранпур полуденным поездом, однако случалось ему и откладывать отъезд, если кто-то из паствы был при смерти. Не то чтобы он чуял смерть загодя, просто так обходилось дешевле: не нужно специально снова ехать в Панкот на похороны, проводить заупокойную службу в той же церкви или в маленькой часовне при колумбарии центральной больницы, построенной англичанами. Если кто умирал скоропостижно, мистера Нарайана можно было вызвать по телефону из Ранпура в любое время дня и ночи. Не раз приходилось

ему добираться до Панкота на попутном военном грузовике. Свадьбы и крестины (в наши дни явления куда более редкие, чем похороны) обычно старались приурочить к воскресным службам.

Славные то были дни.

После смерти преподобного Томаса Нарайана и назначения в приход преподобного Стефена Амбедкара кое-что изменилось к лучшему, кое-что — к худшему. Что именно, мистер Булабой не смог бы определить, он лишь чувствовал, что при мистере Амбедкаре он постоянно лелеял какие-то смутные надежды и смиренно сносил всяческие разочарования.

Придя в церковь в первый раз, новый священник сразу же указал на сломанный орган:

— Нужно бы починить.

Мистер Булабой растолковал ему, что денег не хватает даже на самое скромное содержание церкви, на это мистер Амбедкар лишь лукаво улыбнулся: дескать, праведный человек всегда найдет деньги для праведного дела, если уверен в его необходимости и если у него окажутся «полезные» связи. Однако и по сей день Сюзи приходилось аккомпанировать хору на фортепьяно, самой же и настраивать инструмент. Пастве выпадал лишь редкий случай причаститься, ибо

новый святой отец в отличие от преподобного Нарайана поставил строгие условия: причащаться не позже восьми часов утра и натощак — это означало, что он не всякий раз сможет причастить прихожан, а лишь тогда, когда приезжал загодя, в пятницу или субботу. А загодя он приезжал (как нетрудно было вычислить) лишь вместе с главным инспектором полиции — тот наведывался поиграть в гольф. Прибывал он в служебной машине с флажком на радиаторе и мистером Амбедкаром (в темных очках) на соседнем сиденье. Мистер Амбедкар тоже не прочь был поиграть в гольф и провести субботу с воскресеньем в доме полковника Менектары или в резиденции командующего ранпурским округом генерала Крипалани, где привечали полицейского инспектора, а заодно и святого отца. Кроме этих редких дней у панкотских христиан оставалась лишь одна возможность приобщиться Святых тайн. Дело в том, что мистер Амбедкар был весьма желанным гостем у директора местного отделения авиакомпании и изредка бесплатно летал в Нансеру. Из этого следовало, что к вечеру в субботу он приезжал на автобусе авиакомпании в Панкот, а возвращался в Ранпур лишь вечером в воскресенье. Порой мистер

Булабой получал известие о его прибытии лишь за несколько часов и не успевал предупредить всех прихожан, жаждущих причастия, чтобы в восемь утра они приходили в церковь святого Иоанна. Мистер Амбедкар, впрочем, понимающе относился к трудностям церковного старосты, но все же бывал весьма разочарован, если к причастию набиралось всего с полдюжины (а то и меньше) людей. Прежде чем жестом подозвать их к себе, духовный пастырь демонстративно пересчитывал поголовье своего стада и уж потом освящал облатки, проследив, чтобы не было лишних, и вино. Причем если облатки святой отец выделял с предельной точностью, то о вине того не скажешь: всякий раз на дне потира оставалось преизрядно. Мистер Амбедкар смиренно вздыхал и выпивал все до капли.

К обычной воскресной службе (как, например, вчера) мистер Амбедкар прибывал в машине полковника Менектары часам к одиннадцати. Минут за пятнадцать мистер Булабой выходил к церковным воротам, чтобы встретить святого отца.

Но вчера мистер Амбедкар объявился минут на сорок раньше обычного, к немалому удивлению мистера Булабоя, Сюзи и мистера Томаса, — они

сидели в ризнице и пили кофе, управившись со своей работой: украсили церковь цветами, разложили псалтыри и молитвенники, приготовили, вытащив из шкафа, ящичек для пожертвований.

Мистер Амбедкар приехал не один! С ним был молодой священник, темная кожа его отливала пурпуром. Зато зубы сверкали белизной в лучезарной улыбке — ни дать ни взять реклама какой-то доселе невиданной зубной пасты, которая, еще не поступив в продажу, сулит тем, кто будет ею ежедневно пользоваться, благоденствие и сознание собственной неотразимости.

— Знакомьтесь, Фрэнсис, — сказал преподобный Стефен Амбедкар мистеру Булабою, — отец Себастьян.

— Очень рад, Фрэнсис, — отец Себастьян крепко пожал ему руку. — А это, должно быть, Сюзи. Здравствуйте. А вы мистер Томас. Наслышан о вас. Стефен рассказал мне обо всех вас, о том, как вы помогаете ему в делах церковных. Красивая у вас церковь. Отличный образец английской колониальной архитектуры для гарнизонных церквей в горной местности. Построена, видимо, году в 1885, так?

— В 1883-м, — поправил мистер Булабой.

— Почти угадал. Что ж, хорошо. А кто, кстати,

следит за церковным двором? Обычно вокруг старых церквей такое запустение.

Мистер Амбедкар на мгновение стушевался, но улыбки не погасил, а одарил ею мистера Булабоя, не обделив, впрочем, и отца Себастьяна. По правде говоря, мистер Амбедкар вообще не замечал, ухожен двор или нет. А если и замечал, то ни разу и словом не обмолвился об этом.

— Есть у нас такой паренек, Джозеф, он работает в гостинице мали. А в свободное время приходит сюда.

— Мне бы хотелось познакомиться с ним. Можно ли посмотреть церковь?

Преподобный Стефен Амбедкар вышел вслед за ним из ризницы и закрыл за собой дверь. Мистер Булабой, мисс Сюзи Уильямс и мистер Томас с минуту сидели молча.

— Он представился — «отец Себастьян».

— Должно быть, из англокатоликов[12],— вполголоса сказал мистер Булабой. — Он из Южной Индии. А там сейчас их влияние очень сильно.

— Наша семья не принадлежала к англиканской церкви. — Сюзи резко отодвинула кофейную

---

[12] Примечания: 12

Наиболее консервативная часть английской церкви, признающая догматы католицизма, но отвергающая слияние с римско-католической церковью.

чашку. — Во всяком случае, мама так говорила про отца. Сержант Таффи Уильямс служил в Валлийском полку. В 1928—1930-м был прикомандирован к панкотскому стрелковому инструктором. В 1934 году его убили на северо-западной границе. Я отца не помню. Зато помню наш старый молитвенный дом с рифленой железной крышей. Каждое воскресенье час в час мы ходили на Западный холм. К вам сюда мы не заглядывали. Мама говорила, отец не любил англиканство, и он бы очень за нас огорчился. Но дело не в этом. Маму в детстве водили именно в англиканскую церковь. Мы же стали с отцом в молитвенный дом ходить. Здесь, Фрэнсис, мы сидели бы на самых задних скамьях — маме не хотелось бы смущать своим видом английских дам, кому она делала прически. Даже в последнем ряду не решилась бы сесть. Может, будь я иной, она бы и пришла, но я такая как есть, такой и останусь, и никто не заставит меня аккомпанировать священнику, которого надлежит называть «святой отец» и кто черен, как вороново крыло, да еще в церкви, куда мама ни за что бы меня не привела.

— Дорогая моя Сюзи, — мистер Булабой даже обнял ее, — не говорите чепухи. Отец Себастьян

— всего лишь гость.

— Нет, чует мое сердце, не в гости он приехал. Я же слышу, что люди говорят. У меня же в салоне «Шираза» клиенток много. Да и раньше, когда у меня была своя маленькая парикмахерская, я тоже была в курсе всех событий, пока эти чертовы пенджабцы все к рукам не прибрали.

— Выбирайте выражения, вы же в храме, — напомнил мистер Томас.

— И что же люди говорят, а, Сюзи?

— Что не сегодня-завтра мистера Амбедкара повысят и, вообще, быть ему епископом Калькуттским.

— Вы что же, слышали об этом от своих клиенток-индусок и мусульманок? Да полноте! Вам это прислышилось.

— Ну и что же? Все равно я права. Ручаюсь, отец Себастьян на гостя не похож.

Дверь в ризницу отворилась, заглянул мистер Амбедкар.

— Фрэнсис, можно вас на минутку?

Он никогда не звал мистера Булабоя по имени. Закрыв за собой дверь, священник пробормотал:

— Мне нужно поговорить с вами об отце Себастьяне. Он пока осматривает подворье. Кстати, кто платит этому пареньку, Джозефу?

— Раньше я давал ему немного денег из собственного кармана. Но сейчас он работает в гостинице, и я за него спокоен. А здесь он помогает по доброте душевной. Он же христианин.

— Прекрасно, прекрасно. Отцу Себастьяну очень понравилось, как мы содержим и церковь и кладбище.

Мистер Булабой потупился.

На плечо ему тяжело легла рука, пришлось взглянуть преподобному Стефену Амбедкару прямо в слегка воспаленные глаза.

— Что-то тревожит вас, Фрэнсис. Впрочем, догадываюсь. Отец Себастьян — вот причина. Вы небось думаете, что мы идем на поводу у Ватикана и при церкви вот-вот откроем часовню Богоматери?

— Нет, что вы!

— А что касается обращения, так я тоже могу попросить величать меня «святым отцом». Это дело вкуса. И римская церковь здесь ни при чем.

Мистер Булабой постарался изобразить радужную улыбку, насколько позволяли обстоятельства. Неужто права Сюзи? Неужто вместо преподобного Стефена у них будет отец Себастьян?

Священник снял руку с плеча мистера Булабоя, заложил обе руки за спину и медленно пошел по

проходу. Мистер Булабой, в точности повторив каждое движение духовного наставника, пошел следом.

— Пора наконец задуматься, — сказал мистер Амбедкар, — что такое жизнь.

— Давно пора, — поддакнул мистер Булабой; ему вдруг представилось, как в ту самую минуту его супруга проверяет книгу гостиничного прихода и расхода.

— Как и я, — продолжал мистер Амбедкар, — отец Себастьян всемерно поддерживает идею единения разных христианских церквей в Индии. И если мы хотим продвинуться вперед… — он оглянулся, словно проверяя, не притаился ли где соглядатай, который незамедлительно донесет властям, что затевается заговор всех иноверцев обратить в христиан. — Так вот, если мы хотим продвинуться вперед, нам всем нужно идти рука об руку. Позвольте, Фрэнсис, я посвящу вас в свои сокровенные планы. Вас, и только вас. Я знаю, вы человек надежный, сплетничать не станете. Месяца через два-три я, наверное, покину вас… совсем.

— Да что вы? — жалостливо откликнулся тот, ему почудилось, что бедный священник смертельно болен.

— Поймите меня правильно, — продолжал мистер Амбедкар, — отец Себастьян не будет постоянно вашим приходским священником, но, возможно, задержится в ваших краях на некоторое время, пока не получит место в Ранпуре. Он будет, так сказать, разъездным внештатным священником. Вам это только на руку. Думаю прислать его к вам через две недели, на Пасху. Может, он согласится проводить у вас службы дважды в месяц, а не один раз, как я. Поэтому год грядущий сулит вам много радости, как знать, может быть, и у вас появится постоянный священник.

Мистер Булабой лишь неопределенно хмыкнул.

— Опять же по секрету скажу, что Панкот в не очень отдаленном будущем расцветет, в Нансере сейчас разрабатываются кое-какие мероприятия. План экономического развития долины Нансера. Слышали что-нибудь об этом?

— Похоже, что не слышал, — ответил мистер Булабой, такие слухи доходят в первую очередь до жены, мысленно прибавил он. Когда строили аэропорт в Нансере, тогда и впрямь вольготнее жилось: понаехали инженеры, всякие специалисты да советники — и свои, индийские, и из

Англии, и из Америки, Европы, Азии. А с ними — их семьи. Много среди них и христиан. Так что, каков бы ни был план экономического развития Нансеры, он сулил не меньше, если не больше. Во-первых, прибыль гостинице, во-вторых — церкви. Мистеру Булабою уже виделись самые радужные перспективы, их сияние нимбом увенчало голову преподобного Амбедкара.

— Как нам будет не хватать вас, сэр, — скорбно произнес мистер Булабой и был отблагодарен: он снова почувствовал на плече твердую мужскую руку. Откуда ни возьмись появился отец Себастьян и умилился, глядючи на узы истинного братства, связующие слугу церкви и мирянина. Он тоже решил не отставать: левой рукой обнял мистера Амбедкара, а правой — мистера Булабоя.

— Великолепная у вас церковь. Скажите, Фрэнсис, могу ли я рассчитывать на фотографии внутреннего убранства? Я бы хотел присовокупить их к статье для одного мадрасского журнала; его читают во всем мире.

* * *

Службу отец Себастьян провел отменно. Он читал из Екклесиаста: стих семнадцатый, во-

семнадцатый и часть девятнадцатого из второй главы: «И возненавидел я жизнь: потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем; потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый?»

Даже Сюзи Уильямс испытала умиротворение. А остальные прихожане, поначалу буквально потрясенные видом отца Себастьяна — иссиня-черная кожа особенно выделялась на фоне белоснежного с кружевами стихаря, — совсем было приуныли, когда он, взывая к Господу, упомянул Деву Марию и отвесил земной поклон[13]. Но в конце они были не только умиротворены, а буквально заворожены новым священником.

Служба прошла очень весело. Первый раз в жизни мистер Булабой слышал, как прихожане прыскают со смеху. Но то был радостный смех. Преподобный Стефен Амбедкар сидел на клиросе, он поощрительно кивнул и улыбнулся отцу Себастьяну, когда тот начал в шутливом тоне:

— Мне, знаете ли, всегда казалось, что автор

[13] Примечания: 13

Имеется в виду принципиальное отличие католицизма, почитающего Деву Марию, и протестантизма, отказывающего ей в святости.

книги Екклесиаста страдал желудком — то ли запором, то ли поносом.

Мистер Булабой слушал как зачарованный. Казалось, Дух Господень прошел пешком по тихим водам его души. А когда отец Себастьян, точно рассчитав время своей службы, закончил ее десятью минутами позже обычного и со словами «Во имя Отца, и Сына, и Святого духа» осенил прихожан крестным (католическим) знамением, рука мистера Булабоя самопроизвольно повторила жест святого отца.

И враз умирилась душа его.

Вперед вышел мистер Амбедкар.

— Я спросил отца Себастьяна, какой гимн нам спеть в заключение, и, посоветовавшись с мисс Уильямс, он выбрал гимн номер 391 из «Гимнов древних и новых».

Прихожане, еще ранее заметившие номер старого полюбившегося им гимна на объявлении о службе, с превеликой охотой поднялись на ноги. Мистер Булабой, прижимая к сердцу ящичек для пожертвований, тоже поднялся. Мистеру Амбедкару гимн «Вперед, Христово воинство» никогда не нравился. Он даже раз отозвался о нем как о низкопробном. Сегодня же он, судя по всему, разделял всеобщую радость. Но больше

всех радовалась Сюзи — это был ее любимый гимн, она лучше всего играла его как на органе, так и на фортепьяно.

И сейчас она уверенно взяла первые аккорды, хотя давненько (и не по своей воле) не играла этот гимн на службах. Играла она весь гимн, невзирая на партитуру, фортиссимо, что в общем-то соответствовало всеобщему настроению. Да и ящичек для пожертвований становился все тяжелее, все чаще слышалось шуршание банкнотов. Мистер Булабой едва успел обойти всю паству к предпоследнему куплету гимна.

Оба священника приехали в Панкот утром на поезде, возвращались тем же вечером в Ранпур самолетом, так что вечерни не было. Но мистер Булабой нисколько не сожалел о ней — настолько удачно прошел весь день, что вторая служба могла бы развеять праздничное настроение.

После службы отец Себастьян распрощался со Стефеном Амбедкаром и провел весь день в обществе мистера Булабоя. Пообедали они с мистером Томасом, к вечеру на чай их пригласила Сюзи. В шесть они вернулись в гостиницу, где отец Себастьян позволил себе пропустить стаканчик-другой (именно два: пил он виски с содовой, мистер Булабой — джин с тоником).

Расположились они на веранде домика, некогда приютившего контору авиакомпании. Мистер Булабой был рад, что гость не просит показать всю гостиницу. Наверное, Лайла все еще занята счетами, а у отца Себастьяна очень звучный голос. Должно быть, его предупредил мистер Амбедкар, что знакомство с миссис Булабой большой радости не принесет.

В семь часов они были уже у «Шираза». Там к ним присоединился мистер Амбедкар. Ждать автобуса авиакомпании не пришлось — он сам поджидал их.

— Фрэнсис, не забудьте про фотографии, — крикнул с подножки отец Себастьян. Мистер Булабой успел заверить его, что первым же делом с утра займется этим и уже к концу недели вышлет готовые фотоснимки. Автобус уехал, а мистер Булабой прошел немного вниз по дороге, оттуда был виден шпиль церкви на фоне уже темнеющего неба. Потом, довольный, медленно зашагал домой.

А дома его снова потянуло на веранду. Оттуда виднелся свет в комнате Лайлы и в гостиной, но никаких признаков жизни мистер Булабой не уловил. Пройдет год, может и того меньше, вернутся золотые денечки, и, глядишь, снова будет

процветать старая гостиница. Придется, конечно, приукрасить ее снаружи, обставить новой мебелью номера, возродить былой покой и домашний уют — все, что ее выгодно отличало. Не всякому по душе вызывающе-броский «Шираз».

В семь тридцать он вошел в гостиницу, зажег на веранде свет, взбил подушки на диванах в холле. Заглянул к себе в «кабинет», открыл книгу, куда записывали новых постояльцев. Лайла, очевидно, уже сверила все по счетам, так как книга лежала на месте. Сегодня никто не приехал. Никто не заказал столик в ресторане. Посетители, конечно, будут. Мистер Булабой заглянул и туда. Как обычно, накрыты не все столы. Он взял со стойки недостающие приборы и собрался было разложить их, как дверь спальни его законной супруги отворилась и оттуда вышел мужчина. Мистер Булабой так растерялся, что не сразу признал в нем мистера Панди, служащего юридической конторы. Вид у мистера Панди был измученный. Пробормотав что-то в ответ на приветствие изумленного мистера Булабоя, он проследовал к себе в номер. Странно, в книге приезжих он не значился. Впрочем, мистер Панди часто приезжал и не отмечался, но тем не менее он всегда за несколько дней извещал мистера

Булабоя о своем визите.

Итак, у несчастного мужа появились туманные подозрения о том, какие отношения связывают мистера Панди и его Лайлу. Но тут дверь спальни открылась снова, и появилась сама миссис Булабой: волосы распущены по богатырским плечам, прикрытым полупрозрачным ядовито-розовым ночным халатиком из нейлона, сквозь который проглядывала ночная рубашка того же цвета и материала, разве что менее прозрачная. На ногах красовались розовые шлепанцы, отороченные искусственным мехом.

— Ах, это ты! — воскликнула она. — Очень кстати. Бедный мистер Панди совсем выдохся. Чем это ты занимаешься? Бросай все и иди ко мне в спальню. Я сейчас вернусь.

Розовой волной прокатила она мимо него, на ходу вопя что-то повару. Иначе она не разговаривала. Мистер Булабой частенько задумывался: а не от этого ли у нее мучительные головные боли? Из ресторанчика коридор, повернув под прямым углом, выводил прямо к кухне. Даже оттуда доносились до мистера Булабоя громогласные распоряжения жены. На обратном пути, прямо из коридора, она так же громогласно обратилась вдруг к мистеру Булабою.

Похоже, настроение у нее хорошее, что ж, приятная неожиданность: как-никак целый день она просидела за бумагами.

— Приготовь-ка, Фрэнки, что-нибудь выпить, — донесся до него голос из коридора. — Умираю, пить хочу. Сидишь, сидишь над этими счетами, письмами всяких крючкотворов: «ввиду того, что», да «принимая во внимание», да «из вышесказанного явствует»— голову сломаешь. Безумно проголодалась. Я заказала тандури и цыпленка под острым соусом. Скоро будет готов. У меня в комнате и поужинаем. Пошли, пошли.

Он последовал за ней и закрыл дверь. Постель измята, но на ней разбросаны бумаги, вроде тех, что привозит из конторы мистер Панди. Плавают облака сизого сигаретного дыма, а Лайла курила лишь тогда, когда занималась важными делами. Обычно все решения она принимала, развалясь на диване (где частенько и дремала днем). Сейчас же она плюхнулась на диван, словно и не покидала его с утра. Но ведь по воскресеньям она непременно мыла голову и, будь хоть полночь, все равно делала замысловатую прическу. А то, что она в таком виде, объяснимо: по воскресеньям Лайла иначе и не одевалась. Поэтому прочь, прочь все сомнения и подозрения. И, словно в

подтверждение полной невиновности мистера Панди, на глаза ему попался портфель стряпчего, рядом со стулом, на котором тот, очевидно, сидел, а на столе — полупустой стакан апельсинового сока. На столике перед диваном — поднос с крепкими напитками, деловая, судя по всему, бумага и увеличительное стекло. К напиткам Лайла так и не притронулась. Занимаясь делами, она могла курить, но пить — ни за что.

Мистер Булабой налил ей изрядную порцию джина с тоником. Взяв у него стакан, она из-под черных своих усов одарила его ласковой улыбкой.

— И себе налей, Фрэнки.

Раз называет его «Фрэнки», значит, настроена сегодня благосклонно.

— Будем здоровы! — сказала она и одним глотком ополовинила стакан. Откинула голову на спинку дивана, по-прежнему улыбаясь.

— Хорошо ли провел день? — спросила она.

— Очень. Очень хорошо. А ты, Лайла?

— И я хорошо. Только устала очень. Да и бедного мистера Панди загоняла совсем. Пришлось ему из-за меня сегодня впервые в жизни в самолет садиться.

— В самолет? Мистеру Панди?

— Ну да. Когда дела подгоняют, хочешь не хочешь самолетом полетишь. — Она допила джин и протянула стакан мужу, тот снова наполнил его. — А отсюда он сможет дневным поездом завтра уехать, так быстрее получится, самолет только вечером. Да и все уж договорено, подписано, засвидетельствовано.

— О чем ты, любовь моя, толкуешь? Что договорено, подписано, засвидетельствовано?

— О том, Фрэнки, толкую, что наконец-то у нас будут приличные деньги, Садись-ка рядышком. Скажи, ведь правда, ты меня еще любишь? К чему деньги, если нет любви? — Ей на глаза навернулись слезы и побежали по щекам. — К чему женщине деньги, если она нелюбима? — повторила она.

Мистер Булабой не выносил женских слез. Он припал к супруге и принялся целовать, надеясь унять ее слезы.

— Ах, Фрэнки! Малыш, ты мой малыш! — воскликнула она и притиснула его к себе.

Мистер Булабой почувствовал, что в нем просыпается страсть, и обреченно подумал: у меня какая-то повышенная возбудимость. Стоит Лайле обнять меня или мне ее — и готово! Надо, пожалуй, с отцом Себастьяном посоветоваться.

— О, Фрэнки, мой Фрэнки! — мурлыкала тем временем миссис Булабой.

— А что, любовь моя, по-твоему, «приличные деньги»?

— Приличные — значит приличные, но разве деньги главное?! Нет, нет, ни слова о деньгах. — И она, уже смеясь, оттолкнула его. Слез как не бывало. — О делах потом, а сейчас подай-ка мне вон тот бокал. Что значит «приличные деньги»? Это значит — вести счет не на тысячи рупий, а на миллионы, а то и крупнее.

— И как же ты их заработаешь, любовь моя? — Он протянул ей бокал и наполнил заново свой.

— Пока тайна. Никто ничего не должен знать. Но тебе я, так и быть, расскажу. Неужто сам не догадываешься? Ведь ты же ездил в Ранпур ради моих дел и постарался составить о нас благоприятное впечатление. — И она чмокнула его в лоб.

Единственное, что вспомнилось ему из ранпурской поездки (не считая его основного времяпрепровождения), так это то, что он отвез в юридическую контору запертый на ключ портфель и потом каждый день наведывался туда: вдруг он им понадобится, хотя для чего именно, понятия не имел. Его вообще крайне редко беспокоили тамошние чиновники, разве что

спрашивали иногда, в порядке ли финансовые дела гостиницы. И вернулся он из Ранпура все с тем же запертым, правда несколько потяжелевшим, портфелем. Ни прозорливости, ни опыта у него в ту поездку не прибавилось, не считая опыта в делах любовных (ему вспомнился «двойной лотос»).

— Что-то не догадываюсь, — промямлил он.

— Честное слово? Не обманываешь? — Лайла даже всплеснула руками. — Ну, так и быть, скажу, только смотри, никому не полслова. Правда, ждать еще не меньше месяца.

— Чего ждать?

— Когда подпишем контракт. — Она примолкла, но губы заметно дрожали. — Я вступаю в консорциум. Понимаешь, что это значит? Это значит — я буду получать прибыль с каждой гостиницы, с каждого ресторана, которым владеет консорциум. Это гостиницы «Шираз» в Панкоте, Ранпуре и в Майапуре, гостиница «Дворец на озере Мират», все малые ресторанчики. Конечно, часть своих доходов мне придется вкладывать в фонд консорциума для его расширения, особенно важно нам пустить корни в Нансере, этот район вот-вот начнет быстро развиваться. Смотри, Фрэнки, я делюсь только с тобой.

— Но, Лайла, ведь за вступление в консорциум с тебя сдерут бешеные деньги.

— И не говори. — Она вскинула руки в притворном ужасе. — Господи, даже страшно подумать, во что мне это обойдется.

Мистер Булабой отпил джина. Прямо голова кругом идет, до чего ж богатая у него жена — хватает денег на вступительный пай в консорциум. Ему также подумалось: а не обойден ли он в своих правах как муж и совладелец? Ведь сколько раз Лайла просила его подписывать какие-то бумаги, и он, не читая, подписывал, так как дороже всего ему был покой. Может, и он, сам того не подозревая, член консорциума или уже несколько лет является «кандидатом в члены»: слова эти он порой слышал в беседах Лайлы с мистером Панди. Случись Лайле умереть в одночасье, думал он, не сводя глаз с полупустой коробочки глазированных каштанов, кто знает, какие его ждут беды. Именно беды, богатства ему не видать как своих ушей. Вспомнились слова Слоника: «Ты, Билли-бой, из неудачников. А Лайла из тех, кто всегда в выигрыше». Мистер Булабой надеялся, что, умри Лайла раньше его, он (если повезет) окажется владельцем гостиницы. «У Смита» Лайла приобрела еще до их женитьбы и клялась, что

вложила все свои деньги до гроша да еще и ссуду в банке взяла под чудовищные проценты.

— Лайла, любовь моя, — вновь заговорил он, присаживаясь подле нее, — а откуда ты взяла деньги?

— Какие деньги, Фрэнки?

— Чтобы заплатить вступительный взнос.

Она лишь улыбнулась. Мистеру Булабою вдруг почудилось, что в диване, на котором они сидят, сокрыто немало денег, добытых нечестным путем. Все «деловые» знакомцы жены на вид люди жуликоватые, у каждого дома, поди, такой же диван. И как он раньше об этом не задумывался! Да нет, конечно же, задумывался, но сама мысль о тайных доходах супруги настолько испугала его, что он давным-давно прогнал все страшные мысли. Власти не церемонились со взяточниками и мошенниками. Сама премьер-министр Ганди лично взялась за наведение порядка. Слоник без устали повторял, что единственный человек, кто сможет покончить в стране с подкупом и взятками, — премьер-министр Ганди. Мистер Булабой, хотя и исповедовал христианство, был в душе патриотом. Ему предстало кошмарное видение: вот миссис Ганди, как всегда величественная, входит к ним в комнату, приказывает им с Лай-

лой встать, подходит к дивану и лично проверяет его содержимое.

— Фрэнки, дорогой, что-нибудь неладно?

А неладно, как понял мистер Булабой, вот что: во-первых, Лайла пробралась в консорциум путем далеко не праведным (чему, возможно не подозревая, потворствовал и он сам, особенно в Ранпуре, когда подписывал бумагу за бумагой, думая лишь об Изюминке), и, во-вторых, если деньги Лайла добыла честным путем, то, значит, продала единственное, чем владела, свое недвижимое имущество — гостиницу! А все, что есть в жизни у него, — это гостиница, где он директором, да церковь, где он старостой. Впрочем, у него есть еще и Лайла. Но что она несет ему в жизни: добро или зло?

— Нет-нет, дорогая, все в порядке.

— Ты что-то загрустил. Давай-ка еще выпьем. Потом поужинаем как следует: тандури, цыпленок под соусом, может еще плов с бараниной — пальчики оближешь. Ну, а потом ты меня приласкаешь.

Даже от одних только слов сердце у мистера Булабоя забилось чаще, но он притворился, что глух к зову плоти, и вновь наполнил бокалы. На самом деле ему сейчас не до ласки, но никуда,

видно, не денешься. Мистер Булабой подливал себе побольше джину и поменьше тоника. Глотнув крепкого зелья, он осмелел и спросил:

— Лайла, ты что — продала гостиницу?

— Продала, купила — не все ли равно? Я вступаю в консорциум, и гостиница, следовательно, становится его собственностью. Но все, принадлежащее консорциуму, принадлежит и мне, поэтому можно ли считать, что я продала гостиницу, если она осталась и моей собственностью? Я, конечно, удачно вложила деньги, купив «У Смита», хотя уж как меня пытались разорить — «Шираз» рядом построили. А теперь поняли, что и моя маленькая гостиница чего-то стоит. И без меня им не обойтись. Вот так! Так надо этим непременно воспользоваться, да только с умом! И ты, дорогой мой, в этом мне поможешь. Мы оба разбогатеем. Впрочем, какой смысл в богатстве! Какой в нем смысл, если одинок!

И она снова приготовилась зарыдать.

— В чем помочь? Привести «У Смита» в божеский вид? — спросил он, стараясь вдуматься в ее слова.

— Ну хотя бы! Я же не просто так вступаю в консорциум.

— Подновить снаружи? Обставить новой ме-

белью? Разослать рекламные объявления? А о Нансере я знаю. Нам все эти планы на руку!

— Вот и я о том же. Слушай, есть хочу — мочи нет! Вон колокольчик, позвони.

Исполнив просьбу жены, он встал и зашагал по комнате. Жизнь виделась ему в самых радужных тонах: гостиница будет процветать бок о бок с «Ширазом», церковь тоже будет процветать. А коли они с Лайлой разбогатеют, он уговорит жену нанять ему заместителя. Тогда он больше времени смог бы уделять церкви.

— Ах, Лайла! Какая ты у меня умница! Просто золото. — Налив ей еще джина, он поцеловал ее, и тут же нос его окропился слезами Лайлы.

— Потом, Фрэнки, потом, — пролепетала она.

Старый слуга принес ужин. За трапезой мистер Булабой принялся расписывать, как и что нужно сделать, чтобы привести гостиницу в надлежащий вид. Лайла, не выпуская куриную ножку (ели они оба руками), лишь кивала, кивала, подливала себе джина, снова вгрызалась в курицу, заедая ее рисом. Раз-другой она пробормотала:

— Придет время, займемся этим вплотную.

Мистеру Булабою фраза эта показалась на редкость удачной, ибо он воспринял ее совсем иначе, как прелюдию к грядущей ночи: ему пред-

стоит «вплотную» заняться необъятной плотью Лайлы.

* * *

Проснувшись, он точно не вспомнил, в котором часу начались любовные утехи; далее он покаянно опустился на колени и дополз до своей комнаты, там взобрался на кровать, свернулся калачиком и снова заснул. Не помнил он, чем и как закончился ужин, что было дальше, сколько раз за ночь он порадовал супругу.

Но поспать ему не удалось, пробудился он, вдруг вспомнив, как ночью, в самые интимные минуты, Лайла шептала: «О, Бомбей! О, Калькутта! Дели! Лондон! Рим! Париж! Каир! Нью-Йорк! Варшава! Прага! Вашингтон! И везде, любимый мой Фрэнки, ты будешь так же, как сейчас, радовать меня. Какой ты сильный! О, какое счастье ездить с тобой по всему миру. Ведь здесь, в Панкоте, мы лишь начинаем жить. Да, мы даже не знаем, что таит Панкот! Что мы еще в жизни видели? Ничего! О, Фрэнки!»

Мистер Булабой даже сел на кровати: слепец! Поздно же он прозрел! Больно жалило разбуженное сознание, вчера ночью оно лишь робко царапало его душу. Мистер Булабой зарычал,

соскочил с постели, точно гонимый бесами, рухнул на колени (единственное его подспорье), проворно поднялся и как был, голый, ворвался в спальню жены; там Мина, передвигаясь на цыпочках, неслышно уничтожала следы вчерашнего пиршества. Она изумилась, прыснула, прикрыла ладошкой рот и вмиг исчезла, по забывчивости хлопнув дверью. Лайла вскрикнула, села в постели и уставилась на мистера Булабоя. Увидев, как грозно он надвигается на нее, она отпрянула. Он схватил ее за плечи, Собирался было накричать на нее, как приличествовало случаю, но голос у него сорвался, и он просипел:

— Лайла! Какие еще Бомбей, Калькутта, Дели, Каир? Что ты затеваешь?! Почему ты все скрываешь от меня? Я же все равно узнаю. Я должен знать! Скажи мне правду! Ты продала гостиницу! Со мной и не посоветовалась! А ведь я твой муж! Но ты с моим мнением не считаешься! На мои желания тебе наплевать! Ты, конечно, разбогатеешь. Объедешь весь мир! Только, пожалуйста, без меня! Я хочу остаться здесь, в Панкоте. Приведу в порядок гостиницу, кое-что подновлю, кое-что заменю, приглашу художников, дизайнеров, куплю новую мебель, новые скатерти, столовые приборы; переоборудую ванные и туалеты, в номерах

поставлю телефоны. Куплю новую пишущую машинку. Сменю вывеску над входом. Видишь, Лайла, желания-то у меня самые скромные.

— Скромные?! — возопила она. — Да кому нужна твоя скромность?! Взгляни на себя! Ходишь в чем мать родила! Чуть до смерти меня не напугал.

Она освободилась от его рук, схватила подушку и крепко шлепнула мужа пониже живота.

Мистер Булабой даже вскрикнул, но лишь посильнее прижал подушку к животу, обратив таким образом орудие наказания в орудие защиты.

— Лайла, — умоляюще простонал он, закрыв глаза, — Лайла, любовь моя! Я хочу немногого: лишь бы остаться здесь и управлять твоей гостиницей, твоей, Лайла!

— Лжешь! — заорала она. — Ты меня не любишь! Тебе только от меня одно нужно!

А в коридоре меж рестораном и кухней подслушивали Мина и еще один слуга. Мина снова прыснула в ладошку и подвела итог услышанному:

— Дирекция хочет, хозяйка не дает! — И оба поспешили передать гостиничной прислуге, что в номере первом, очевидно, свершается насилие.

— Да, хочешь ты совсем немного, — почуяв неладное, понизила голос до шепота миссис Булабой, — церковь да гостиница, гостиница да церковь — больше тебе и не нужно ничего. А проку от них никакого. Гостиница гроша ломаного не стоит. За землю еще кое-что можно выручить. Оставайся бога ради, кто тебе мешает! Вот начнем новое здание строить, тебя, как в старину, на удачу живым замуруем в фундамент. Только какая от тебя удача! В древности замуровывали только крепких да красивых парней-пенджабцев. А тебя замуруешь — здание тотчас же завалится, даже если нам подрядчики хороший бетон поставят. А сейчас — марш в свою комнату! И пока в себя не придешь, на глаза мне не показывайся. Какого ж дурака я в мужья взяла! И сама тоже хороша, дура, нашла наказание на свою голову! Ничего не скажешь, славно денек сегодня начинается!

Она застонала, легла, отвернулась к стене, но стонать не перестала.

— Какое новое здание, любовь моя? — В голосе мистера Булабоя послышался долгожданный металл. Правда, хватит его, наверное, на минуту, но и то хорошо. Подольше бы, почаще бы звучали решительные нотки у него в голосе.

Я к тебе обращаюсь, Лайла, ответь же, любовь

моя, о каком новом здании речь!

Лайла притихла, даже затаила дыхание, значит, прислушивается к его словам. Прислушивался и мистер Булабой: к спокойному, ровному голосу в душе — то заговорила в нем не совесть, а обычный здравый смысл, в былые дни (со времен женитьбы) заглушаемый чувствами да тягой к беззаботной легкой жизни.

— Ну что ж, если ты, Лайла, не скажешь мне, что это за новое здание, скажу тебе я. Как только ты купила у душеприказчиков мистера Пилаи эту гостиницу, ты сразу вознамерилась построить новое здание, да не тут-то было: заупрямились чиновники из управления планирования и развития, от которых зависело разрешение на постройку нового и снос старого здания, а также и банковские чиновники, от которых зависело, дадут ли тебе ссуду на строительство — всех их давнехонько подкупил консорциум. Верно? А директорат консорциума крепко невзлюбил тебя, Лайла, ведь ты их обскакала, завладев земельным участком, на котором стояла гостиница «У Смита», не дала им поживиться. Ты отлично знала их планы и сама была не прочь урвать что-то и для себя, однако они с тобой и разговаривать не стали, а взяли и построили «Шираз» рядом с нами. А

теперь, раз Нансера будет бурно развиваться или еще бог знает почему, им, видите ли, вздумалось расширить сеть своих гостиниц. Ты все-таки выгадала, любовь моя, потому что они заинтересованы в нашей земле и выполнят твои условия, только бы эту землю заполучить. Она теперь стоит в несколько раз дороже, чем ты заплатила, а потом, ты в нее и гроша не вложила. Для тебя, любовь моя, в первую очередь важна земля, а не гостиница. Ты заботилась больше всего о своей наживе, а не о постояльцах. Их ты перепоручила мне, а кто я? Сейчас скажу. Ты всегда говорила, что я лицо нашей фирмы, точнее все, что от этого лица осталось. Что я мог сделать, ведь ты мне совсем не помогала, наоборот, только мешала. В Ранпуре и по сей день говорят: «В Панкоте можно остановиться в новомодном „Ширазе“, а если не удастся, позвоните старому Булабою, „У Смита“ вас всегда приютят, еще спасибо скажете». Согласен, Лайла, это не ахти какая похвала, но моя ли в этом вина? Я-то, дурак, думал все это время, что я и впрямь «лицо фирмы», старался, из кожи вон лез, чтобы побыстрее тяжкие времена миновать, а оказывается, я всего лишь за сторожа при земельном участке. Что ж, снесут бульдозеры нашу гостиницу, встанет здесь новое бетонное чудище.

Но доброе имя Фрэнка Булабоя, бывшего директора гостиницы «У Смита», в Панкоте уничтожить труднее. Возможно, тебе сто раз наплевать на «лицо фирмы», и в твоих расчетах и махинациях ему места не нашлось, не знаю, не вникал, ума не хватает. Я же глупый человек, верно, ведь меня не тянет ни в Бомбей, ни в Калькутту, ни в Дели, ни в Лондон, ни в Париж, ни в Каир, ни в Нью-Йорк, ни в Варшаву, ни в Прагу, ни в Москву. Что мне там делать?

Он замолчал.

— И впрямь нечего, — прошептала жена, — потому что ты дурак.

— Знаю, Лайла, знаю, любовь моя.

Она поднялась, повернулась к нему лицом, взглянула в упор.

— А знаешь, дураки иной раз, сами того не замечая, подают мудрые советы. Да, пожалуй, с меня запрашивают слишком много! Жулье! Скажи мистеру Панди, пусть придет минут через десять. А Мине прикажи явиться тотчас же. А сам пойди оденься. Ты мне тоже вскоре понадобишься.

— Я не приду, Лайла. Я буду принимать ванну. Потом оденусь. Потом позавтракаю чем бог послал. Потом займусь делами. Утром мне некогда.

— Но сегодня понедельник! — возопила она, —

Ты должен прийти с отчетом.

— Воскресенье, понедельник — не все ли равно? Какой отчет может дать сторож земельного участка? Я пойду, хватит здесь стоять, прикрывая свой срам подушкой.

Он осторожно положил подушку на кровать и пошел к двери. Обернувшись, он встретил изумленный взгляд жены.

— Кстати, а как быть со «Сторожкой»?

— Не понимаю.

— Там ведь живут люди.

— Здесь, между прочим, тоже человек живет, — отпарировала она, — живет и думает: за что ей такая участь? Долго ли такая жизнь будет продолжаться? И стоит ли вообще жить, если вокруг все либо дураки, либо жулики! Позови-ка Мину.

— Сама позовешь, любовь моя. У тебя голос звучнее.

Ты дорого заплатишь за это, Фрэнк Булабой! — крикнула она удаляющейся голой заднице.

— Знаю, — спокойно отозвался тот, — знаю, как не знать.

Закрыв за собой дверь, он почувствовал: твердая как сталь решимость тает, тает на глазах. Даже страшно подумать, что теперь его ожидает!

Глава девятая

Через полчаса мистер Булабой мышкой выскользнул из гостиницы; настроение у него было уже далеко не воинственное, а скорее крайне подавленное. К скандалам по понедельникам он привык, но раньше понедельник сулил и маленькие радости: в полдень Лайла уезжала в клуб играть в бридж, впереди приятный вечер в обществе Слоника. Но сегодня, даже если Лайла управится с делами быстро и мистер Панди успеет к дневному поезду, даже если она, отдохнув, решит, что отвести душу лучше всего за картами, все равно не сможет он провести вечер за приятной беседой со стариком полковником, чьи дни и без того сочтены, а дни, которые осталось прожить в «Сторожке», — и подавно. Да у него язык не повернется сказать Слонику об этом. Правда, кто знает, может, сегодняшние резкие его слова образумят Лайлу, неспроста же она обозвала своих будущих компаньонов жульем. Может, теперь она поведет себя по-иному и сделка отложится либо вовсе не состоится.

Если бы да кабы… Впрочем, даже слабенький лучик надежды и то в радость. Мистер Булабой

сел на велосипед и съездил на базар. Там он договорился со своим старым знакомцем, фотографом мистером Мохан Лалом («Свадебные фото, портреты в домашней обстановке, фотографии на паспорт»), что тот сделает несколько снимков церкви снаружи и внутри. Мистер Мохан Лал был готов даже уступить в цене, если отец Себастьян укажет в журнальной статье его имя и если снимки делать сегодня же, пока не завяли цветы после воскресной службы.

— Сейчас же пришлю к вам своего паренька, Ашока, — пообещал мистер Лал.

«Сейчас» — значит через час, подумал мистер Булабой. Да и «пареньком» Ашока можно было назвать с некоторой поправкой, ему шел уже четвертый десяток. Он принадлежал к касте «неприкасаемых»; правда, теперь их рекомендуется называть по-другому: «члены реформируемой касты». Ашок вырос без родителей и без дома, с детства скитался по Панкоту, не чурался любой работы, случалось ему быть мальчиком на побегушках и при мистере Алла-дине, прежнем владельце фотостудии высшего разряда (его девизом было — «Время проходит, фотография остается»). В 1947 году он сложил вещички и отбыл в Пакистан. Мистер Лал, наоборот, приехал в

Панкот, бросив свою старую студию в Пакистане, и в первый же день к нему пришел Ашок, предложил свои услуги. Мистер Лал нанял парнишку, мало-помалу обучил его своему искусству, и теперь Ашок работал выездным фотографом, и его частенько видели на свадьбах, крестинах, днях рождения, запечатлевал он и события поважнее: ездил с мистером Лалом на гарнизонные спортивные праздники, банкеты в «Ширазе», на торжества в колледж Чакраварти. Поскольку Ашок принадлежал к самой бесправной касте, его, очевидно, было нетрудно обратить в христианство, и мистер Булабой подумывал, а не взяться ли ему за парня всерьез и не приобщить ли к церковной пастве. И вот сегодня в его душу можно заронить семя веры: Ашок впервые в жизни попадет в церковь.

Дорога пошла на подъем, мистер Булабой соскочил с велосипеда и покатил его по дороге. В церкви он проверил вазы с цветами: все в наилучшем виде. И утро выдалось ясное, солнечное. Церковь вся пронизана светом. До чего ж красиво! Конечно, в его усердии немало от гордыни, но Господь, несомненно, простит ему этот грех. Он сел в первом ряду и с любовью воззрился на алтарь. В юности мистер Булабой хотел принять

духовный сан, но отец, сам истый христианин, настоял на том, чтобы сын пошел по его стопам и научился вести гостиничное хозяйство.

Мистер Булабой-старший говорил, что поскольку вечную жизнь Иисус дарует лишь избранным, то он, мистер Булабой, удовлетворится, если сыну выпадет управлять, а может, и владеть небольшой гостиницей, вроде той, где он сейчас служит помощником директора — в старой гостинице «Швейцария». Мистеру Булабою-старшему карьера не удалась: не хватило здоровья и честолюбия. Первым он вроде бы не обделил сына, а вот последнего недодал. К своей цели — управлять гостиницей — мистер Булабой-младший шел так долго, что, когда мистер Пилаи назначил его директором «У Смита», сын едва успел известить отца и получить поздравительное письмо — старик был уже на смертном одре.

Мистер Булабой преклонил колена, помолился за упокой души усопших родителей и попросил Господа умирить его взбаламученную душу.

Но чем дольше он молился, тем неспокойнее становилось на душе. Как же закоснел он во грехе! Развратничал в Ранпуре, но это еще не все! И до женитьбы были у него женщины. И еще один смертный грех на нем — похотливые

и непристойные помыслы; раз они овладели им даже в церкви: Сюзи Уильямс поправляла цветы в вазах, встала на цыпочки, подняла руки, и мистер Булабой вперил взгляд в ее круглую, ладную попку. Он также уличил себя и в других грехах: в подозрительности, ревности, жадности, зависти и трусости — хуже и придумать нельзя. «Господи, — прошептал он, — мне знаком всякий грех, какой ни назови».

Повтори, чтоб крепче запомнить, подсказал ему внутренний голос.

Мистер Булабой в неописуемом страхе оглядел церковь. Но едва ли не впервые не ощутил божественного присутствия. Он почувствовал себя совершенно оставленным, и в душе шевельнулось еще одно греховное желание. Ему вдруг захотелось вслух исповедаться, сбросить с плеч бремя грехов. Но исповедь свою он желал обратить не к самому Господу, а к утешителю-посреднику в человечьем обличье. Мистер Булабой уже виделся самому себе коленопреклоненным перед отцом Себастьяном или другим святым отцом, только тот походил на Себастьяна.

Мысленно он уже приготовил исповедь: «Святой отец, много грешен я. Ночь провел в непотребстве и блуде. Совокуплялся с женой я ради

лишь похоти, а не для продолжения рода. Об этом даже и речи быть не может, Лайла вставила какую-то спираль, хотя надобности в этом нет; если уж трое предыдущих мужей не сумели ее оплодотворить, то, скорее всего, она бесплодна. По-моему, ей уже и по возрасту поздно родить, а то, что она говорит о своих месячных да о противозачаточных средствах, так это все болтовня, чтоб я, дурак, верил, что она еще молода и не слукавила мне о своем возрасте. А после ночного распутства я еще гневался, едва до драки дело не дошло. А еще я появился нагишом перед служанкой. А вместо того чтобы дать жене мудрый совет, ввел ее в искушение, оставив в озлоблении. Теперь мне даже показаться ей на глаза стыдно. А еще на мне грех прелюбодеяния с одной особой из Ранпура и сладострастного ожидания встречи с ней. В безумии своем я даже приобрел непотребное одеяние для „казачка“, ибо не удовольствовался „двойным лотосом“ — но трусливо сбежал, тем самым согрешив еще, ибо обманул надежды ближней своей, наполнив сердце ее злобой или презрением, а может, и тем и другим. Тем самым из-за меня она пополнила свой и без того длинный список грехов. Мне бы отговорить ее от греховных помыслов, а я, наоборот, даже

поддался им. Но страшнее всего, святой отец…

Чик-чик (едва слышно).

…то, что я грешил невниманием, душевной слепотой и глухотой, вел себя не по-христиански и не по-мужски. Ведь хозяйка гостиницы платит мне жалованье (хотя его хватает лишь на карманные расходы). Мне бы давным-давно по-христиански, спокойно поговорить с Лайлой: „Так, мол, и так, Лайла, жена моя, что же ты делаешь? Что замышляешь? Что нас ждет в будущем? Ведь и я несу ответственность как твой муж, директор гостиницы, да просто как христианин, и мне необходимо убедиться, что мы творим добро, а не зло“. Но, увы, мне дороже покойная жизнь, и я цепляюсь за нее до последнего…

Чик-чик (едва слышно).

…а она вот-вот закончится не только для меня, но и для тех, кто мне доверяет как директору: ведь я обязан следить, чтобы в довольствии и благополучии жили не только слуги, но и полковник с супругой, они уже старики, мистер Смолли к тому же болен; что станется с ними, если гостиницу снесут?»

Чик-чик (чуть слышнее).

Звук этот доносился едва различимо; в церковной тишине в то утро любой шум отдавался эхом

мирской суеты за стеной. И звук этот вдруг насторожил мистера Булабоя. Даже волосы на голове стали дыбиться — словно поднялось множество маленьких антенн, настроенных на близящуюся беду.

Чик-чик (громче).

Мистер Булабой, пошатываясь, встал на ноги. А что, если какие-нибудь подонки крушат и ломают все на церковном дворе. Нетвердо шагая, он пошел по проходу меж скамьями к южному выходу, распахнул дверь и едва не упал в простертые в страхе руки миссис Смолли. Она взвыла — так, наверное, воют привидения, появляясь перед своей жертвой.

* * *

— Ну и напугали же вы меня, мистер Булабой.

Признаться, он и сам испугался: стоял разинув рот, выпучив глаза. Перевел взгляд с миссис Смолли на двор, потом оглянулся на дверь, захлопнул ее так, что лязгнула щеколда. Будто он делал в церкви что-то предосудительное и сейчас не хотел пускать туда миссис Смолли.

До женитьбы мистер Булабой слыл человеком тихим и скромным, хотя и охочим до женщин. Люси полагала, что это преувеличение, ведь ей

приходилось довольствоваться лишь рассказами Слоника. И совсем уж невероятно, чтобы мистер Булабой предавался блуду под сенью алтаря — так низко он не мог пасть. Правда, помнится, эта пигалица Сюзи Уильямс частенько уединялась в храме с мистером Булабоем якобы по делам церковным, и кумушки (а вместе с ними и Люси — из самых добрых чувств к бедняжке Сюзи) решили, что рано или поздно дело у них сладится.

— Признаться, я и сам испугался, — пробормотал он, нервно ломая чуть не до хруста пальцы, отчего миссис Смолли хоть и немного, но укрепилась в своих подозрениях. — Я только что вспоминал вас.

— Неужели, мистер Булабой?

Очень занятно всегда видеть, как краснеет индиец. Будь он даже темнее, чем мистер Булабой (у того кожа цвета кофе с молоком), она угадывала безошибочно, когда он краснеет. Мистер Булабой стоял потупившись, смотрел себе под ноги, ей под ноги — куда угодно, только бы не глядеть ей в глаза. Неужто ее предчувствия оправданны — с трепетом (отнюдь не бесприятным) подумала она. Обычно мистер Булабой одевался аккуратно, всегда при пиджаке и галстуке, сегодня же он либо торопился утром и не успел привести свой

туалет в порядок, либо позже, с чьей-то помощью, этот порядок нарушился. Он предстал перед Люси без пиджака (может, оставил в церкви), ворот рубашки открыт, но рукава застегнуты. Должно быть, Люси и раньше доводилось видеть его голую шею, но лишь сейчас она обратила внимание: хоть сам он тщедушен, шея у него красивая, отнюдь не цыплячья.

— Очень лестно, когда тебя вспоминают, если, конечно, добром. Я, знаете ли, тоже о вас думала: как вам удается содержать двор в такой чистоте.

Чик-чик-чик-чик.

Уже совсем-совсем рядом. Оба стали прислушиваться, пока не поняли, в чем дело. Из-за поворота дорожки показался Джозеф, он медленно, переваливаясь из стороны в сторону, передвигался на корточках (как танцор вприсядку, чей танец прокручивается в замедленном темпе), выставив вперед, словно краб клешню, большие садовые ножницы.

Он стриг траву.

— А, так это ты, мали! — воскликнула Люси.

Парнишка взглянул на нее, разогнулся и поднялся на ноги. Держа ножницы в левой руке, правой он отдал честь, вид при этом у него был самый серьезный. Мистер Булабой направился к

нему, скорее даже на него, что-то крича на хинди. Мали не двинулся с места, но взгляд потупил.

— Что вы ему, мистер Булабой, сказали? Надеюсь, вы не ругали его?

— Я спросил, почему он не работает у вас в саду. Сюда ему разрешается приходить только в свободное время.

— То есть он и здесь работает?

— Только в свободное время и совершенно бескорыстно. А вы разве не знали?

— Не помню. Может, вы и говорили. — Мали виделся ей теперь не просто садовником. — Право же, не нужно его ругать. Он же ничего дурного не делает. Сегодня утром я попросила его прекратить работу. Голова разболелась, да и полковнику нездоровилось, А что, Джозеф — христианин?

— А вы не знали?

— Не помню, может, вы и говорили, — снова повторила она, — да я забыла. Мали, ты умеешь говорить по-английски? Ты же христианин, значит, хоть немного, но знаешь английский. Ну, хотя бы молитвы.

Джозеф лишь покачал головой.

— Немного говорю, мем-сахиб. Читать не умею, разве что чуть-чуть.

— Но говоришь ты очень хорошо! А что ты

читаешь?

Чуть смешавшись, он указал на ближайшее надгробие.

— Так ты читаешь надписи на могильных плитах? Как мило! Но зачем?

Джозеф взглянул на мистера Булабоя. Тот снова залопотал на хинди, очевидно переводя вопрос. Вот он замолчал, Джозеф снова потупился, взгляд его забегал по сторонам, но ни на мистера Булабоя, ни на Люси он так и не посмотрел. Потом вдруг быстро-быстро заговорил, замахал руками, что-то показывая. Так же неожиданно умолк и снова опустил глаза.

— Он, миссис Смолли, парень простодушный. Старается разобрать каждое имя на могильной плите. Пока могилку в порядок приводит, он молится за упокой души усопшего. И очень огорчается, когда не понимает написанного. Он думает, если Господь не услышит точного имени в молитве, то может по ошибке отнести эту молитву к другой душе.

— Ах, вот оно что. — Люси растрогалась. Мали ей нравился: крепкий, мужественный паренек. Она умилялась, когда в таких людях открывалась чуткая душа — значит, одарены они не только физически, но и духовно. — Так вот, мали, — го-

ворить она старалась медленно и отчетливо, а подойдя ближе, протянула руку вперед, будто хотела ободряюще положить ему на плечо, однако не положила, — покажи-ка мне неразборчивую надпись, понимаешь меня, малум?

Как прямодушен его взор! Сколько преданности и благодарности в глазах! До чего ж он предусмотрителен: спрятал ножницы за спину, чтобы она ненароком не наткнулась. А сколь легок и мягок каждый его шаг: он не лебезит перед хозяйкой, но уважительно указывает ей путь. Вот он остановился подле одной из могил, дескать, эта, однако сам молчит, предоставляя право заговорить ей. Очень обходительный юноша!

— Так вот, мали, впрочем, я буду звать тебя по имени. Так вот, Джозеф, надпись гласит: «Здесь покоится». Это понятно?

Джозеф кивнул.

— «Здесь покоится Розмари, любимая дочь Джона и Гвендолин Ферфакс-Оуэн». Впрочем, фамилия их тебе ни к чему. Дальше: «5 декабря 1891—12 апреля 1896 года». Значит, бедняжка прожила всего пять лет. Малум? Здесь лежит маленькая мисс-сахиб. И еще написано: «Пусти-

те детей приходить ко Мне»[14]. Кто это сказал, Джозеф?

— Господь наш Иисус Христос.

— Верно. А ты можешь мне показать эту строчку?

Джозеф нагнулся, и Люси уловила терпкий запах его тела. Он указал строчку и провел пальцем по каждому слову.

— Молодец, Джозеф. Ты очень хорошо читаешь. Тебе просто трудно разбирать замысловатые имена. Но тебе нужно лишь помнить, что в этой могилке лежит Розмари, пяти лет. Малум?

— Роза-мари, пять лет.

— Правильно. Несомненно, малышка Розмари попала сразу на небеса. И все же всякая молитва о ней будет услышана. Ну, а теперь покажи то, что ты можешь читать.

Мали повел ее влево, к ограде.

— Вот эта, мем-сахиб, — сказал он и остановился подле могилы Мейбл Лейтон. Она, как и все могилы на аллее, была расчищена, трава на холмике подстрижена. В свежевыкрашенной жестянке стояли цветущие бархотцы. Джозеф присел у изголовья и указал на имя.

---

[14] Примечания: 14
Евангелие от Марка, 10, 14.

— Мей-бел, — по слогам произнес он.

— Почти правильно, Мейбл.

— Мей-блл, — повторил Джозеф и поменял местами цветы в жестянке.

Чик!

Люси обернулась. Какой-то индиец с фотоаппаратом в руках делал снимки. Чик-чик.

— А, ты уже здесь, Ашок, — обратился к нему мистер Булабой.

— Минуточку! — воскликнул тот. — Мем-сахиб, будьте любезны, Встаньте позади могилы.

Чик-чик.

Потом он сказал Джозефу что-то на хинди, тот положил руку на жестянку и не мигая уставился на цветы. Чик-чик.

— Отлично! — сказал фотограф. — Очень удачная композиция. Итак, Булабой-сахиб, что еще снимать?

— Мистер Булабой, не хотите ли вы сказать, что эти снимки опубликуют? — спросила Люси на обратном пути — мистер Булабой пошел проводить ее до ворот и убедиться, что ее тонга не уехала. А фотограф тем временем, щелкнув еще раз-другой, вошел в церковь и стал устанавливать там более сложное оборудование.

Тонга еще ждала, но возница поглядывал уже

нетерпеливо. А мистер Булабой, как нарочно, все никак не мог распроститься с Люси: кружил, едва не пританцовывая, подле нее, как вокруг праздничного костра, который нужно то разжечь, то, наоборот, унять: так и слова его были все вразнобой, точно он добивался от нее каких-то откровений. Да что же он, заигрывает с ней, что ли!

— Да, кое-что, наверное, опубликуют, — говорил он почему-то очень громко, словно старался заглушить воображаемый ветер или морской прибой. — Снимка два-три. Вы же получите все. Не позднее завтрашнего дня. Скажите мне, сколько экземпляров каждого снимка желаете. Не стесняйтесь, заказывайте сколько угодно. Ашок — великолепный фотограф, все до мелочей четко и резко.

Люси нерешительно коснулась рукой морщинистой щеки.

— Это не слишком дорого?

— Что вы! Бесплатно! Совершенно бесплатно! — прокричал он и заложил руки за спину, точь-в-точь как Ибрагим. Впрочем, нет, он спрятал их за спину, словно испугался, вдруг обнимет ее.

Ну и ну!

— Как это любезно с вашей стороны, мистер Булабой. И я, конечно, не вправе злоупотреблять вашей добротой. Достаточно будет одного-двух снимков — пожалуй, тех, где мы с мали у могилы. Я пошлю их на родину. Вы не поверите, как им обрадуются, люди так тоскуют по былому. Особенно наши старые знакомцы по Панкоту. Бас в ту пору здесь еще не было. Снимки эти очень и очень нужны. Посмотрят на церковь, на могилки, вздохнут, снова посмотрят. Уверяю вас!

Они стояли у самых ворот. Люси взглянула на часы. Половина первого. Возница сердито зыркнул на нее и сплюнул. Поеду-ка домой, решила она. Неприязнь к мужу отступила. Хотя, конечно, неплохо бы ему напомнить, что она отнюдь не бессловесная рабыня. Она женщина! Сейчас закадычный мужнин друг, можно сказать, добивается ее расположения. Будь она помоложе, ей бы это очень польстило. Да и сейчас приятно, что уж там! Нет, все-таки лучше поехать в клуб и пообедать там в гордом одиночестве — это достойно увенчает столь необычное утро.

— Простите, мне пора, — сказала она.

— Подождите! (Интересно, что он еще придумал.) Ради бога, подождите! Я пошлю с вами Джозефа. Эти возницы гонят как очумелые, а

Джозеф сядет рядом с ним и не позволит ему нестись очертя голову.

— Да с чего ему нестись очертя голову? Возница он старый, ездит медленно. Он меня уж сколько раз возил, Джозеф мне ни к чему. Да и еду я сейчас не домой, а в клуб, оттуда Джозефу далеко возвращаться.

Мистера Булабоя, казалось, очень удручил отказ Люси, Но вот он встрепенулся и воскликнул:

— Но сегодня же понедельник!

— Да, понедельник.

— Но понедельник — неподходящий день для клуба. Совсем неподходящий!

— Почему же неподходящий?

— Ужасный день! Хуже на неделе не бывает.

— Да что ж ужасного? Ведь миссис Булабой по понедельникам едва ли не весь день в клубе проводит.

— Вот именно, миссис Смолли! Потому-то вам понедельник и не подходит, что в клубе будет Лайла! Она меня не послушалась и, наверное, пойдет в клуб. Увидите ее — держитесь подальше. Близко не подходите. У нее что-то вроде горячки. Бредит, заговаривается, делает все невпопад. Ей бы в постели весь день лежать.

— Так, может, она и лежит себе дома. Конечно,

мне не стоит лезть на рожон, не дай бог заразиться, спасибо за совет, я, конечно, к ней не подойду. Но чем все понедельники плохи — вот чего я в толк не возьму. Жена ваша заболела ведь только сегодня.

— Да в бридже все дело. В бридже! Бридж — это и есть горячка! День-деньской играют: роббер за роббером, роббер за роббером. Деньги летят в трубу, игроки ссорятся, гоняют туда-сюда официантов: то за кофе, то за бутербродами, то им чай подавай, то чего покрепче. Посетители ресторана жалуются: дескать, официантов не дождаться, они знай себе меж кухней и игральным залом снуют. А те, кто в бридж не играет, часами обеда дожидаются. Так и называют понедельник «черным» и в ресторане в этот день стараются не появляться.

— Я об этом и понятия не имела. Как любопытно! Все же рискну, съезжу в клуб, может, с голода не умру, дожидаясь официанта. Да мне много и не надо — одного бутерброда хватит. Аппетит у меня невелик.

— Что ж, раз решили — поезжайте, — вздохнул (никак с отчаянием) мистер Булабой. — И передайте полковнику, что нам с ним сегодня не удастся посидеть и поболтать. Я никак тоже

заболел. — И он отступил на несколько шагов, как бы убоявшись заразить Люси. — Простите меня, пожалуйста. Я ужасно безответственный человек. И о чем я только думал. Дай бог, чтобы не оказалась холера. Ни к кому не подходите, ни с кем не заговаривайте.

И вновь он принялся с хрустом ломать пальцы.

— Мистер Булабой, доктор Митра может удостоверить, что последний случай холеры в Панкоте был давным-давно, когда в Ранпуре вспыхнула эпидемия. С ней очень быстро и без труда справились. Если у вашей жены жар или озноб, это скорее всего из-за пищи, съела что-нибудь, чего желудок не принимает.

Люси повернулась и медленно (намекая мистеру Булабою, что она благосклонно разрешает проводить себя) пошла к коляске. Уже залезая на сиденье, сказала:

— Я, возможно, позвоню полковнику Смолли из клуба. Передать ли ему, что вы из-за болезни опасаетесь встречаться сегодня? Или вы пошлете ему записку? А может, к вечеру и горячка спадет?

— Будьте любезны, все же передайте. Возможно, я и запиской его извещу.

Мистер Булабой совсем понурился. А Люси

улыбнулась ему из коляски и, придерживаясь левой рукой за откидной верх, правой помахала на прощанье.

Глава десятая

Коляска отъехала, а мистер Булабой не тронулся с места: так в грезах Люси провожал ее Тул. Сколько раз он смотрел ей вслед, бедный, молчаливый, охваченный страстью! Страсть эта и днем и ночью снедала его. Как мучительно лишь видеть свою возлюбленную! Потом он места себе не находил. Но что ему мученья! Он готов на все, лишь бы вернуться и еще хоть раз увидеть ее…

— Приеду в клуб, сразу же закажу обед, — решила Люси. — Или нет, сначала попрошу коктейль и сяду за маленький столик в дальнем углу — там никто не побеспокоит. Впрочем, если увижу миссис Менектара, спрошу, нет ли у нее снимка Розового Дома, каков он сейчас. Потом напишу письмо Саре, скажу, что мы будем рады познакомиться с мистером Тернером. Сообщу, что дня через два вышлю ей отдельно фотографии (совсем свежие), на одной из них у могилы Мейбл стою я и мали, который за ней ухаживает. Будет Ли честно умолчать, при каких обстоятельствах сделали снимок? Да. Я ведь пишу коротко. Надо бы послать письмо уже сегодня, чтобы его получили до отъезда мистера Тернера. А об оттеночном

шампуне я попрошу в постскриптуме.

Коляска медленно взбиралась на Восточный холм. Все обдумав, Люси решила поступить иначе: сперва позвонит Ибрагиму, скажет, чтобы к обеду ее не ждали и что вечером она не пойдет в кино. Потом она непременно закажет себе коктейль, а то и два. Пообедав, напишет Саре и опустит письмо в почтовый ящик возле клуба. К пяти часам — как раз к чаю — она пешком дойдет до Розового Дома, вдруг застанет миссис Менектара, если не удастся поговорить с ней в клубе.

— Розовый Дом, мистер Тернер, очень красив. Это самый старый особняк в Панкоте. Там я провела свои самые счастливые дни. Мы жили там после Лейтонов. Дело в том, что после провозглашения независимости Слоника попросили еще послужить в армии год-другой, мы согласились остаться (до пенсии далеко, да и индийцы заинтересованы в помощи старших английских офицеров — шла перестройка армии). Вы сами убедитесь, что как раз в армии и сохранилось то, что мы прививали на века. Неудивительно, в 1947 году почти весь командный состав из индийцев был английской выучки. Кое-кто из них в одночасье стал генералом. И грустно и смешно, мистер Тернер, подумайте только, бывшие однокашни-

ки в военных академиях, бывшие сослуживцы по полку вдруг оказались в разных лагерях во время войн Индии с Пакистаном, взять хотя бы последнюю. Меня убеждали, что это не так уж и плохо. Если один генерал знает другого, ему понятно и как тот будет действовать. Но мне думается, это палка о двух концах, и поэтому почти наверняка ни той ни другой стороне не победить. Хотя в декабре прошлого года Индия одержала удивительно легкую победу. Офицеры в Панкоте до сих пор ходят задрав нос, и их можно понять.

Лошадь оступилась, и коляску тряхнуло.

— Вы знаете, мистер Тернер, держаться былых привычек — очень мудро. Уже столько лет жизни здесь я следую им, сама того не замечая. Надеюсь, вы согласитесь поехать со мной в клуб на таком же драндулете. Машины, как раньше, у нас теперь нет. Правда тонга — так называется эта коляска — будет взбираться на холм целую вечность, особенно если нас будет двое, зато это самое надежное средство передвижения. Панкот стоит на холмах, улочки кривые, на машины не рассчитаны. Хотя теперь машин каких только нет — и военных и гражданских. А раньше, еще до нас со Слоником, только самым высоким чинам выделялись легковые машины, да и в нашу

бытность здесь чаще ездили в тонгах. В ту пору и возниц, и пассажиров было больше.

Во всяком случае мне тонга нравится больше, чем такси. А если ехать в клуб, так лучше и не придумать, сидишь спиной к вознице, любуешься прекрасным видом панкотской долины. Этот холм, на который мы сейчас въезжаем, называется Восточным, здесь издавна жили англичане. Слева — площадка для гольфа. Справа, вниз по дороге, — шпиль церкви святого Иоанна. Завтра я вас туда свожу. Надеюсь, Саре понравились фотографии, которые я ей выслала. Но у вас и получше снимки выйдут. Вот, взгляните вниз, мистер Тернер, — там, в долине, базар. А слева старые здания между деревьев — бывший штаб округа, где Слоник работал во время войны. Ну, а это, конечно, «Шираз». Безобразное здание, правда? Раньше с холма видно было и «У Смита», но теперь, к сожалению, его заслоняет «Шираз». Из-за него и центральной больницы почти не видно, вон там, в полумиле от «Шираза», — кучка белых домов в рощице. Справа вам прекрасно виден Западный холм, там строили, да и по сей день строят виллы богатые индийцы. А отсюда как на ладони виден базар. Чем-то он мне напоминает базар в Гулмарге. Когда по утрам на улице туман,

верхние этажи этих старых деревянных строений словно парят в облаках. Кое-кто полагает, что они построены в швейцарском или тирольском стиле. Мне они порой напоминают об Англии, холмы на горизонте так милы. А этот холм называется Южным. Точнее, холмов несколько. Один за базаром, там стоит Панкотский стрелковый полк. Юноши из горных деревень и по сей день приходят к вербовщикам. Так в Панкоте издавна повелось. Серый особняк — резиденция коменданта, ни в одном доме нет таких сквозняков. Полковник Менектара с семьей просто отказались там жить. А чуть-чуть левее — полковая столовая-клуб. Я попрошу полковника Менектару показать ее вам. Там ничего не изменилось, все как раньше, что, по-моему, весьма приятно. К сожалению, Розовый Дом отсюда не увидеть. Он позади и выше, да и далеко отсюда, последний дом на Клубной улице, мы еще не доехали до нее. На север от клуба идет Верхняя Клубная улица, поднимемся на нее, и вам откроется самый красивый вид Панкота. На задах сада Розового Дома есть крутой обрыв, а внизу — живописная долина, за ней еще холм, дальше еще и еще, все выше и выше, они переходят в далекие горы с шапками вечных снегов, и в самый жаркий день ветерок приносит оттуда

прохладу и запах смолы.

Горы вы, конечно, повидали, когда ехали со станции. Дорога переваливает через Южный холм — другой нет. Я так ясно помню утро, когда мы со Слоником приехали сюда. Больше тридцати лет минуло с той поры. А день тогда, мистер Тернер, выдался такой же погожий, как и сегодня. За нами из штаба округа прислали машину. И на перевале, когда я увидела внизу долину, а кругом горы, я подумала: «А может, здесь не так уж и плохо». Так надоели бесконечные скитания, ни кола ни двора, что ни год — то переезд. И в Панкот поначалу мне ужасно не хотелось. Разве о такой жизни я мечтала, приехав в Индию.

Однако в Панкоте я знавала счастливые дни. Пожалуй, только еще в одном индийском местечке выпадали такие же, в маленьком княжестве Мадпур. Я и Индию-то представляла лишь по служебным письмам, которые печатала в конторе Смита и Койна. Их отсылали лейтенанту, потом капитану Махварского полка С. У. Смолли: шла переписка относительно завещания усопшего Ф. Дж. Смолли, точнее, капитану посылали копии, а сами письма адресовались в банк в Бомбее. Бомбей! Слово-то какое звучное. Мне думалось: какое чудо, что письмо, напечатанное мною в Лондоне,

попадет в банк в далеком Бомбее, найдет бог знает где Слоника (штемпель с его обратным адресом бывал порой нечеток, писал он всегда на полковой бумаге, и адрес на ней не значился, а сам Слоник неизменно вместо своего адреса указывал адрес банка). Эмблему Махварского полка я запомнила на всю жизнь, могу по памяти нарисовать: слон с огромными бивнями, на спине у него паланкин, а за паланкином — раскидистая пальма. Я тогда понятия не имела, как индийцы называют паланкин, как произносится Махвар, да и мой хозяин, мистер Смит, знал не больше моего. Но все неведомое и незнакомое так привлекает! Среди скучных пыльных папок с делами (в основном — завещания) вдруг увиделся мне пока неизвестный молодой офицер в далекой Индии. Ах, мистер Тернер, только с ним в моей жизни связано все сколько-нибудь романтичное и таинственное.

Конечно, у девушек из отдела судопроизводства жизнь была повольготнее, но там начальствовал мистер Койн-младший; мне порой приходилось печатать под его диктовку (когда болела Мейбл Темпл), и я его терпеть не могла. Раз, помнится, он назвал меня приходской девой. Назвал, правда, за глаза, в разговоре с Мейбл Темпл, и я слышала,

как она смеялась. Она носила прическу как у Клары Боу, курила дешевые сигареты; когда умер Валентино, едва ли не месяц ходила в трауре, очень печальная, а временами даже ударялась в слезы прямо за работой, и мистер Койн-младший ее утешал. По-моему, ему это даже нравилось. Был он высок, худ, и можете мне не верить, но он покрывал лаком ногти. Я как-то говорю Марте Прайс: дескать, бог ему рост дал, а умом обделил и что у меня от одного его вида мурашки бегут. С тех пор Марта Прайс стала меня с собой брать то в кафе, то в кино. Я в то время снимала квартиру, потому что обстановка дома невыносимая: мама все оплакивает сыновей-близнецов, они год как погибли в автомобильной катастрофе; у мамы все время срывы — теперь это называется психосоматическим состоянием. Она требовала, чтобы я неотлучно находилась при ней, конечно, работа от этого только страдала, меня вообще могли уволить, ведь приходилось без конца отпрашиваться в конторе. А раз вечером я разревелась прямо при отце: мистер Смит попросил меня подыскать другую работу, поближе к дому. Мне-то ездить сорок минут туда да сорок обратно на электричке и автобусе, и так каждый день, даже по субботам. Но ведь только на работе я чувствовала себя

свободной, самостоятельной, понимаете? Отец в тот вечер меня понял. Он с детства, с той поры как меня остригли почти наголо, называл меня Бобрик. А тогда мне уже минуло двадцать пять, и пять лет я проработала у Койна. То было первое и единственное место, где работалось в радость, хотя я и не со всеми девушками ладила. Поначалу я, наверное, казалась им гадким утенком. Появилась я там, помнится, году в двадцать пятом.

Я выросла в семье священника и одевалась, разумеется, подобающе — юбки чуть не до щиколоток, а как я причесывалась! Представляете, мистер Тернер, я делила волосы на прямой пробор и опускала на уши крендельками — точь-в-точь наушники! Боже, какое уродство! Я никогда не стриглась коротко. Так жалко было расставаться с волосами. Я вообще не стриглась, пока не стала сама снимать квартиру. Так вот, отец посоветовал мне не уходить из конторы и определил меня в Общество молодых христиан. Домой я стала приезжать лишь на выходные, да и то не всегда. В самостоятельной жизни я поначалу беспокоилась по пустякам, чувствовала себя очень скованно. Но зато я вырвалась из дома, этого ужасного склепа, где мать бесконечно оплакивала близнецов. Немного погодя мистер

Смит даже меня похвалил: вы, говорит, и прежде работали хорошо, а теперь стали еще лучше. И жалованье прибавил на семь шиллингов шесть пенсов в неделю. На работу я приходила раньше всех, оставалась и сверхурочно — ведь теперь не нужно было спешить на электричку. Мало-помалу я покороче сошлась с другими девушками из конторы. Они оказались очень славными.

Из Общества молодых христиан я скоро ушла. Марта Прайс — это секретарша старого мистера Койна — подыскала мне скромную квартирку в одном доме очень строгих правил. Марта с матерью жили по соседству, в Блумсбери. Она была старше меня и поэтому взялась меня опекать. Марта слыла в конторе синим чулком, я ее даже побаивалась. Как же я удивилась, узнав, что она любит потанцевать и обожает кино. На танцы мы не ходили, но у нее дома был маленький патефон, и Марта учила меня танцевать, сама — за партнера. Ну, а кино я любила не меньше Марты: точнее, в те редкие дни, когда меня отпускали, я с удовольствием смотрела любую картину, а пристрастилась к кино по-настоящему уже с Мартой. Мы ходили раз, а то и два в неделю, порой высиживали два сеанса подряд. Если убежать с работы днем в субботу в какой-нибудь дешевый

кинотеатр в Уэст-Энде — все получается скомканно, впопыхах, нам больше нравилось ходить в «Лайонс», там можно было перекусить пирожками, картофельной соломкой, выпить чаю. Но лучше всего ходить на вечерние сеансы: хоть и устанешь до смерти, все тело болит, голова кругом идет от слепящих огней рекламы, идешь себе такая счастливая, держишь покрепче подружку под руку, а то непременно кто пристанет. Мы мнили себя такими отчаянными, еще бы, пешком по ночному Уэст-Энду! Вы просто не поверите.

Я часто думаю о Марте. Может, в ее чувстве ко мне и было нечто противоестественное, но в ту нору я о подобном и знать не знала. Как взревновала она, когда в моей жизни появился Слоник.

Помню, он приехал в Англию на долгую побывку и однажды, даже не позвонив предварительно мистеру Смиту, явился в контору. Хозяин был занят с клиентом, но Слоник сказал, что подождет. Я угостила его чаем и усадила в своей крохотной комнатенке. Так вот каков мой офицер из Индии! Господи, как эта встреча меня взбудоражила! Но держалась я почти что спокойно. Я представляла Слоника совсем иным, впрочем, нельзя сказать, что он меня очень разочаровал. Со мной он разговаривал дружелюбно и открыто, хотя особо и

не откровенничал. Спросил меня кое-что о покойном Ф. Дж. Смолли, как бы объясняя, зачем он пришел к мистеру Смиту и чтобы я успела приготовить необходимые документы — он не хотел отнимать много времени у мистера Смита. Слоник так изумлялся, видя, что я в курсе всех его наследственных дел, знаю о перемещении капитала, которое устроили опекуны: Слоник по завещанию должен был получать пожизненно процент с этого капитала. Он даже сказал: «Ну, мисс Литтл, мне теперь даже незачем беспокоить мистера Смита». Разумеется, он шутил.

Боюсь, умрет Слоник, и больше мне с этого капитала не достанется ни пенса. Впрочем, и сейчас-то доход не ахти какой, но все же подспорье. То деньги его деда. Отец и мать Слоника умерли молодыми и не оставили сыну ни гроша. Воспитывался Слоник у дядюшки, а дед — тот самый Ф. Дж. Смолли — оставил капитал, с которого Слонику пожизненно полагалась рента. Денег этих ему хватило, чтобы получить образование и добавлять на первых порах к армейскому жалованью. Особенно кстати пришлись эти деньги, когда Слоник ушел в отставку — ведь ему приходилось регулярно платить взносы в Фонд офицерских вдов и сирот, это на тот случай, чтобы мне не

умереть с голоду, если останусь одна. Умрет он, и пенсию его мне платить перестанут, хотя и она — сущие гроши. В Англии с таким доходом мы бы оказались в числе тех, кто живет в нищете. Конечно, я и от Фонда кое-что получу, и, может, по королевскому указу мне пособие выделят. Жизнь свою Слоник никогда не страховал, денег не откладывал. Знаете, мистер Тернер, единственный раз у нас оказались приличные деньги на руках — компенсация индийского правительства, ведь Слонику пришлось бросить военную службу в 1949 году, еще совсем не старым, ему было лишь сорок восемь. Так денег тех давным-давно нет.

Ничего уже нет. Тогда мне выпали немалые, как я называю, потрясения. Впрочем, зачем вам все это? А Слоника я уже давно-давно простила. Во всяком случае он поступил даже благородно (в отличие от одного своего коллеги) и продолжал, уйдя в отставку, делать взносы в Фонд, хотя имел право больше не платить. А тот его коллега возьми да и забери всю накопленную сумму, жена прознала, ее едва удар не хватил: случись мужу завтра умереть, она по миру пойдет, разве спасет нищенское королевское пособие. И пришлось ей последние свои гроши в Фонд вносить, а потом на какие только уловки она не пускалась, чтобы

на ежемесячные взносы наскрести.

Так что вы сами видите, в каком плачевном положении может оказаться женщина, всю жизнь верно следовавшая за мужем-офицером. Люди думают: ага, полковничья жена, мы-то вот живем в бедности, а она небось благоденствует: и пенсию ей платят, да и на черный день скоплено немало или, может, наследство досталось.

И почему всегда думают (во всяком случае, я сама это не раз слышала), что офицеры и их жены очень обеспеченные люди, на деле-то скуднее жалованья, чем у военных, и не найти. В Англии, у мужа не хватило бы средств, чтобы служить в сколько-нибудь приличном полку. А в Индии ему не приходилось мечтать о престижном полке. Поэтому проценты с дедушкиного капитала Слонику, как говорится, сам бог послал. Помнится, я сказала Марте Прайс, что Слоник сделал мне предложение и я его приняла, и что не пройдет и месяца, как мы уедем в Индию, и не согласится ли она быть невестиной подружкой на свадьбе. А она лишь сухо бросила: «Что ж, поздравляю, ты удачно устроилась».

На свадьбу она, конечно, не пришла. Зато пришли все остальные девушки из конторы. Сейчас страшно и стыдно даже вспомнить: я смотрю на

них, а они такие невидные, заурядные, может, не следовало их приглашать? Что-то подумают родные Слоника? Правда, их было совсем немного: тетка из Бейсуотера, старый опекун-дядюшка из Дорсета да двоюродный брат Сирил — он-то и унаследовал всю недвижимость Ф. Дж. Смолли, а его сыну Кларенсу отойдет основной капитал, с которого Слонику пожизненно выплачивают проценты.

А кого, кроме своих сослуживцев, могла я пригласить на свадьбу? Других подруг у меня не было. Они робко сбились пестрой кучкой — разоделись по случаю свадьбы! Как это выглядело нарочито! В большом старом доме священника им было не по себе: с одной стороны, они видели в нем господские хоромы, с другой — бедность и обветшалость этих хором, на стенах — картины, не видно блестящих современных украшений из металла — все кругом убийственно старомодно. По-моему, мистер Тернер, они остались разочарованы: думали, что Слоник придет в форме, хотя никто из нас его в форме ни разу не видел, разве что на фотографии, которую он мне подарил, я показывала ее девушкам. Они, наверное, воображали: выйдут из церкви жених с невестой, пройдут под скрещенными шпагами офицеров

— друзей жениха, выстроившихся по обе стороны прохода. Может, они мечтали увидеть и махараджу в жемчугах с алмазной звездой на чалме. Да и у меня самой, пожалуй, были не менее наивные представления.

Представлять, воображать, придумывать я, видно, привыкла с детства. Как и многие девушки в те дни, я увлекалась сценой, но сама не играла — очень волновалась и стеснялась. Лишь помогала в местном драматическом кружке, да и то скорее по необходимости — сборы от спектаклей часто шли на церковные нужды. В антрактах я угощала зрителей кофе. Потом меня допустили в суфлерскую, я даже кое в чем помогала режиссеру. Суфлировать мне, правда, доверили не сразу, голос у меня тихий, думали, что его актеры и в двух шагах не услышат. Что может быть ужаснее любительской труппы! Каждый столько мнит о себе, ставит себя выше других. «Старики», разумеется, затирают молодых, не дают им проявить себя. И что в Англии, что в Индии — все одно! Однажды мы ставили «Воспитателя» в Равалпинди. Как я хотела сыграть одну из сестер, ту, что поскромнее, Розмари, но роль, конечно, отдали другой, почти сорокалетней женщине.

В нашем церковном драматическом кружке на

роли девушек могли рассчитывать лишь дочери избранных лиц, поэтому молодежь к нам и не шла. Я знала назубок каждую роль во всех пьесах, и когда мне доверили суфлировать, то поняли, что голос у меня самый подходящий. А как-то раз одна из актрис не явилась на репетицию, и я проговорила всю ее роль наизусть, а остальные — читали. Простите за хвастовство, но многие актеры были просто поражены, а режиссер сказал, что на будущий год попробует меня в новом спектакле, если будет подходящая роль.

Но на будущий год я встретила Слоника, да и из дома уже ушла. Кое-кто из нашей труппы пришел на свадьбу, в том числе и режиссер. Он сказал: «Не прощу вам ни вашего замужества, ни отъезда в Индию, ведь нынешней осенью мы хотим рискнуть и поставить „Письмо“, и я считал, что лучше вас никто не сыграет Лесли Кросби».

Сказал он это в присутствии Слоника. И ему даже выговорил: «Вы увозите очень способную юную актрису-героиню. Ничего, она и в Индии себя проявит на главных ролях».

И что же? Когда подвернулась возможность, Слоник мне не разрешил. Мы тогда ставили «Ветер и дождь». Ну в чем моя вина? В том, что я люблю театр, но боюсь выходить на сцену? Лю-

бой бы на месте Слоника понял, что в боязни этой и есть залог хорошей игры. Неужто он забыл или пропустил мимо ушей напутствие режиссера?! С первого взгляда на Слоника вы, конечно, так и решите. Но видели б вы его раньше, до того, как он разительно переменился. Теперь в его словах не отыскать никакой логики. Он не прислушивается ни к чьему голосу, кроме своего, не считается ни с чьим мнением, разве что со своим. Но на самом деле он все прекрасно понимает. И слушает и слышит, но не внемлет. Все-то он отрицает и ниспровергает; все, что ему не угодно.

Вы-то видели лишь его «гостевую маску». Он вас в два счета заговорит. А когда мы одни, все иначе. Порой молчит часами напролет. В последнее время мало кто слышал какие-либо его суждения. И все же раньше он был куда сдержаннее. Держался всегда безукоризненно, предельно скромно. Такому можно во всем довериться. В самый первый раз я увидела его со спины, он стоял у окна в приемной. Я окликнула его: «Вы — капитан Смолли?» И он обернулся. Я почему-то представляла его худощавым и смуглым, непременно в военной форме. А он оказался невысоким, скорее коренастым, нежели худощавым, в штатском — одним словом, весьма заурядным. Но я ни капельки не

разочаровалась. Мне понравился его открытый взгляд. Я сказала, что мистер Смит занят и что я — его секретарша. «Так вы — ЛЛ? Точно, вы — ЛЛ!» — воскликнул он.

Я была так тронута. Значит, он обратил внимание, что на всех письмах нашей конторы внизу значились мои инициалы. Понимаете, мистер Тернер, с первой минуты Слоник доказал, что он весьма наблюдателен.

То было лето тридцатого года. Он впервые надолго приехал на родину. Отпуск кончался у него в ноябре. Девушки у нас в конторе сразу смекнули, к чему все идет, я же последней поняла, почему он сверх меры любезен с секретаршей своего адвоката; почему не прочь скоротать время в ее обществе, дожидаясь мистера Смита; почему, как правило, приезжал раньше назначенного времени.

А однажды — в первый и последний раз — он пришел позже, его приняли последним. Когда он вышел, я уже накрыла чехлом машинку, надела пальто и шляпку. Он понял, что задерживает меня, и вызвался немного подвезти, сам он ехал в Бейсуотер.

У Чансери-Лейн он нанял экипаж. Где-то в районе Блумсбери мне вдруг подумалось: бедный

капитан Смолли! Ведь он, как и я, из робких. В Лондоне ему, наверное, скучно после великолепия Индии. Должно быть, ему не терпится вернуться, там у него друзья. И только тогда я прозрела: а неспроста он названивает и захаживает к нам в контору так часто, право же, дела его этого не требовали, их и без него нетрудно уладить. Девушки-то все поняли сразу.

После того вечера я подумала: а почему бы ему и не прийти просто поболтать со мной? Хотя знакомых у него в Лондоне мало и ему одиноко, может, приезжал он ко мне не только из-за этого… а из-за меня самой? Да. Из-за меня. Пусть я простая секретарша, вынужденная работать ради куска хлеба, все-таки (простите, мистер Тернер, за старомодный стиль) я из хорошей семьи, отец мой — священник, а бабушка состояла в отдаленном родстве с ныне покойным сэром Персивалем Ларджем, помещиком из Пирс-Куни в Сомерсете. Там мой отец получил первый свой приход. Об этом родстве Слоник знал; он как-то спросил, знакомы ли мне края в Дорсете, и я ответила: нет, скорее в соседнем Сомерсете — и рассказала, как сразу после войны три года подряд мы с близнецами гостили там летом по две недели. Незабываемое время! Рассказала и о родных, благодаря которым

мы туда наезжали. Рассказала все как есть. Не хотелось пускать ему пыль в глаза: вот, дескать, какие знатные у меня родственники.

Несколько дней спустя он позвонил снова. И из разговора я еще раз убедилась, что ему одиноко, Он сказал, что собирается вечером в театр, у него два билета в ложу, и предложил мне пойти с ним. «Если согласны, я вечером заеду за вами, мы где-нибудь перекусим до театра, после спектакля поедем ужинать». В тот день я даже не обедала. Ведь он сказал — билеты в ложу, а в те дни в ложу и бельэтаж принято было ходить в вечерних туалетах, да и вообще в театр ходили приодевшись, а не как попало. Думала я: если капитан, посчитав меня простушкой, приедет сам в обычном костюме, я успею скорехонько сменить вечернее платье на повседневное, главное, чтоб он убедился, что со мной не стыдно показаться там, где приняты вечерние туалеты.

И в обеденный перерыв я помчалась на Оксфордскую улицу, потратила едва ли не все свои сбережения. Нет, вечернее платье у меня было — длинное, черного шифона. Был у меня и палантин — черный, под соболя, на самом деле — крашеный кролик. Это было мое единственное украшение «на выход», я привезла его из дома весной того

года; я мало-помалу вылезала из своей скорлупы, появлялась на людях, и палантин был кстати. А все свои деньги я истратила на другое: у меня не было приличных туфель и перчаток. Я заплатила уйму денег за черные туфли и черные перчатки, но без этого в театр не пойдешь.

А еще я купила сумочку. Прекрасно ее помню: темно-зеленого муара: прекрасно дополняла мой вечерний туалет, а к ней — платочек в тон, чтобы не пестрило. Я всегда очень придирчиво подбирала цвета. Глаза у меня почему-то никак не могли определиться: то они серые, то голубые, то цвета фиалки, то зеленые. В ту пору, например, чтобы подчеркнуть их зелень, я надевала что-нибудь в тон. Потом, наоборот, пурпурное или бордовое. Ну, а к старости выцвели мои зеленые глаза. Впрочем, это уже пустая, чисто женская болтовня, и вам, конечно, слушать неинтересно.

Итак, у меня был черный палантин, черное шифоновое платье, туфли, перчатки и еще сумочка! Спускались дивные июльские сумерки. Вечер сулил мне настоящий праздник. Вот подъехала коляска. Появился Слоник в вечернем костюме. Оглядел комнату, похвалил. У меня всегда было чисто и опрятно, хотя квартирку я снимала маленькую: гостиная, оттуда дверь в спаленку.

Я купила к его приезду шерри. Мы немножко выпили, и я ушла в спальню за палантином и сумочкой. Вернулась, смотрю — Слоник стоит у окна, как и в день нашего знакомства в конторе. Тут он повернулся. Хоть и не сказал ни слова, я обо всем догадалась по его лицу. В комнату заглядывало заходящее солнце, и я стояла в его лучах. Но мне казалось, что и свет и тепло исходят от Слоника. Таким солнечным, теплым мне и запомнилось то лето. Солнце, бог мой, сколько было солнца! Женщине оно необходимо. В Индии, конечно, солнца тоже хватает, но там оно иное, вы, надеюсь, меня понимаете. Мне нужно солнце, чтоб грело душу, а без него я увядаю, гасну, умираю. Как запущенный сад.

Так вот, не успели мы приехать в Индию, как мое солнце все чаще и чаще стало прятаться за тучкой. А солнце в небесах, наоборот, нещадно палило. И так день за днем, неделю за неделей — ни облачка. А моя тучка все росла: не очень-то приветили люди жену капитана Смолли; да и его самого тоже.

Но переехали мы в Мадпур, и тучка вроде исчезла. Хотя как раз в Мадпуре неделями напролет лил дождь. Местный люд поначалу радуется дождю. Но сезон дождей долог, и скоро он всем

надоедает. А мне не надоел. Слоник видел, что я счастлива, думал, наверное, оттого, что все в диковинку: раджа, дворцы, слоны. Я представляла Индию диковинной страной, и Мадпур оказался именно таким! А еще, знаете, там мне не докучали, именно не докучали офицерские жены, как в Махваре, где часто приходилось сносить их «любезность». Но, главное, мне было хорошо в Мадпуре, потому что было хорошо и Слонику. В том маленьком княжестве англичан больше не было. Советник наезжал редко. И мы наслаждались уединением. Слоник любил работать в одиночку и работать с индийцами. Ему было хорошо, и потому он прекрасно ко мне относился.

Как не хотелось мне уезжать из Мадпура! Но нас перевели, и такого уголка больше не встретилось. Все наподобие Махвара: при знакомстве даешь визитную карточку, соблюдаешь все церемонии, точно знаешь Чин и положение каждого. Я-то не особо роптала, да и Слоник тоже. Но что удивительно, мистер Тернер, мы стали роптать друг на друга. Когда мы покидали Мадпур, сезон дождей уже кончился, на небе снова ни тучки, лишь где-то далеко на горизонте маячит облачко, словно ждет не дождется, когда же я наконец спущусь на землю. Облачко то — мужнино от-

чуждение. В первый раз оно омрачило наши отношения еще в Махваре, а потом надвигалось все ближе и ближе, становилось все больше и больше, пока не заполонило все небо моих грез. Наверное, и от меня исходило такое же облако и так же омрачало жизнь Слоника.

Может, напрасно я вам все это рассказываю. Просто Сара написала, что вы интересуетесь жизнью англичан, оставшихся в Индии, значит, вам небезразлично, как складывалась у них жизнь. Конечно, у всех по-разному, даже в нашей семье: для меня — так, для Слоника — эдак. Правда, я не знаю, в чем именно эта разница, ведь мы с ним уже не говорим по душам. Мы не знаем самых сокровенных мыслей и чувств друг друга. Вы небось думаете, что после сорока лет супружества это уже и ни к чему, раз у нас нет детей, да только, думается, дело совсем не в этом. Кстати, Слоник попрекал меня всем чем угодно, но только не этим, а я не винила его. И не в том, наверное, дело, что мы живем в Индии, хотя отчасти и Индия виной наших размолвок: когда я задумываюсь о своей здесь жизни, вспоминаю все до мелочей, то вижу, что все самое худшее в нас открылось именно в Индии. Я не имею в виду «Свободную» Индию, хотя, положа руку на сердце, большой

разницы между Индией былой и теперешней я не вижу. Когда-то я и впрямь была «мем-сахиб», а Индия принадлежала нам, англичанам. А мы принадлежали ей, я сидела словно на привязи и воображала, что важнее дела и не придумать, чем достойно (согласно чину и должности мужа) представлять его «семью». Главное — не переусердствовать, но и послабления себе не давать, всегда чем-то можно помочь мужу.

Вы небось думаете, что я благодатный для этого материал, этакая глина — лепи что хочешь. Верно, я была такой. Меня с детства приучили знать свое место. Но я думала: вот выйду замуж, и все переменится. Мне казалось, что Слоник навсегда вызволит меня из этой трясины. А он лишь перетащил меня из одного болота в другое. Дома я не видела отца: он либо запирался в кабинете, либо навещал прихожан. В Индии Слоник целыми днями пропадал в штабе. В Англии я работала на «Смита и Койна». В Индии пришлось работать на женские комитеты. «Вы и впрямь умеете стенографировать и печатать, миссис Смолли?» — изумлялись, вскидывая брови, офицерские жены, а про себя думали: «Так, значит, нам она пригодится». И они использовали меня. Я всегда была «при комитете», то при одном, то

при другом, но никогда не «в комитете».

Да, у них царила непоколебимая иерархия. Скажем так: если я — капитанская жена, то найдутся другие капитанские жены, чьи мужья старше моего по должности. Считалось до дня, кто и сколько проходил в капитанском чине. И попробуй ошибись или не обрати на это внимания — тут же поставят на место, в лицо скажут, что промашку дала. Над этими капитаншами — майорши. Получил чин майора и Слоник, и, конечно же, сыскались дамы, чьи мужья просидели в майорах дольше. А уж о полковничихах да генеральшах я и не говорю: они так высоко, что посмотришь — голова закружится. Как трудно (хотя и необходимо, я же понимаю) эту иерархию соблюдать. Помню, я прямо вся затрепетала, когда одна полковничиха назвала меня запросто — Люси, а ведь Слоник в ту пору только-только получил майора. Из-за такой пустяковины — и трепетать! Из-за пустячных обид — стараться отомстить! Но я помню и другое: когда Слоник был уже майором «со стажем», я тоже порой свысока относилась к новоиспеченным майоршам.

Да, мистер Тернер, правилам этой игры я научилась ради Слоника. Когда в конце сорок пятого он стал подполковником, я подумала: а вдруг снова

выглянет солнце на нашем небосклоне. Увы! Мы даже не переменили жилье: как «У Смита» жили, так там и остались. Нас расквартировали там еще в начале войны, дали две комнаты, номер люкс, там теперь спальни супругов Булабой. В комнате побольше мы устроили гостиную, в маленькой — спальню. А жилье мы не переменили, потому что Слоник не захотел. Сколько раз могли мы получить свой домик, а Слоник все отказывался. Говорил: в гостинице жить удобнее, штаб рядом. Да и дешевле, чем содержать свой дом, — в ту пору Слоник был прижимист. Я его за это даже уважала. Меня тоже с детства приучили знать цену деньгам. Слоник и сейчас скуповат, но причина уже иная — нам приходится экономить. А тогда деньги текли, что вода меж пальцами. Сколько Слоник потерял, оставил за карточным столом; а какую совершил глупость, уйдя из армии в коммерческую фирму в Бомбее. Впрочем, об этом рассказ отдельный, а я и так вас заговорила.

Мы прожили «У Смита» вплоть до провозглашения независимости. Слоника уговорили остаться еще на годик-другой. К тому времени Розовый Дом уже освободился: Милдред уехала в Англию, а полковник Лейтон с Сарой и Сюзан перебрались в резиденцию командующего. И

нам предложили Розовый Дом. Впервые в жизни я вынудила Слоника согласиться. Ведь кроме нас в округе ни одной британской семьи, так почему же нам в кои-то веки не пожить по-человечески. И впервые в жизни Слоник уступил. Правда, без ворчания не обошлось. И я подумала: а вдруг все еще наладится. А вдруг снова для нас засияет солнце. Увы — не засияло. Лишь мелькнул разок солнечный лучик, да и то, словно в насмешку, после заката.

Прекрасно помню, как праздновали здесь провозглашение независимости. Вечер четырнадцатого августа тысяча девятьсот сорок седьмого года. На плацу выстроился полк панкотских стрелков. Солнце клонится к закату, барабаны бьют «отбой». Нас приглашают на обед к командиру, на флагштоке еще реет английский флаг. Потом мы снова выходим на плац, там для гостей построили специальные трибуны. Вечереет, прохладно. Плац ярко освещен прожекторами. У нас был смешанный гарнизон: индийские части и небольшое подразделение англичан. Так они и прошли маршем мимо нас: сначала индийцы, потом англичане. Оркестр хоть и играл из рук вон плохо, но видно было, как музыканты стараются ради такого праздника. Играли в основном

английские военные марши. Были даже волынщики-индийцы, они сыграли под управлением шотландского офицера «Лесные цветы». Один за другим гасли прожекторы, и вот освещен лишь флагшток с английским флагом. Рядом застыли по стойке «смирно» полковник Лейтон и новый комендант-индиец. Оркестр заиграл «Пребудь во мне»[15].Знаете, мистер Тернер, его и по сей день играют в Дели после «отбоя» в канун Дня независимости.

Все было так трогательно, что я даже прослезилась. Слоник взял меня за руку, и так мы стояли, а оркестр играл уже «Боже, храни короля». Потом наступила ужасная и в то же время чарующая минута: медленно, в полной тишине, пополз по флагштоку вниз британский флаг. Доносился лишь вой шакалов с холмов, да ветер шуршал обрывками бумаги и страничками программы. В такой же тишине ровно в полночь подняли индийский флаг, и оркестр заиграл новый индийский гимн, в толпе запели, а когда оркестр кончил играть, толпа всколыхнулась от приветствий, криков, рукоплесканий. Я бы тоже похлопала в ладоши, да Слоник не выпускал мою руку до тех

[15] Примечания: 15

Стихотворение английского поэта Генри Фрэнсиса Лайта (1793–1847), ставшее текстом религиозного гимна.

пор, пока вновь не зажглись прожекторы и войска не покинули плац под оркестровый марш.

Глава одиннадцатая

Перед Пасхой справляли Холи, праздник плодовитости, праздник семьи у индусов. Люди из низших сословий в этот день заполняли базар, осыпали друг друга разноцветным порошком, а иногда брызгали подкрашенной водой, хотя это и не полагалось — на одежде могли остаться пятна, а другой у бедного люда нет.

Индусы побогаче праздновали Холи дома, подальше от всяких шутников, что обливают или осыпают прохожих. Кое у кого собирались гости, и праздничные игрища (правда, в меньшем масштабе) устраивались в садах. Например, супруги Менектара всегда приглашали знакомых на Холи к себе в сад Розового Дома. По словам Слоника — обычная пирушка, разве что у входа мужчинам мазнут лоб, а женщинам запястье красной пудрой. Дети под надзором маленькой няни-айи играли в Холи, в отличие от взрослых, самозабвенно — им отвели уголок сада, чтоб они никому не мешали. А взрослых — дам в нейлоновых сари, мужчин в элегантных костюмах — ждала, если опять же верить отзывам Слоника, обычная попойка в домашнем баре, закуски рядом, за

шелковичным деревом, на любой, в том числе и вегетарианский, вкус.

Люси всегда с нетерпением ждала приглашения от Менектара на праздник Холи: во-первых, можно посидеть в саду, где хоть и недолго, но хозяйничала и она сама. Потом там воцарилась Милдред Лейтон и устроила теннисный корт. Сейчас же сад снова обрел прежний вид: клумбы английских чайных роз, их со знанием и любовью выращивал сам полковник Менектара — «Малютка», как прозвали его за немалый рост.

Малютка всегда бывал мил и любезен с Люси. И с его женой, Куку, у нее тоже сложились приятельские отношения: их объединяло взаимопонимание — и та и другая прекрасно знали, что хотя все жены полковников (отставных или служащих) относительно на равных, и у них — своя иерархия. Смотря с какого бока на это взглянуть. Куку всегда отчаянно кокетничала со Слоником, однако Люси и не думала ревновать. Это не опасно, но когда Слоник начинал заигрывать с миссис Десаи, Люси настораживалась. Ведь по Куку видно, что она думает, обнимая Слоника: «Ты — милый, приятный, остроумный человек, тебе всегда рады, но ты — англичанин, значит, поверженный враг».

Наверное, теперешняя молодежь и в Индии и в Англии держится других взглядов: легко знакомятся, сближаются, но как бы дружелюбно мы ни были настроены к индийцам нашего поколения, испытавшим на себе пристрастное и несправедливое отношение, в сознании тех все еще живут отзвуки давнего тревожного набата.

Куку Менектара обычно присылала приглашения на открытках с напечатанным текстом, от руки ставилась лишь дата. Текст гласил: «Куку и Малютка празднуют Холи… числа, в доме № 12 по Верхней Клубной улице. Будем рады видеть вас, RSVP» [16].

В этом году Люси положила на стол Слонику приглашение, добавив карандашом вопросительный знак. Открытка вернулась к ней на секретер с резолюцией: «Валяй!»

Слоник вообще стал более покладистым с того дня, когда Люси уехала в клуб, выпила неподобающе много джина с содовой и вернулась домой уже после шести вечера. Она думала, что супруг закатит скандал. Но скандал не состоялся. Слоник лишь спросил (да и то этак меланхолично), хорошо ли она провела день. Приняв ванну, она

---

[16] Примечания: 16
Repondez s'il vous plait (франц.) — пожалуйста, ответьте.

застала Слоника в гостиной: он читал журнал и пил пиво.

— Я попросил, чтобы нам принесли на ужин кое-каких закусок. Билли-бой прислал мне записку — дескать, он в ресторане чуть не отравился и не советует нам рисковать.

— Очень разумно.

Она села за секретер, поставила рядом стакан джина с лимонным соком и раскрыла книгу расходов: записала сегодняшние немалые траты, прибавив к ним пару рупий — надо же за счет чего-то выкраивать жалованье для мали. До чего же мерзко ловчить и обманывать!

— В кино сегодня идешь? — спросил Слоник, когда вошел Ибрагим и поставил поднос с ужином на стол.

— Иду.

— Что-нибудь стоящее?

Люси недоверчиво взглянула на мужа. Неужто и он собирается пойти вместе с ней? Видно, ее поведение сегодня выбило его из колеи. Еще минута — и Люси пожалеет мужа. Поэтому она тут же отрезала:

— Да так, ерунда. Только женщинам и смотреть — называется «Как убить свою жену».

Слоник, увы, никогда не слыл тонким цени-

телем чужого юмора. До того, как характер его претерпел разительные перемены, у него и самого с чувством юмора было туговато. Во всяком случае, его шуток не понимали. Со временем он немного преуспел на этом поприще, хотя остроты его бывали тяжеловесны и грубы, а тонкий юмор собеседников до него по-прежнему не доходил. Порой казалось, что он нарочно строит из себя идиота, не замечая чужой шутки, но если случалось сострить ему, он не щадил тех, кто не сразу угадывал смысл остроты. В основном же его больше всего смешило все грубое и непристойное, а также чужие злоключения. Пожалуй, такой обхохочется, увидев, как упал человек, поскользнувшись на банановой кожуре. Слава богу, думала Люси что муж еще не дошел до розыгрышей. И все равно, когда он начинал острить «на публику», Люси всякий раз было за него неловко, особенно когда он выставлял себя самого на посмешище.

Именно так он и поступил в прошлом году на празднике Холи у супругов Менектара. Оставив компанию взрослых, он принялся возиться с детишками: те начали бросать в него пригоршнями цветную пудру, сначала боязливо Слоник их подзадоривал, бросая в ответ. Наконец, он вернулся

к столу весь с ног до головы усыпанный синим, пурпурным, алым — лишь глаза и зубы блестят, как у шахтера, поднявшегося из забоя, где сам дьявол захоронил радужное многоцветье. И в таком виде он бросился обнимать сначала Куку, а потом госпожу Митра.

— Ну, вот видите, ваш муж совсем здоров, — сказал тогда доктор Митра и, взяв Люси под руку, повел прочь от стола вегетарианцев к обычным закускам. Постоял, подождал, пока к столу пригласят мужчин.

Люси уже свыклась с таким четким разделением: мужчин и женщин потчуют отдельно — хотя и находила это весьма обременительным. Всех гостей рассаживали широким кругом, точнее, в два круга — в одном женщины, в другом мужчины. И хочешь не хочешь, а собеседники и справа и слева — женщины. Правда, Куку расставила стулья и на лужайке, чтобы гости могли вырваться из «окружения». К этим-то немногочисленным стульям и тянуло женщин, словно магнитом. Наверное, не привыкли рядом с мужчинами сидеть, думала Люси, да и поразмяться не прочь. Лишь кое-кто из женщин помоложе не поддавался всеобщему соблазну вклиниться в ряды мужчин. И почему это им взбрело в голову есть отдельно от

женщин? Уже из-за одного этого не стоит к ним и близко подходить.

Люси, памятуя о своем возрасте, села, хотя тут же пожалела об этом — к ней сразу подошли миссис Митра и миссис Шринивасан, и пересаживаться было бы уже неприлично. Прямо перед глазами у нее маячил Слоник, а вот его как раз ей и не хотелось сейчас видеть. Стоит посреди самого старого и красивого сада в Панкоте, перепачканный с ног до головы разноцветной пудрой, клоун клоуном, и забавляет, даже скорее выжимает смех из разодетых и церемонных индийцев, разглагольствует либо рассказывает неприличный анекдот. Его не очень-то и слушали. Мужчины, видя, что женщины отходят от столов, спешили занять их места. Наконец, рядом со Слоником остался лишь Малютка Менектара, одну руку он заложил за спину (осанка у него, конечно, отменная), в другой держал едва пригубленный бокал. Он то кивал старику, то откидывал голову, беззвучно смеясь. А рассказчик все не унимался. И о чем только он болтает? — терялась в догадках Люси. Дай бог, чтобы не о последней войне с Пакистаном. Шутить об этом не следует. Почти у всех присутствующих сегодня есть знакомые, чьи сыновья или мужья пали в этой войне,

в которой решалась судьба Бангладеш.

Вот Малютка предложил Слонику подкрепиться и повел к столу. По дороге тот поставил свой пустой бокал на поднос слуге и взял полный.

А миссис Шринивасан и миссис Митра обсуждали нового пакистанского премьера, господина Бхутто.

— Что вы хотите, ведь он сын бакалейщика! — негодовала миссис Шринивасан, — да и Муджибур Рахман не лучше! Как мне надоели эти бенгальцы! Вечно с ними забот не оберешься! Как англичане с ирландцами, верно, Люси?

Но ответить Люси не успела. На веранде что-то грохнуло, послышались возбужденные голоса. Гости в саду стали оборачиваться. Кое-кто даже встал, вытянул шею, чтобы получше рассмотреть, что случилось. Она и так знала наверное: Слоник что-нибудь уронил. И напоследок опозорился. Но вот голоса смолкли. Люси увидела, что собравшиеся на веранде смотрят на пол — там что-то или кто-то лежит. Если кто-то — значит, Слоник; если лежит — значит, его мог хватить очередной и, возможно, губительный удар. Люси с трудом унялa вскинувшуюся в груди тревогу. Вскорости она сменится печалью, а потом — ужасом. Вот к ней по лужайке подплыла Куку в своем роскошном

сари, прелестная вестница дурного.

— Слоник, кажется, слегка оступился.

— Да что вы! Ах, Слоник, какой же он неуклюжий. Пойду-ка взгляну.

Медленно она встала, положила тарелку прямо на траву. Единственное, что остается в старости, — достоинство, и сейчас ей выпала возможность всем его показать. Сумочку она оставила на стуле. Некогда это была очень хорошая сумочка. Но под лучами предательски яркого солнца обозначились и ее немыслимые лета. Вместе с Куку Люси подошла к веранде. Мужчины, стоявшие на крыльце, расступились. Кто-то из них поднял легкий столик из тростника — очевидно, его свалил Слоник, когда падал. На столе, наверное, были бутылки — пол усыпан осколками. Слоник лежал недвижно, раскинувшись. Глаза закрыты. На клоунски пестром лице пугающе выделялись белые веки. Рот приоткрылся, видно, как жадно глотает он ароматный, хвойный воздух. Не понять: потерял он сознание или нет. Над ним склонился доктор Митра, пощупал пульс на левой руке. В правой, окровавленной, полковник сжимал ножку бокала.

Митра сказал:

— По-моему, он просто оступился, упал и ушиб-

ся.

— Ничего серьезного?

— Думается, нет.

Старик что-то пробормотал.

— Чуть-чуть погромче, старина!

— Домой, — отчетливо произнес тот. — Везите домой, а не в больницу! К чертовой матери больницу!

— А зачем вас в больницу? Вы здоровее здорового.

Слоник открыл глаза: на чумазом лице они и впрямь были как у шахтера.

— Люс, ты здесь, а, Люс?

— Здесь, дорогой.

— Вези домой. Не надо в больницу.

Он попытался сесть. Доктор Митра сначала воспротивился было этому, но потом сам же и помог Слонику приподняться.

— Простите, что так вышло, — сказал тот, — выпил чуток лишнего, вот и все. А тут еще поскользнулся. Нехорошо получилось. Очень нехорошо. При дамах, и так опозориться… надо ж! — И он досадливо крякнул.

Мало-помалу любопытные разошлись. Остались только Люси, Митра, Малютка, Куку да кое-кто из прислуги. Слоник закрыл глаза, помо-

тал головой, собираясь с силами. Затем открыл один глаз, потом другой, воззрился на свой костюм, будто видел его впервые. Начал оттирать рукой штанину, потом внимательно оглядел ладонь.

— Что ж у вас в приглашении написано: «Малютка и Куку празднуют Холи»? — Он посмотрел на супругов. — Так где же праздник? По-моему, кроме меня, никто и не праздновал, хотя праздник-то ваш, индийский. Пустите-ка, — он стряхнул с плеча руку доктора Митры, — а то еще испачкаете мой дивный костюм.

Час спустя доктор Митра повез супругов Смолли в «Сторожку».

— Не очень-то вы свой праздник почитаете, а? — спросил Слоник. — Так, болтовня одна. Да повод напиться до чертиков. Как у нас на Рождество. Или на Пасху. Даже на Пасху больше смахивает. Правда, Люс? Праздник плодовитой семьи. Я, помнится, еще во времена допотопные, попал впервые на Холи и сдуру-то спрашиваю командирскую жену: «Это что, благотворительное общество представление дает? И для кого же средства собирают?» Ну и она мне целую лекцию прочитала, что такое Холи. Ее, брат Митра, с толку не собьешь. А когда Люс впервые Холи увидела,

я, чтобы не оскорбить ее слух, что-то промямлил, что праздник весны, говорю. И что бы вы думали! На банкете встает моя пташка и начинает чирикать, в честь весны тост поднимает. А все молчат. Такая мерзкая, неловкая пауза. Мем-сахиб, что сидела во главе стола вся прямо изъерзалась от смущения, а гостям только и оставалось сидеть да помалкивать, они-то знали, что и как нужно сказать… Люс, о чем это бишь я говорил?

— Ты рассказывал доктору Митре о моей оплошности, хотя ему это вряд ли интересно.

— Еще как интересно. Он потом сам не раз об этом расскажет на каких-нибудь званых обедах. Верно, старина? Расскажешь, брат Митра?

— Не знаю, право не знаю.

— Э, да ты никак надулся? Пошел тогда в задницу. Туда тебе и дорога. Нам всем туда дорога. — И Слоник устало запрокинул голову.

Он совершенно невыносим! Люси взглянула в зеркальце над водителем и отвела глаза, чтобы не встретиться со взглядом доктора Митры. Как безобразно муж себя ведет! Какие мерзкие слова употребляет. Люси еще не могла успокоиться после бестактного упоминания о ее давней-предавней оплошности. Случилось это в противном Махваре, а «чирикала» она при всеобщем мол-

чании, потому что, упомянув праздник Холи, сказала: «Не понимаю только, почему все в красных тонах. По-моему, весне больше подходит зеленый». Слоник мог бы заранее объяснить ей все толком, да не объяснил. Потому и попала она в столь глупое положение. Тогда за столом враз наступила тишина, как и сейчас, в машине доктора Митры. До Люси постепенно дошла символика и значение пурпурных и алых тонов, столь отчетливо запечатлевшихся сегодня на костюме Слоника (и, очевидно, на сиденье машины): они обозначали месячные у женщин и следы первой брачной ночи.

Вернулись домой они раньше времени. Невыносимо было видеть, что их не ждали. Ибрагим на веранде любезничал с Миной (она, правда, тут же убежала), Блохса сидела рядом. Увидев хозяина в шутовском наряде, собака ощетинилась, оскалилась и зарычала. Подойди Слоник поближе, она тоже ударилась бы в бегство.

— Скажите мне честно, доктор, — спустя полчаса спросила Люси, провожая господина Митру к машине. — Он упал, потому что перепил, или опять отказало сердце?

— Будь что серьезное, разве я бы оставил его сейчас? Не беспокойтесь. Спиртного ему пока не

давайте. Звоните, если что. Завтра я забегу.

— Но вы не ответили мне, доктор.

— Разве? Ведь больница в двух шагах, а я тем не менее отвез его домой и оставляю на ваше попечение. Чем это не ответ? Лучше, по-моему, не ответишь. Дома ему вольготнее.

— Еще бы.

— Возможно, я выпишу ему новое лекарство. Подождем до завтра. Ей не терпелось спросить: сколько еще осталось жить Слонику?

Год? Меньше или больше? Или, может, смерть уже на пороге? Но нажитая с годами мудрость подсказала, что не следует задавать вопросы, на которые нет точного ответа, да и, по правде говоря не хочется его слышать. Она вернулась в спальню. Слоник спал. Лицо и руки не удалось отмыть дочиста, красноватые пятна от пудры еще остались. Грязный костюм валялся в корзине для дхоби. В ее печаль вдруг вкралось озлобление. В конце концов, это их, а не наш праздник. Слоник прав. Им бы и разодеться по-шутовски.

К Пасхе Слоник обрел прежнее жизнелюбие. В понедельник после Вербного воскресенья он объявил, что вечером к нему в гости придет Билли-бой. Люси с Ибрагимом отправились в кино. Люси пошла из-за того, чтобы не менять

заведенного порядка. Останься она дома, и муж заподозрит, что она неспокойна за его здоровье. Хотя поводов для беспокойства с каждым днем все меньше. Ничего крепче пива он не пил, да и то очень умеренно. Люси потом не могла припомнить, какой смотрела фильм. На экране ей виделись лишь ужасные сцены: вот она возвращается домой, а там побывала Смерть, опустел семейный очаг; виделся ей и отчий дом, зловещий мрак под лестницей.

Вернувшись домой, она увидела, что дверь заперта, и разволновалась. Дала ключи Ибрагиму и велела ему войти первым. В гостиной горел свет. На ее секретере записка. Неужели от доктора Митры?

Нет, от Слоника: «Ушел с Билли-боем в кабаре „Шираза“. Вернусь к полуночи».

— Все в порядке, Ибрагим. Я иду спать. А ты уж дождись сахиба.

Ночью она услышала, как на улице поют — то возвращались Слоник и Билли-бой. Она выключила лампу у постели. В гараже залаяла Блохса. Пение тотчас оборвалось. Должно быть, Билли-бой помчался домой. Вот Слоник вошел, запер за собой дверь. Лампа у его постели горела, и Люси, смежив веки, наблюдала за мужем.

— Люс, ты спишь? — окликнул он. По голосу судить — трезвый.

Она перевернулась на другой бок и накрылась с головой.

* * *

— Ну и дерут же за пиво в этом кабаре! — посетовал он утром за завтраком. — Кроме пива, я ничего в рот не брал. Зато Билли-бой был пьян в стельку. Задаст ему мадам сегодня жару!

— С чего это ты надумал идти в «Шираз»?

— С Билли-боем со скуки сдохнешь. Вот с чего. Таких зануд я еще не видел. Впрочем, в кабаре он преобразился.

— Надо же!

— Ну, как тебе картина?

— Я уж ее толком и не помню. Извелась вся: пришла домой, а тебя нет!

Слоник выпил апельсинового сока и принялся за яйцо.

— В конце недели Пасха, — заметил он.

— По-моему, ты уже давным-давно забыл о таких праздниках.

Он нарезал хлеб маленькими продолговатыми кубиками и стал обмакивать в яйцо.

— Новый поп объявился. Билли-бой говорит:

черен, что твоя шляпа. Просит величать себя «отцом». Приедет на пасхальную службу.

— Осторожно: капаешь яйцом на рубашку.

— Может, сходим в церковь в воскресенье? Как ты насчет этого?

Люси доела яйцо — тоже символ грядущей Пасхи.

— Так ты и впрямь хочешь, чтобы мы вместе пошли в церковь на Пасху?

— А что, этот день не хуже других. Пойдем поглазеем.

— Церковный двор стал много чище и опрятнее.

— Мне до него дела нет. Я предлагаю пойти поглазеть на новоявленное преподобие. Как знать, Люс, может ему придется предавать наши останки огню или земле. Поэтому хотелось бы взглянуть на этого субчика.

— Слоник, ты верен себе.

— Что, кощунствую?

— Да нет, верен этим жутким словечкам! Впрочем, и помыслам своим ты тоже верен.

— Ишь ты! — крякнул Слоник.

* * *

Второго апреля они пошли на воскресную утреннюю службу. Люси заметила, что прихожан больше, чем обычно, а увидев отца Себастьяна, изумленно и зачарованно уставилась на него. Хорошо, что муж не настоял, чтоб они пошли к восьмичасовому причастию. Но вот священник громко и звонко произнес первые фразы из Библий, открывающие утреннюю службу, и Люси поразилась красоте слов — помнится, ее отец произносил их скороговоркой; а еще ее поразило, до чего же подходит ритмика индийского произношения к ритму слов. Она открыла глаза и увидела, что у отца Себастьяна они закрыты — он читал по памяти.

«Встану, пойду к отцу моему, и скажу ему: отче! Я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим»[17].

— Возлюбленные братья и сестры, сколько строк в Священном писании указуют нам нашу неправедность, грехи, коим числа нет, дабы мы их признали и покаялись, — на одном дыхании продолжал отец Себастьян, и служба целиком

[17] Примечания: 17
Евангелие от Луки, 15, 18–19, из притчи о блудном сыне.

поглотила и сердце, и душу, и ум Люси. Перед первым гимном она встала и покосилась на Слоника: как хорошо, что он рядом. Сосредоточенно наморщив лоб, он запел вместе со всеми. В жизни он не мог правильно взять ни одной ноты, однако сейчас Люси это не раздражало, наоборот, она удивлялась и радовалась тому, что муж поет, а не мычит, по обыкновению, себе под нос.

Отец Себастьян построил службу на одном из пасхальных гимнов, а не на псалме, как обычно; и Люси казалось, что святой отец частенько посматривает на нее, будто силится вспомнить, где он мог ее видеть. А мог ее видеть он на фотографиях, присланных ему мистером Булабоем еще с неделю назад. Мистер Булабой сдержал слово и подарил Люси фотографии; две-три из них — в том числе и ту, где она стоит с мали у могилы Мейбл — Люси отослала Саре Лейтон. Мужу фотографии она еще не показывала, ни словом не обмолвилась она и о Саре и мистере Тернере, хотя он вот-вот приедет в Дели. Люси надеялась, что он привезет ей голубой оттеночный шампунь. Как только мистер Тернер напишет о дне приезда в Панкот, Люси непременно пойдет в парикмахерскую к Сюзи и не пожалеет последнего пакетика с заветной голубой краской на свои седины. А

Слонику она решила пока ничего не говорить, потому что он начнет ворчать: мол, связалась с незнакомым человеком. А ворчать Слонику вредно. Стоило ему несколько дней провести в покое — и он переменился: и выглядит лучше, и в церковь с нею пошел, и внимательнее стал.

Слоник вдруг громко крякнул и ухмыльнулся; Люси вздрогнула, череда ее мыслей прервалась. Хоть бы в церкви постеснялся! Но оглядевшись, она вдруг увидела, что вокруг много улыбчивых и смеющихся лиц. Да и сам отец Себастьян улыбался. Так что в мужниной ухмылке нет ничего предосудительного. Вся служба проходила весело. Люси вслушалась и сама заулыбалась. Но еще приятнее стало, когда к концу проповеди отец Себастьян посерьезнел, даже посуровел. Люси все же считала, что в церкви не пристало смеяться. Не смогла принять она и другое: во время молитвы при упоминании Святой Девы Марии она чуть преклонила голову, но отец Себастьян буквально бросился ничком на пол и продолжал бормотать молитвы себе под нос. Встал он лишь на последней весьма символической фразе: «А на третий день он восстал из мертвых». Прихожане зашушукались, закачали головами. Пропев гимны, Люси подумала, что, хотя они и будили в ее

душе светлую, полузабытую радость, было в них что-то и детски наивное. Странная получилась служба: умная и тонкая проповедь пополам с немудреными гимнами, приправленная едва ли не католическими обрядами. Прихожане расходились, улыбаясь, точно посмотрели кинокомедию. И Слоник улыбался.

Выйдя во двор, он остановил ее:

— Подожди!

Многие прихожане тоже не спешили уходить.

— А кого ждать-то?

— Святого отца, кого ж еще!

Люси ушам своим не поверила. Слоник изумил ее уже тем, что вообще пришел в церковь. А теперь задержался, чтобы поговорить со священником! Люси отошла в сторону перекинуться словом с капитаном Сингхом и его супругой, хотя они были едва знакомы — Сингхи в гарнизон прибыли недавно. Однажды они виделись на банкете офицерских жен, еще раз — на празднике Холи у Куку и Малютки Менектара. Люси даже не знала, что они христиане. Интересно, их крестили во младенчестве или взрослыми? Судя по фамилии,

они из сикхов [18] или раджпутов[19].

Появился отец Себастьян. На ходу он переговаривался с Сюзи. Мистера Булабоя не видно. Люси даже в церкви его не приметила. Прихожан обходил, собирая пожертвования, мистер Томас. Люси не хотелось самой подходить и знакомиться с отцом Себастьяном, разве что он сам узнает ее по фотографиям. Вот Сюзи представила ему Слоника, сама же Люси продолжала прерванную беседу с супругами Сингх. И тут же услышала, как муж окликнул ее.

Делать нечего, придется подойти.

— Познакомьтесь, это моя жена, — представил он Люси. — Я только что сказал отцу Себастьяну, что нам очень понравилась служба. Все очень живо и непосредственно. Я вообще-то не часто беседую со священниками. А сейчас дай, думаю, подойду. Как знать, вдруг в следующий раз и не получится.

— Для беседы время всегда найдется, — улыбнулся отец Себастьян.

---

[18] Примечания: 18

Сикхи — последователи сикхизма — секта в индуизме, превратившейся в XVI–XVII вв. в самостоятельную религию. Главным образом распространена в Пенджабе.

[19] Примечания: 19

Раджпуты — каста в Северной Индии.

— А я не только время имею в виду. — И тут же Слоник перевел разговор. — Вы остановились в семье Менектара?

— Нет. Меня до завтра приютила мисс Уильямс.

— А значит, завтра дневным поездом в Ранпур. А на той неделе к нам заглянете? Надеюсь, вы будете нас навещать чаще, чем старина Амбедкар.

— К сожалению, в следующее воскресенье у меня служба в Нансере.

— Жаль. У меня как раз день рождения десятого, в понедельник. У нас обычно собираются знакомые. Рады были бы видеть и вас. Когда к нам в следующий раз?

Вмешалась Сюзи:

— Отец Себастьян проведет у нас службу лишь двадцать третьего. А до этого у вас, святой отец, кажется, все дни заняты.

— Ну, на еду-то у вас время остается! — перебил ее Слоник. — Вот и заезжайте к нам перекусить. Не получится в воскресенье, оставайтесь до понедельника.

— У меня и понедельник уже расписан, тем не менее спасибо вам большое. — Он взглянул на Люси. — Мне и впрямь хотелось бы заглянуть к вам когда-нибудь.

— Зачем «когда-нибудь»? Давайте сейчас договоримся. Приходите к нам на обед в понедельник, двадцать четвертого.

— К сожалению, на обед меня уже пригласили.

— Ну, тогда отужинайте с нами. Живем мы «У Смита», Билли-бой покажет. Простите, мистер Булабой. Это я прозвал его так — Билли-бой.

Отец Себастьян замялся, снова взглянул на Люси. Что ей оставалось сказать?

— Приходите, когда вам удобно, мистер Себастьян.

— Благодарю вас, миссис Смолли. Благодарю вас, полковник. С удовольствием отужинаю с вами.

— Ну вот и прекрасно. Значит, договорились. Пошли, Люс, отца Себастьяна и другие люди ждут.

* * *

— Вот уж Билли-бой, наверное, бесится, — сказал Слоник жене по дороге домой. — Он говорил, что Сюзи поначалу всей своей протестантской душой этому новому преподобию воспротивилась. А теперь она Билли-боя и близко к своему святому отцу не подпускает; кстати, где-то он утром был. Небось сидел в ризнице да желчью исходил:

почему это Себастьян не у него в гостинице, а дома у Сюзи скоротал ночь.

— Слоник, опять ты за свое!

— А что? Что тут такого? «Скоротать ночь» — литературное выражение. А с кем скоротать — про то святым отцам отчитываться не обязательно.

Люси встала как вкопанная. А Слоник продолжал идти и, лишь пройдя несколько шагов, обнаружил, что жены рядом нет. Он обернулся:

— Пошли! Чего ждешь? Я есть хочу до смерти после всей этой свистопляски.

Люси глубоко вздохнула и медленно-медленно выдохнула.

— Если для тебя церковная служба — свистопляска, то, скажи на милость, кто тебя за язык дергал приглашать беднягу священника на ужин двадцать четвертого? Ты пристал к нему как репей. Ты не давал ему и рта раскрыть. И теперь же сам так унизительно говоришь о службе. А ужином-то, между прочим, заниматься мне. Как ему не хотелось приходить ни двадцать четвертого, ни в другой день. Но ты прямо клещами вцепился. Бедняга небось подумал, что ты и впрямь нуждаешься в помощи. Я по его лицу поняла: наверное, решил, что приглашают не просто из любезности и не для того, чтоб зануде старику

было с кем почесать язык. Отец Себастьян решил, что истинно нужен тебе.

— Конечно, нужен, разве нет?

Слоник повернул и в одиночку тяжело зашагал по дороге, Люси побрела следом. Впереди нее шел худой, жалкий старик, с которым невыносимо, но еще невыносимее без него. Зачем вообще жить, если его не будет рядом? На перекрестке он остановился, подождал жену — вдвоем не так опасно переходить улицу, по которой снуют машины.

* * *

В понедельник после Пасхи подошел день рождения Слоника. Ему исполнился семьдесят один год. В Англии этот возраст — еще не глубокая старость.

Гостей Слоник не пригласил, однако получил с посыльным поздравительные открытки от четы Менектара, Шринивасан, Митра и от Билли-боя. Перед завтраком Ибрагим повесил Слонику на шею гирлянду росистых и душистых цветов, а Люси — гирлянду поменьше.

Люси тоже поздравила мужа открыткой и подарила шариковую паркеровскую ручку в пару к его перьевой. Ручку эту она заказала еще с месяц тому назад у часовщика и ювелира (а заодно

фармацевта и галантерейщика) Гуляб-Сингха.

По случаю дня рождения супруги поцеловались. Слоник вышел на веранду, и там его встретила Мина тоже с гирляндой цветов. Слоник тут же опять скрылся в доме. На столе стыло вареное яйцо к завтраку. Наверное, заперся в туалете и плачет, решила Люси и не пошла следом за мужем, а подозвав Мину и Ибрагима, сунула им денег — бакшиш — для гостиничной прислуги, для них самих и чтоб не обошли мали. Очевидно, это он поставил на стол букет бархотцев.

За завтраком Люси вспомнилось, как прошел первый день рождения Слоника в Мадпуре — в тот день они как раз переезжали на новое место. Махараджа прислал корзину с фруктами, меж ними золотые часы для юбиляра и золотой браслет для супруги. Оба подарка пришлось, извинившись, возвратить.

Слоник все не выходил на веранду. Уже принесли почту: еще пара открыток Слонику, множество счетов и письмо. Адресовано Люси. Она отнесла его на кухню и там прочитала. Письмо пришло из Дели и написано, судя по дате, четыре дня назад.

«Уважаемая миссис Смолли!

Миссис Перрон любезно дала мне Ваш адрес и номер телефона и сказала, что Вы с полковником

Смолли любезно согласились уделить мне некоторое время, если я окажусь в Панкоте. Несколько дней назад я прибыл в Дели и двадцать четвертого вылетаю в Ранпур. Двадцать пятого я завершу там дела, и в моем распоряжении будет пять дней до тридцатого, когда я должен вылететь в Калькутту. В это время я бы и смог Вас навестить. Из Ранпура я Вам позвоню, скажу, какого числа я приеду. Надеюсь провести в Вашем обществе день-другой и не сомневаюсь, что знакомство с Вами окажется приятным. Сара сказала мне, что в Панкоте две гостиницы, и если мне не удастся заказать себе место из Ранпура, Вы, надеюсь, не откажетесь помочь мне устроиться „У Смита“. Мне кажется, даже название это располагает к уюту больше, нежели „Шираз“. С нетерпением жду нашей встречи. Сара передала со мной для вас кое-что.

С искренним приветом, Дэвид Тернер».

* * *

— Кроме открыток что-нибудь есть? — осведомился Слоник.

Люси замялась:

— Только счета.

— К чертовой матери счета.

— Верно. Туда им и дорога. Особенно сегодня.

— Слышь, Люс?

— Да, дорогой?

— А не пойти ли нам вдвоем на обед в «Горный зал»?

Когда Слоник заговаривал с ней так, у Люси переворачивалась вся ее старая доверчивая душа.

— Ну что ты! Такая роскошь! А вдруг там встретятся знакомые, разобиженные тем, что их не пригласили на «легкий ужин».

— Ничего, перебьются. А что сегодня идет?

— Где идет?

— Ну, в кино. Сегодня же понедельник. Ты всегда ходишь по понедельникам в кино. Сегодня, пожалуй, и я бы сходил.

— А как же Билли-бой?

— Перебьется.

— Ну тебе же скучно в кино. А мне не хочется, чтобы ты скучал. Мы можем пообедать тихо-спокойно дома, а на ужин пойдем в «Горный зал».

— Не хочу я тихо-спокойно обедать дома. А вот в кино хочу!

— Значит, так и поступим. Сегодня же твой день.

Люси послала Ибрагима в кино купить два билета, какой бы фильм ни шел. Ибрагим сел

на велосипед и уехал, а Люси пошла гулять с Блохсой. Зашла в «Шираз» и заказала в «Горном зале» укромный столик на вечер. А вернувшись, застала Слоника на коленях у его любимой клумбы с каннами, он вилкой рыхлил землю, а мали обрезал кустарник в другом конце сада. Люси ничего не могла понять. Слоник поднял глаза.

— А, Люс, привет! Удачный ли сегодня был день?

— Да он еще только начался, — ласково ответила она.

— Ну и что же? Я хочу сказать: удачен ли он был до сих пор?

— День просто на диво! А удачен ли он для тебя?

— Да вот, вилка ни к черту не годится.

— А где ты ее взял?

— На кухне.

— Не припомню, чтобы на кухне я держала садовые принадлежности.

— Да я этой вилкой когда-то в цветочных горшках землю рыхлил. Была вилка как вилка, а сейчас хоть выбрасывай.

— Особенно не увлекайся. На солнце так припекает. Пойдем-ка в дом, я налью тебе пива.

В гостиной она задержалась, обхватив шею

руками.

* * *

В кинотеатре Слоник заснул. Пробуждался он от хохота в зрительном зале, одобрительно крякал, дабы жена думала, что и ему фильм нравится. Люси была довольна, что они попали на комедию. Правда, она уже видела этот фильм с Дорис Дей и Джеймсом Гарнером. Дорис Дей вопреки воле мужа становится рекламной звездой, и благодарные владельцы фирм в одночасье, чтобы ошеломить сюрпризом, сажают сад подле ее дома и устраивают бассейн. Но ошеломляют они Джеймса Гарнера, мужа Дорис Дей. Он заворачивает по привычке на дорожку к дому, въезжает прямо в бассейн, и медленно-медленно машина тонет, а лицо у Джеймса Гарнера и впрямь совершенно ошеломленное. Слонику очень понравился этот кадр. По дороге домой он, вспоминая его, всякий раз усмехался. Нужно, говорит, посоветовать Билли-бою так же наскоро вырыть бассейн во дворе у гостиницы, пока толстуха сидит в клубе за карточным столом. А к ночи вернется и прямо с коляской — плюх!

А назавтра Слоник вновь предстал в старом обличье: ворчливым и мрачным.

* * *

После дня рождения Слоника наступил следующий понедельник, обычный, семнадцатое апреля. Мистер Булабой и Слоник уединились вечером за бутылочкой, а Люси пошла в кино и в бог знает который раз посмотрела «Привет, Долли». Песенка из фильма привязалась, и целую неделю Люси повсюду напевала ее.

— Может, пора с Долли и распрощаться! — не выдержал супруг, когда Люси собиралась в церковь — то было воскресенье, двадцать третьего апреля. — Не забудь, напомни отцу Себастьяну, что завтра мы его ждем на ужин.

— Непременно. К которому часу его пригласить?

— К половине восьмого. Как у нас заведено.

— Значит, в половине восьмого мы начнем с того, что предложим гостю выпить. А дальше? Вдруг он вообще не пьет?

— В жизни не встречал священника, который бы не пил, как лошадь. И что означает это твое — «а дальше»?

— Ужинаем ли мы дома или в ресторане «У Смита»?

— Надо подумать.

— Когда все обдумаешь, не забудь сказать мне. И хорошо бы решить уже сегодня. Завтра утром я буду очень занята.

— Чем это?

— Я же вчера говорила. Мне нужно подкрасить волосы и сделать прическу.

— Для кого? Для отца Себастьяна, что ли?

— Не только. — Люси улыбнулась. — Ну, я пошла. Не скучай.

Глава двенадцатая

Воскресенье, 23 апреля, обернулось сущим бедствием для мистера Булабоя. А о субботе лучше вообще не вспоминать — ад кромешный! В субботу Лайла дошла до рукоприкладства. Наорала на него, посмела толкнуть, и все на глазах Прабу, повара, и Мины.

Началось с того, что позвонил юрист из Ранпура. Трубку поднял мистер Булабой, так как единственный в гостинице телефон находился в его крошечном «кабинете». Даже в комнате у Лайлы не было аппарата. Она терпеть не могла телефон. Когда ей случалось брать трубку, она орала так, будто собеседник на Северном полюсе. Втиснувшись в каморку «Дирекции», она принялась по обыкновению кричать. Мистер Булабой ждал за дверью. Юрист сообщил ему, что мистер Панди дневным рейсом вылетает в Панкот, для того чтобы срочно обсудить какие-то дела. Потом юрист попросил к телефону лично Лайлу.

Видно было, что каждое его слово приводит Лайлу в неописуемую ярость. Ее многочисленные подбородки тряслись, усы топорщились.

— Жулье! Жулье! — только и повторяла она,

добавляя, правда, что-то по-пенджабски. Потом остервенело бросила трубку, с трудом выбралась из каморки и набросилась на мужа. — Дурак! Набитый дурак!

И как толкнет его!

Это на глазах-то прислуги!

Толкнула она его пребольно. Но еще больнее ударило унижение.

— Ты чего толкаешься? — прокричал он вслед массивным телесам, проплывшим обратно в спальню.

— Тебе, дураку, еще мало! — гаркнула она и хлопнула дверью. Уже из спальни она зычно крикнула Мину. Та прибежала, по обыкновению приложив ладонь к губам: смешно, будто издалека зовет. Мистер Булабой вбежал в свой утлый кабинетик и тоже хлопнул дверью. Стекло жалобно зазвенело. Из спальни вышла Мина и остановилась перед каморкой. Мистер Булабой поднял верхнюю стеклянную панель.

— Что нужно?

— Хозяйка требует.

Он опустил стекло, хлопнув еще громче, и сделал вид, что разбирает бумаги. Выждал некоторое время, хотя и вечность не смогла бы исцелить его от стыда и злобы. В жизни она на него не подни-

мала руки, а тут — на тебе! Наконец, он пошел к ней в спальню. Лайла сидела на кровати, широко расставив колени, вывалив огромный живот, понурив голову и опершись локтями о колени. Но вот она медленно подняла на мужа взгляд.

— Лицо фирмы! Доброе имя! А я, дура, его слушала!

— Какое лицо? Какое имя?

— И ты еще спрашиваешь! Наглец! Кто мне все уши прожужжал: дескать, мы должны сохранить доброе имя нашей гостиницы! Кто, я спрашиваю? Кто вообще завел разговор о нашей репутации?! И вот, пожалуйста, дорого же нам обошлось это «доброе имя»! Вместо выгодных условий мне предложили черт-те какие. А все ты: «сохраним лицо фирмы», «сохраним наше доброе имя» — вот и досохранялись. Дурак! Боже, какой дурак!

— И не стыдно тебе мужа так называть?

— Не стыдно. Потому что он дурак.

— Если я дурак, то и ты не умнее. Я ведь лишь просил, чтобы в твоих переговорах с консорциумом не пострадало наше доброе имя. Это вполне понятно. А им лишь бы посмеяться над тобой. Прислали договор, а ты, по своей жадности, давай выговаривать лучшие условия. А они знай себе смеются: хуже прежних условия поставили. Так

чем же я виноват? В том, что ты жадная? Вини в этом лишь себя. Ничего, в консорциуме все тебе под стать. Один жадней другого. Только мне до этого дела никакого нет! Я всего лишь директор. Беда моя в том, что я женился на жадине, а она, к сожалению, еще и хозяйка гостиницы. Ей ничего не стоит оскорбить мужа на глазах у прислуги: толкнуть что есть сил. Я этого не позволю!

— Тебя мало толкнуть, тебя надо вышвырнуть вон! Понял?! Вон! Я увольняю тебя. По контракту я обязана уведомить тебя за месяц.

— Мужа нельзя уволить, Лайла.

— Что правда, то правда. С мужем можно только развестись.

А вот уволить директора — раз плюнуть.

— Да мне-то что! Увольняй сколько хочешь. Через месяц-другой здесь уже ничего не останется. Ты же спишь и видишь, как избавиться от гостиницы. Так что мне на работу плевать, как тому хиппи, что торчал в Панкоте с месяц и ночевал на базаре на голой земле. Только и он дурак. Вообразил, что в Индии все живут духовной жизнью. Такие дураки со всего света к нам стекаются, понавешают на себя побрякушек, накурятся опиума до одури, начитаются об индуизме. Но их доля куда завиднее: над ними не измывается жадная

толстуха жена, которой все бы вокруг снести и понаставить бетонных коробок, как на Западе.

Еще слово — и он свалится замертво. Мистер Булабой повернулся и пошел прочь.

— Ну-ка, подойди!

— Меня ждут дела!

— По делу я тебя и зову. Пока ты еще на службе и будь любезен: займись делами. Напиши, к примеру, уведомление полковнику Смолли, чтоб съезжал. Скажи: дескать, невозможно продлить договор на будущий год, и аренда «Сторожки» истекает в июне. Посоветуй ему подыскать другое жилье. Укажи, что в с первого июля, в связи с реорганизацией нашей гостиницы, номера сдаются с еженедельной оплатой без гарантий на продление срока.

— Зачем писать о «реорганизации»? Так и напишу: «В связи со сносом».

— Напишешь так, как я сказала! Пока ведется реорганизация, они с женой могут переехать в «Шираз».

— Ну и шутки у тебя! «Шираз» им не по карману!

— По карману или нет — не моя забота. Меня это не касается. Небось, когда англичане здесь хозяйничали, им и в голову не приходило, как мы

живем. Так что мы квиты. — И она ожесточенно шлепнула себя по груди.

— Я не стану писать такое письмо старому другу.

— А я приказываю, чтобы дирекция отправила уведомление! Приказываю, чтобы директор собственноручно его и написал! И чтоб отдал мне на подпись. Я лично прослежу, чтобы уведомление было послано!

— Но таким письмом мы доведем полковника до второго инфаркта.

— А что, разве я еще и за здоровье его отвечаю?! — вскинулась миссис Булабой. — Он тоже дурак дураком: не понял намека в прошлогоднем письме. Времени у него было предостаточно, чтобы о жилье побеспокоиться. Я ждать больше не стану. Пока ему не послано уведомление, я не могу подписывать новый договор с консорциумом: в договоре предусматривается, что у меня не останется никаких обязательств перед постояльцами. Это твоя вина, а не моя. Рано или поздно им пришлось бы съезжать, а ты дотянул до последнего.

— Что же ты собираешься делать? — тихо спросил мистер Булабой. Кажется, его загнали в угол. — Что же станется со «Сторожкой»?

— Тебя это не касается. И я лично с ней ничего не собираюсь делать. Это уже заботы консорциума. И мне думается, для тебя у них работы не найдется. Так что считай, что тебе повезло с женой, она, хоть и жадина, зато при деньгах. Была б еще богаче, если б за дурака замуж не вышла. Напишешь уведомление сегодня же. Копию я покажу мистеру Панди, как только он приедет.

* * *

— Готово письмо? — спросила она позже.

Мистер Булабой лишь покачал головой: занят был очень, минутки свободной не нашлось.

— Чтоб завтра утром написал!

— Завтра не получится. Завтра у Дирекции выходной. Завтра воскресенье.

— Хорошо. Напиши вечером.

— Вечером меня ждут дела в церкви. С утра до вечера у Дирекции выходной.

— Больше я напоминать тебе не буду. Но если утром в понедельник, прежде чем я подпишу договор, у мистера Панди не окажется копии уведомления, он повезет обратно в Ранпур и мое заявление о разводе с тобой.

— Неповиновение жене — еще не повод для развода. Если тебе нужно уведомление, напиши

сама.

— Это твоя работа. Тебе за это платят!

— За подобные «уведомления» следовало бы платить больше: а мне, с тех пор как я женился на хозяйке, жалованье не прибавили.

— Так это ты жадина! Тебя поят, кормят, дают деньги на развлечения. Более того, тебе еще от меня ласка достается. Так вот и близко к моей постели не подходи, пока уведомление не напишешь. А там видно будет. А что до повода к разводу, так я уж найду что написать.

Мистера Булабоя пробрала дрожь, а миссис Булабой злорадно рассмеялась.

— К примеру, твои похождения в Ранпуре. Что ж, по-твоему, я и знать ничего не знала? Просто я мыслю трезво: что путного можно ждать от мужа, если он сексуальный маньяк! Напишешь уведомление, может, я и прощу тебе Ранпур. Глядишь, скоро начнем развлекаться в Бомбее или Калькутте. Консорциум планирует открыть гостиницу и в Гоа. Вот уж где тебе раздолье! В Гоа любовь на каждом углу! Там эти белые хиппи никого не стесняются. А сколько там церквей! Больше, чем домов! И туристов с Запада видимо-невидимо, все жаждут увидеть Индию «в натуре». Вот хиппи увидели и неплохо устроились.

И толстуха захохотала. Кровать заходила ходуном. Живот заколыхался, груди запрыгали. Мистер Булабой чувствовал себя нищим попрошайкой с протянутой миской; может, ему, голодному и убогому, и бросят грош, но для этого надо непременно подольститься к благодетелю и ублажать его. «Что же делать?» — растерянно думал он, выйдя из спальни. «Не хочу я ни в какое Гоа. Хочу жить здесь, жить долго-долго. И потом люди в церкви, указывая на стертые плитки пола у алтаря, будут говорить: „Здесь стоял на коленях Фрэнсис Булабой. Это его следы“».

* * *

Но даже в церкви не нашел он утешения. В семь часов утра в воскресенье, 23 апреля, он отправился туда на велосипеде. Встал на колени, помолился; скоро появится и Сюзи с цветами. Он знал, что отец Себастьян приехал ночным поездом из Ранпура и что, скорее всего, снова заночует у Сюзи. До чего ж хотелось мистеру Булабою, чтобы отец Себастьян остановился «У Смита», как в былые времена — Том Нарайан. Ведь отец Себастьян — истинный пастырь, в коем нуждается церковь, такой не станет искать ночлега в самом богатом и знатном доме. Но

священник тем не менее предпочел домик Сюзи и ее общество мистеру Булабою и его гостинице.

* * *

Уже восемь часов, а Сюзи все нет. Мистер Булабой встревожился. В девять часов он уже мерил беспокойными шагами тропинку от ворот к церковному крыльцу. Конечно, раньше одиннадцати служба не начнется, но Сюзи никогда так не задерживалась. Мистер Булабой уже начал строить всякие предположения, как, наконец, в десять часов Сюзи появилась вместе с отцом Себастьяном. Приехали они в экипаже, буквально утопая в цветах. Отец Себастьян, как всегда, улыбался. Рядом с его черным лицом лицо Сюзи кофейного цвета казалось едва ли не белым.

Она, оказывается, ездила на вокзал встречать святого отца, а потом они вместе позавтракали. Теперь же (опять-таки вместе) принялись убирать церковь цветами, а мистер Булабой оказался не у дел. Он все же потом подошел к отцу Себастьяну и предложил уединиться в ризнице и обсудить финансовые вопросы. Однако священник безмятежно бросил:

— Я у вас до вторника, а сегодня такое чудное утро, давайте же выйдем на солнышко. Мне хоте-

лось бы вас кое о чем расспросить.

Сюзи следом за ними не пошла, хотя мистер Булабой великодушно позвал ее:

— Пойдем с нами. На солнце так хорошо.

— Некогда, мне еще кое-что нужно здесь сделать.

— Скажите-ка, — начал священник, когда они вышли во двор (интересно, а что ж это Сюзи нужно еще сделать?) — а вот та дама, англичанка, что приходила к нам на Пасху с мужем, полковником…

— Смолли, — подсказал мистер Булабой.

— Да, именно. Не она ли случаем на фотографиях церковного двора?

— Да, она и есть.

— В статье, о которой я упоминал, я помещу эту фотографию и еще одну, ту, где удачно получился интерьер. Часто ли миссис Смолли бывает в церкви?

— В последнее время не очень. Правда, с января ее муж тяжело болеет.

— Ах, вот оно что. Завтра вечером они пригласили меня на ужин.

Для мистера Булабоя это явилось новостью. В понедельник Слоник даже не обмолвился о предстоящем визите, лишь заметил, что «позна-

комился с новым священником». Ясно, подумал мистер Булабой, снова обошлись без меня.

Не спеша они вернулись в церковь. Мистер Булабой проверил, на месте ли молитвенники и сборники гимнов. Из ризницы до него донесся смех Сюзи и отца Себастьяна. Мистер Булабой воззрился на алтарь.

— Господи, даже здесь я лишь администратор.

И пока не пришло время звонить в колокол, он просидел в уединении.

* * *

Люси услышала колокольный звон, когда направлялась экипажем в церковь. Ей вспомнились «Посвящения» Донна[20]: «Не торопись узнать, по ком звонит колокол. Ибо он звонит по тебе». Печальные и прекрасные слова отнюдь не огорчили Люси. Всякий раз, вспоминая их, она мысленно видела заключительные кадры фильма: Грегори Пек увозит Ингрид Бергман на лошади. Фильм тот не очень понравился Люси. Ей и запомнился-то лишь конец. Подъехав к церкви, Люси расплатилась с возницей. Прихожане все прибывали. На будущей неделе, может в

---

[20] Примечания: 20
Джон Донн (1572–1631) — английский священник, поэт.

четверг, она приведет сюда мистера Тернера. Он представлялся ей простым и доступным. С ним будет приятно потолковать о самом обыденном, о том, что интересует ее и по сей день: о фильмах, пьесах, легкой музыке.

— Я, знаете ли, всю жизнь прожила затворницей, мистер Тернер. В наше время в Индии кино, театр, концерты были не в почете именно потому, что все эти развлечения не на открытом воздухе.

Вы небось назовете меня заурядной обывательницей. Ведь аристократы и те, кто к ним примазываются, непременно должны заниматься каким-то спортом под открытым небом, иначе им и жизнь не в радость. Я же — затворница и находила удовольствие в «затворнических» развлечениях, кино и театр помогли мне прожить не одну, свою, а множество жизней.

Она улыбнулась и кивнула супругам Сингх; вошла в церковь, выбрала одну из задних скамей, встала подле нее на колени и начала молиться.

Она может перевоплотиться во что и в кого угодно. Закрыв глаза, она вдруг увидела себя под сенью пальм. Она — Рене Адоре и стремглав бежит за грузовиком: уезжает на фронт ее возлюбленный Джек Гилберт — из «Большого парада», то был один из немногих старых немых филь-

мов, которые она видела. Вспомнился еще один — «Седьмое небо», ее привела на него девушка, похожая на Клару Боу. А «Большой парад» она смотрела с братьями-близнецами Считалось, что этот фильм учит мужеству. Как жалели братья, что не удалось им повоевать в первой мировой, как старались они восполнить этот пробел, строя из себя этаких «славных малых». Они потешались, глядя, как сестра плачет: на экране Рене Адоре прощалась с Джеком Гилбертом, цеплялась ему за руки, за сапоги, бежала за грузовиком, увозившим его и других солдат на фронт. Потом она отставала, и следовали прекрасные заключительные кадры: все дальше и дальше, все меньше и меньше фигурка героини. Одна-одинешенька на грязной дороге. Как ненавидела Люси близнецов за то, что смеялись над ней, подтрунивали, когда шла сцена в окопе: Джек Гилберт пощадил раненого немца, а потом заговорил об ужасах и жестокостях войны. «Да сам-то еще и пороха не нюхал!» — громко на весь зал бросил Дэвид. На него даже зашикали. Как ненавидела его тогда Люси за то, что он осмеял Джека Гилберта, точнее, даже не его, а Тула, ибо Гилберт в своей пехотной солдатской форме до умопомрачения напоминал ей Тула.

Люси открыла глаза, села на скамью; скоро начнется служба.

Тул — это первый мужчина, разбудивший девичью душу. Люси вспомнилось, как она трепетала, сидя на заднем сиденье «роллс-ройса», пока машина везла их в церковь. И так каждое воскресенье летом 1919 и 1920 и 1921 годов. Было ей в ту пору соответственно четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет, а близнецы — тремя годами старше. Ее просто зачаровал затылок Тула. Ничто прежде так не будоражило ее. Братья же вечно смеялись над его фамилией, рифмовали с чем-то неприличным и до поры непонятным ей.

В прежние времена в Панкоте после службы из церкви выходили сначала офицеры по старшинству, рядовые же сидели на местах, дожидаясь, когда наступит и их черед; и порой Люси виделся среди них Тул. Она запоминала его, и долго после этого в воображении ее он был все время рядом. Она не отдавала себе отчета, почему так получается, почему столько лет Тул безраздельно владеет ее душой.

Во время первой мировой войны Тул служил денщиком-шофером при сэре Персивале. Близнецы говорили, что Тулу досталось «теплое» местечко: ведь дядя Перси ни разу не ездил на

фронт. Люси в душе не могла примириться с этим. Конечно же, Тул воевал и терпел лишения, прежде чем попал в денщики к дяде Перси. И конечно же, ему не терпелось опять в окопы, а роль прислуги была постыла, однако — что поделаешь! — приходилось возить дядю Перси в штабной машине, чистить его сапоги. Потом был заключен мир, и оба они вернулись в Пирс-Куни.

Тул был из местной крестьянской семьи, батрачившей на дядю Перси. Люси казалось, даже по затылку Тула видно, сколь ему горько, что после войны не изменилось его зависимое положение.

Но все же водить машину лучше, чем ходить за плугом. Тул даже радовался, что специальность, полученная в армии, пригодилась ему и после войны, и его наняли шофером, ведь в те годы с работой было трудно.

Машину он водил уверенно и предельно осторожно. По крайней мере, так казалось Люси. Еще Люси случалось увидеть его в гараже (бывшей конюшне): засучив рукава, он либо лежал под машиной, либо, подняв ее капот, ковырялся в двигателе. Он беспрестанно протирал машину, чистил до блеска. Сверкавший под лучами летнего солнца капот завораживал Люси. И внутри на плисовых чехлах сидений ни пылинки, ни

соринки. В окошках, казалось, не было стекол — до того чисты. Все это Люси примечала, так сказать, во вторую очередь. В первую же — конечно, самого Тула, в коричневой униформе с высоким тугим воротничком, со множеством пуговичек спереди; а сзади расходились от поясницы к плечам швы-полоски. Форма облегала его очень плотно, до чего ж ему в ней жарко и тесно, думала Люси, ведь его загорелой шее и рукам (в коричневых перчатках) привычнее и приятнее солнце и ветер.

Тул разговаривал мало. Близнецы иногда расспрашивали его об устройстве машины, и он коротко отвечал. Люси не понимала ни смысла, ни самих слов, зато близнецы оставались довольны, их забавлял выговор Тула; особенно как он произносил слово «цилиндры», и они нарочно задавали вопросы так, чтобы ему не миновать этого слова в ответе. Говорили они с ним задиристо и свысока, словно молодые господа.

Люси казалось, Тул догадывается, что мальчишки шутки ради заставляют его произносить слово «цилиндры», в котором сочно, как у каждого сомерсетца, раскатывались согласные. Иногда ему удавалось избежать коварного слова. Тул был простак, но не дурак. Замечал он и то, что братья

посмеиваются над его фамилией, нарочито часто произнося ее. А порой Люси чувствовала, что Тул их презирает, хотя ничем не выказывает этого. К ней же всегда относился любезно и галантно (открывал перед ней дверцу машины, предоставляя братьям выбираться самим). Другое дело — близнецы. Их (хотя и в разной степени) он недолюбливал и понимал их положение: дети бедной родственницы его хозяина. Их приглашали только для того, чтобы скрасить унылую жизнь болезненного хозяйского отпрыска, чтоб тот хоть в малой степени научился общению (ведь ему предстоят годы суровой учебы в Итоне). Пока же из-за бесчисленных болезней его переводили из одной приготовительной школы в другую, а чаще всего (не считая каникул) он находился дома, под материнским крылышком. Тул был уже не мальчик, поэтому отлично понимал, что, привечая детей кузины в своем доме на лето, хозяин лишь бросает подачку дальней своей родственнице, выросшей, правда, под крышей его дома. Затем она полностью оправдала свое предназначение: удачно вышла замуж за священника и, хотя Господь не послал ей богатства, зато наградил двумя молодцами-сыновьями, а потом вдогонку она принесла еще и дочку. Конечно же, простому

священнику не по карману посылать всех троих летом на отдых, а дядюшка Перси принимал их во благо своего больного дитяти, которого как своего пестовала мать Люси. Больной мальчик, однако, выдержал впоследствии тяготы Итона, успешно окончил Оксфорд и погиб в окопах.

Сызмальства Люси приучили писать дядюшке Перси открытки на Рождество и ко дню рождения. Мама, очевидно, надеялась, что столь знатное родство еще принесет им немало благодеяний. Но вскоре все закончилось. В 1921 году они в последний раз съездили на каникулы к дяде. Следующей весной старый вдовец и сам приказал долго жить, а имение его перешло к племяннику, рассудившему, что бедные родичи ему ни к чему. Малышка Люси нимало об этом не жалела. Наоборот, скорее радовалась. Ведь каникулы в 1921 году начались так замечательно, а закончились ужасно. Посреди Лета пропал Тул. Вместо него на службу взяли невзрачного, плюгавого человечка. Был он омерзителен: за льстивой и подобострастной личиной таилась душа наглеца и спесивца. Почему исчез Тул, оставалось загадкой, об этом не упоминали. Но однажды Люси подслушала разговор братьев.

Оказывается, у Тула в деревне была девушка;

братья, не признавая слово «любовь», говорили, что Тул с ней «шашни завел». Но девушка оказалась ему не ровня, из фермерской семьи, и отец уже выбрал ей жениха из такой же семьи. Девушка мечтала выйти замуж за Тула, а Тул мечтал жениться на ней. И вот они оба пропали, один за другим. Уже несколько лет спустя один из близнецов, Марк, по натуре более мягкий, чем брат Дэвид, в грустную минуту поведал Люси, что сталось с Тулом и девушкой. В ту пору Марк сам тосковал о девушке, которую они никак не могли поделить с братом. Мать же, полагая, что это недостойная ее сыновей пара, отвадила девушку от дома.

Марк сказал Люси тогда в саду:

— Помнишь Тула? Так вот, он той девушке немало горя принес. Ты уже не маленькая, Люс, понимаешь, о чем я. Обещал, правда, жениться, у него ведь квартирка своя над гаражом была, жалованье приличное, работа хорошая, да и хозяин неплохой. И жил бы он припеваючи: выпускались все новые и новые моторы, а Тул в них разбирался как никто. И вот приходит он раз домой к невесте, чтобы с родителями ее переговорить. А девушки-то и нет. Отправили ее к родным в Корнуэлл. Встретили Тула отец

невесты, жених да отец жениха и избили до полусмерти. А потом отвезли на милю от деревни и бросили на обочине. Сколько часов он без памяти там провалялся, никто не знает. А вернулся в деревню, сложил вещи и поутру — к дяде Перси. Увольняться. Денег, конечно, не взял: раз не предупредил хозяина об уходе, значит, подвел его. Он решил поехать в Корнуэлл и найти девушку. И с тех пор как в воду канул. Думаю, что он ее нашел-таки, — закончил рассказ Марк. — И наверное, они уехали куда-нибудь вместе. Да, вот мне бы его решимость.

— А откуда ты все узнал? — спросила тогда Люси.

— Да этот слизняк, что после него работать стал, рассказывал. Ну и подонок! Бывало, положит руку мне на колено, улыбнется этак гаденько и приговаривает: «Ты на девочек себя не трать». Прости, сестренка, что об этом речь завел.

Встал и ушел. Ушел навсегда, как и Тул. Больше Люси не разговаривала с Марком по душам. Работал он в страховой компании, а выходные дни проводил с Дэвидом (тот был бухгалтером), копаясь в моторах своих машин или лежа под ними. Свои «шарабаны» они покупали по дешевке у богатых друзей. По воскресеньям двое здоровенных

парней (им было уже под тридцать), втиснувшись в свой очередной «шарабан» и оглушая ревом мотора, отправлялись на свидания к девушкам. Матери, конечно, девушки не нравились, и в дом она их не приглашала. И вот однажды, в воскресенье, «шарабан» взревел в последний раз и унес лихих ездоков на свидание с Костлявой: их машина врезалась на дороге в другую.

* * *

— Да пребудет с нами милость Господа нашего, Иисуса Христа! Да не иссякнет любовь Божия и да осеняет нас Дух святой во веки веков. Аминь.

— Аминь! — перекрестилась Люси. Служба закончена, а она все это время думала о своем. Чисто механически выполняла нужные ритуалы: то поднималась со скамьи, то опускалась на колени, пела гимны, то Сидела, присмирев, вспоминая Пирс-Куни и давнюю пору.

Благословив паству, отец Себастьян не ушел. Он стоял скрестив руки на груди. Никто не осмелился покинуть церковь раньше святого отца. Воцарилось напряженное молчание. И вдруг раздался звук. Отец Себастьян улыбнулся, воздел руку. А звук, точнее одна-единственная нота, парил над прихожанами. У Люси даже перехватило

дыхание, столь давним, полузабытым прилетел в церковь этот звук и словно ветром всколыхнул прихожан.

Звучал орган! Вот полилась знакомая мелодия, но название уже не припомнить. Гимн, свободный, звонкий, понесся ввысь. Иногда орган срывался, еще бы, он так долго молчал! Но главное — сейчас он снова заиграл! Люси подняла голову. Подле фортепьяно никого нет. Значит, наверху, за органом — Сюзи.

Вот музыка достигла кульминации, отец Себастьян с большим крестом в руках покинул алтарь и медленно пошел по проходу под звуки гимна и изумленный шепот прихожан, они кланялись, кивали святому отцу, а он шествовал к западному выходу.

* * *

На крыльце он задержался; держа крест в левой руке, правой пожимал руки прихожан. Орган все играл. Люси выбралась из церкви не сразу. Отец Себастьян пожал руку и ей.

— Миссис Смолли, если не ошибаюсь? — спросил он.

— Нет, отец Себастьян, не ошибаетесь. Какая чудесная заутреня! Каким это чудом вдруг заиг-

рал орган?

— Немного уменья, побольше веры и… игра мисс Уильямс. — Очевидно, на завтрак отец Себастьян ел чеснок. — Ведь это вы сфотографированы у церкви?

— Да, на двух-трех фотографиях. Так мы ждем вас завтра. Муж очень просил напомнить. В половине восьмого, хорошо? — И, окончательно расчувствовавшись, прибавила. — И Сюзи берите с собой. Я ее знаю с пеленок.

Глава тринадцатая

По дороге домой она пожалела, что так опрометчиво пригласила Сюзи. Остается лишь надеяться, что завтра утром, когда они увидятся в парикмахерской, Сюзи откажется от приглашения, сославшись на занятость. За все время их знакомства они ни разу не наносили друг другу визитов и не были накоротке: Сюзи обращалась к Люси не иначе как «миссис Смолли», а к Слонику — «полковник Смолли», хотя для обоих супругов она была просто «Сюзи». Она не позволяла ни малейшей фамильярности, при том что у супругов больше не осталось таких давних знакомств в Панкоте; Сюзи частенько доводилось бывать в «Сторожке», но лишь по делам, так сказать, профессиональным, и их дом она знала не хуже своего собственного.

Люси пожалела о приглашении, и тут же ей стало стыдно. Хотя первый урок, преподанный ей в Индии, был таков: нельзя водить дружбу с полукровками; Люси быстро научилась распознавать по мелочам, по малозаметным черточкам в совершенно белых на первый взгляд людях, которые без зазрения совести называют себя

белыми, индийскую кровь. Ей втолковывали, что евразийцы (или англо-индийцы, как стали их потом называть) очень преданы англичанам, что они составляют надежную прослойку средних и мелких чиновников. Особенно много их на железной дороге. Эти люди тяжко тосковали по родине, которую они никогда не видели и вряд ли когда увидят. Они довольно успешно противостояли взяточничеству и подкупу, до которого необъяснимо падким оказалось местное население. А если принять во внимание такую национальную индийскую черту, как леность, то и впрямь без евразийцев управлять такой огромной страной было бы куда труднее.

Хорошие работники и надежные люди — этого у них не отнять. Но присуще им и другое: протяни палец — всю руку отхватят. И еще: они-то, конечно, неповинны, что уродились полукровками, но своим существованием они как бы связывают белых и цветных, а связь эта долгие годы отнюдь не поощрялась.

Большинство полукровок — плоды любовных связей (сколь печальных, столь и порицаемых) между женщинами-индианками или полукровками и нижними чинами британской армии. Занять каждую минуту солдатской жизни — дело

трудное, и при случае солдаты берут этот труд на себя. Да и что ожидать от мужчин, служащих родине и королю в Индии, причем немало лет. Жизнь есть жизнь. На беду, многие из этих связей были внебрачными, а случалось, что индийская жена временно заменяла супругу, оставшуюся в Англии. Как бы ни разнились причины появления на свет де-тей-полукровок, их становилось все больше, так как полукровки старших поколений вступали в браки меж собой. И жизнь у таких семей, по мнению Люси, невеселая, очень обособленная и до смешного нарочитая, проанглийская. Люси всякий раз бывала растрогана до слез, когда ей рассказывали про какого-нибудь солдата, который женился на девушке-полукровке и увез ее в Англию; или о солдате, который влюбился и в местную девушку, и в Индию и даже остался на сверхсрочную службу или, демобилизовавшись, осел в Индии.

Таким-то мужчиной и был, по всей вероятности, отец Сюзи. Люси помнила, как много лет назад овдовевшая миссис Уильямс говаривала: «Лен так любил Индию». У миссис Уильямс кожа была почти что белая (и отец и мать у нее полукровки), однако она никогда не пыталась отмежеваться от себе подобных. Ее старшая дочь,

Люсиль, напротив, убеждала всех, что она белая, и убеждала так удачно, что вышла замуж за американского солдата в Калькутте (в ту пору она была певичкой, чем и зарабатывала на жизнь). Она с мужем уехала в Штаты. Одному Богу известно, что сталось потом. Сюзи об этом не говорила, наверное сама не знала, а по редким письмам можно лишь строить смутные догадки. Вдруг у нее родился темнокожий ребенок — и обман раскрылся. Наследственность порой может сыграть злую шутку. Как, например, с Сюзи: красотой, как некоторые девушки-полукровки, она не блистала. Более того, кожей она была темнее мистера Булабоя.

Сюзи выучилась парикмахерскому ремеслу буквально с детства. Люси помнила ее еще тонконогой пигалицей в клетчатой юбочке, белой блузе и белых гольфах, черные волосы заплетены в косу с белой лентой (белый цвет подчеркивал темную кожу девочки; впрочем, мать и не пыталась это скрыть). Сюзи с матерью появились «У Смита» в начале войны, там же были расквартированы и Люси со Слоником. Малышка сразу же принялась помогать матери, все подмечала, на лету схватывая навыки парикмахерского дела.

В ту пору миссис Уильямс принимала не только

в «салоне» — в комнате, где стояло несколько столиков с зеркалами, — но могла прийти и на дом. Последнее было, конечно, весьма удобно, но мемсахиб и самим случалось наведываться к миссис Уильямс, особенно накануне больших праздненств: банкета или бала в Летней резиденции или у командира гарнизона. Тогда миссис Уильямс едва успевала управляться. Как ловко она работала! Как спорилось все у двух девушек-евразиек, нанятых в подмогу. Как толково миссис Уильямс обучила свою маленькую худышку дочь.

В конце войны поговаривали, что миссис Уильямс сколотила кое-какой капиталец. Но пришел сорок седьмой год, за ним — сорок восьмой, дамы-англичанки уехали на родину, в Панкоте появилось больше индийских женщин, они привыкли сами мыть и укладывать волосы, а стричься и вовсе не стриглись. Многие по робости да невежеству и на глаза-то никому не показывались, скрываясь по старинке дома за занавеской на женской половине.

Закончилась армейская служба Слоника, и он с Люси уехал в Бомбей, где полковника ждала жизнь новая, штатская. В ту пору миссис Уильямс была еще жива. Когда же супруги Смолли в 1961 году вновь возвратились в Панкот, они ее уже не

застали. Дело перешло к Сюзи, причем оно процветало: молодые индианки и их мамы хотели шагать в ногу со временем. Сюзи открыла салон на базаре, назвав его своим именем. Она быстро приноровилась к изменениям в моде и вкусам клиенток. Женщины постарше по-прежнему ходили к ней на дом. Салон отпугивал Люси, ей бывало там очень неуютно. Все хоть и модно, и современно, но на виду, клиентки могут свободно переговариваться. Люси к такому не привыкла. Новомодные дамы болтали о Дюссельдорфе, Базеле, Риме, Каире, Москве, Париже, а Люси нечего было сказать. Разве знала она, в каком аэропорту лучше беспошлинные магазины? Разве могла она по достоинству оценить ассортимент известных фирм? Лишь однажды, лет десять тому, заглянула она в такой магазин и купила для Слоника стилтонского сыра. Она и в Вашингтоне никогда не была. А роскошная фирма «Сакс» на Пятой авеню в Нью-Йорке — для нее пустой звук.

— Приходите-ка лучше ко мне домой, миссис Смолли, — предложила Сюзи, когда Люси во второй раз заглянула в салон, — а если хотите, я сама к вам в «Сторожку» наведаюсь. Мне, знаете ли, и самой все это сборище не по душе. Но за границей так принято, значит, и нашим подавай: чтоб и

посплетничать, и кофейку попить, и журналы полистать. Чтоб все как в Лондоне.

Итак, Сюзи стала раз в месяц приходить в «Сторожку»; все необходимое для работы она приносила с собой. Люси бывала ей рада: та тоже любила кино и мелодии прежних лет, с удовольствием слушала, каким был Лондон в пятидесятом году, делилась новостями о жизни сестры, когда из Штатов приходило письмо. Потом в Панкот приехала семья Блакшо, и к Люси присоединилась Фиби. Но вскорости они уехали, и встречи с Сюзи вновь обрели былую прелесть: беседовать с Сюзи куда интереснее, чем с Фиби Блакшо, та всю жизнь прожила на чайных плантациях и говорила лишь о них. К тому же она не очень-то привечала Сюзи, говорила с ней сухо и свысока. Та ни словом, ни делом не выказывала досады, а продолжала как ни в чем не бывало работать, переходя от одной женщины к другой.

Примерно через месяц после отъезда Фиби Блакшо Сюзи, придя в «Сторожку», заглянула в зеркало, куда смотрелась Люси, и шепнула:

— Миссис Смолли, а вам не кажется, что волосы лучше не красить?

Люси пристальнее вгляделась в свое отражение: темно-каштановые крашеные волосы ей и

впрямь не шли: неумело молодящаяся старуха, да и только.

— А что бы вы посоветовали, Сюзи?

— У вас чудесные волосы, миссис Смолли. Мягкие, шелковистые, в любую прическу легко уложить. Но от краски они портятся. И кожа у вас чудесная, белая, точно фарфор, каштановые волосы ее не очень-то выгодно выделяют.

— Но седина меня просто убивает!

— А вы и не будете седой! Вы будете кипенно-белой. А пока все волосы не побелели, мы их обесцветим, подстрижем, завьем и чуточку подсиним.

— Подсиним?

— Ну да! Это выгодно подчеркнет и голубизну глаз. Одна американка привезла голубой оттеночный шампунь и оставила мне целых две коробки. Эти американцы деньгам счета не знают!

С той поры Люси стала подсинивать волосы. В первый «сеанс» Сюзи даже убрала зеркало, чтобы Люси не видела, как все делается, и дала ей взглянуть в него, когда завершила работу. Люси только ахнула: «Ну и молодец же Сюзи!» Даже Слоник одобрительно проворчал: «Боже праведный! Да тебя, Люс, просто не узнать. Что же это Сюзи с тобой сделала?» — но, видно, и ему понравилось.

— Знаете, полковник, такие волосы с голубизной идут только английским дамам! — заверила его Сюзи. — Только у английских дам такие тонкие черты лица и такая дивная кожа. Они обычно не слишком высоки и не слишком толсты.

Бедная Сюзи: волосы Люси-мем с той поры стали нежно-голубыми, зато руки Сюзи на их фоне казались еще грубее и чернее. Черные дни настали и для ее салона.

Люси думала, что домик Сюзи — ее собственный, оставшийся от родителей, но оказалось, что она лишь арендует его. Старый хозяин умер, а новый (живший в Ранпуре) возобновил с Сюзи договор при условии, что работать в домике она не будет. А комната, где помещался ее «салон», конечно же, тоже принадлежала ему. Спустя два года он приобрел лицензию и открыл в новой гостинице «Шираз» свой парикмахерский салон. А Сюзи попросил немедленно освободить комнату, где она принимала своих клиенток. Он задумал устроить в этой комнатке лавку дорогих сувениров (полудрагоценные камни из Джайпура, меха, шелка, поделки умельцев из деревень, затерянных в горах Панкота). А чтобы задобрить Сюзи (а также признавая ее мастерство и репутацию, из чего тоже можно извлечь скорую прибыль), хозя-

ин разрешил ей принимать в домике одного-двух постояльцев (что Сюзи делала и без разрешения, по уговору с туристической фирмой) и работать парикмахером у него в салоне «Шираза», правда, не на первых ролях, ибо заправлял в салоне молодой человек необыкновенно приятной наружности (конечно, не всякому нравятся индийские мерки красоты, думала Люси) по имени Саши. Он утверждал, что прошел выучку в моднейших салонах Лондона. Носил он брюки цвета мокрого асфальта, сапожки на высоком каблуке, рубашку с рюшем, обнажавшую волосатую грудь, на которой поблескивал дешевый медальон на цепочке.

Разумеется, Сюзи страдала от своеволия Саши. А сколь велики были ее страдания, Люси не знала, да и не пыталась узнать. Ее вполне устраивало, что Сюзи брала с нее меньше, так как принимала рано, до работы в парикмахерской «Шираза»: подстригала, мыла ей голову, подсинивала волосы, сушила. Вся процедура должна была заканчиваться к половине десятого. В это время (уже официально) парикмахерская открывалась, спустя несколько минут появлялись верткие молодые помощницы Саши и готовили все необходимое, чтобы около десяти их патрон

мог принять первых посетительниц; обычно это были элегантные стюардессы из индийской авиакомпании. Переночевав в «Ширазе», они перед полетом через Ранпур в Калькутту или Дели приводили себя в порядок.

* * *

Конечно, Сюзи — очень надежный друг. И не стоит жалеть, что она пригласила ее на ужин вместе с отцом Себастьяном.

Когда Люси вернулась домой, Слоник сидел на веранде. Сегодня или самое позднее завтра ей придется рассказать про фотографии, про Сару, про усопшего полковника Лейтона и про грядущего мистера Тернера. Слоник, по всей видимости, дремал. Блохса, лежавшая поодаль, — тоже. Она приоткрыла было один глаз, но, увидев хозяйку, закрыла. Что-то не видно Ибрагима. Уже без четверти час. По воскресеньям в ресторане «У Смита» подавали кур; Люси очень проголодалась. Неужто Ибрагима услали за обедом? Тогда уж добавки не попросишь, да и порции меньше, чем в ресторане. Она налила немного джина с тоником, на цыпочках подошла к Слонику и села рядом — ждать, пока он проснется. Но едва она села, как заметила, что Слдник не спит. Он свесил голову,

но глаза открыты и смотрит в упор на Люси.

— Привет, дорогой. Ну как, немного вздремнул?

Он не ответил. Люси пригубила из бокала.

— Хочешь немного джина? Самую-самую малость, по случаю воскресенья.

— Почему это по случаю воскресенья?

— Просто по воскресеньям в ресторане подают кур. А джин очень подходит к курице. И потом, ты так хорошо себя вел.

— Не буду я есть кур. Хочу яичницу с гренками.

— Ой, как скучно: яйца на завтрак, яйца на обед. Привычка не из лучших. Может, Слоник, ты не здоров?

— При чем здесь: здоров — не здоров? Просто я буду есть на обед яичницу с гренками. Кстати, ты — тоже. И готовить ее мы будем дома.

Люси заметила привычное злорадное выражение на лице мужа. Значит, нужно вести себя предельно осторожно.

— Ну что ж, — спокойно сказала она. — А яйца у нас дома есть?

— Ибрагим скоро принесет.

Люси еще раз глотнула джина. Да, сегодня на Слоника нашла блажь. В животе у нее урчало

от голода.

— Раз хочется, конечно же, ешь на здоровье яичницу. Но я, честное слово, крепко проголодалась и, пожалуй, закажу себе курицу.

— Сегодня не получится. Ты не пойдешь в ресторан, и Ибрагим не принесет тебе обед. С этим покончено.

Люси ответила не сразу:

— Я пока не стану возражать тебе, хотя и могла бы. Но ответь мне ради бога: почему?

— Потому что я так решил.

Люси снова промолчала.

— А в чем, собственно, связь между твоими решениями и моими желаниями?

— В том, что в этом доме, пропади он пропадом, хозяин пока я. — Он немного выждал и продолжал: — Верно я говорю? Или, может, что не так?

— Верно, Слоник, все верно. Я и не отрицаю. Ты хозяин в доме. Но я — хозяйка. И обычно хозяйке решать, что, когда и кому есть, а хозяину остается лишь смириться, если, конечно, сам он не любитель ходить за продуктами и готовить. Мне думается, ты не из таких любителей. Я помню, как однажды ты тушил мясо и делал к нему соус. А уж если пойдешь купить еды на день — истратишь денег на неделю. Видела я и как ты яичницу

готовишь. Лучше уж я сама, по крайней мере съедобно будет. Да и следить за тем, чтоб хозяин был сыт, пристало хозяйке дома. Ну, а сейчас, Слоник, я все-таки пойду в ресторан. Потом до пяти вздремну. А принесет Ибрагим яйца, так уж и быть, пожарю тебе яичницу и на ужин. Может, и сама тебе компанию составлю, а может, поужинаю «У Смита», или в клубе, или в «Ширазе».

— А деньги у тебя на все это есть?

— Нет. Но на обеды из гостиничного ресторана нам хватает, это мы и с дирекцией обговорили. И от этой договоренности я никоим образом не хочу отказываться, разве что ты купишь новую плиту да наймешь повара. Я не для того осталась в Индии, чтобы на старости лет бегать по магазинам и стоять у кухонной плиты. Ты вечно разглагольствовал о том, сколько у нас преимуществ перед теми, кто уехал на родину и вынужден обходиться без прислуги, хотя и денег вдоволь. Вернись мы в Англию, я бы с радостью взялась за любую работу. Но мы остались здесь, и мне совсем не в радость кухарничать. А вон и Ибрагим вернулся.

Она окликнула Ибрагима, тот подошел прямо к веранде, до черного хода и кухни дойти не успел. Люси протянула руку — рука чуть дрожала. Не нужно бы ей принимать слова супруга так близко

к сердцу. Но в последнее время и у нее нервы сдают.

— Спасибо, Ибрагим. — Она взяла у него пакет с яйцами. — Я сама управлюсь. А ты иди обедай. Сахиб давал тебе денег на яйца?

Ибрагим помотал головой. Люси спросила, сколько она должна, открыла кошелек и расплатилась с Ибрагимом. Он внимательно посмотрел на нее, потом на полковника, церемонно поклонился и вышел. Люси отнесла пакет с яйцами на кухню, включила самую «быструю» горелку, хотя с электрическими плитами не угадать: то вода закипает через минуту, то через полчаса. Вытащила из холодильника масло, понюхала. Не очень свежее, но для яичницы подойдет, по крайней мере яйца не подгорят. Нашла сковородку — давно не чищена. Вышла на веранду.

— Хочешь омлет? Учти, сковороду я чистить не буду.

— Я тоже.

— Естественно. Ну, теперь ты сам видишь — как непросто самим вести хозяйство.

— Я вижу куда больше, чем тебе кажется, — проворчал Слоник. — А в ресторан ты больше не пойдешь. И я не пойду. И думать забудь.

Люси села, отставив от себя грязную сковороду.

— Почему? Я еще раз спрашиваю: почему? Только не отвечай снова, что ты так решил, и все. Подумай хоть разок, прежде чем говорить. Подумай хотя бы о том, что на завтра мы пригласили к ужину отца Себастьяна. Яичницей ведь не станешь его угощать. Может, ты предложишь ему выпить у нас, а на ужин мы пойдем в «Шираз» или в клуб — тогда дело другое. Хотя мне думается, что там обстановка для него не очень привычная. Выбор у нас, к сожалению, невелик: либо потчевать его в ресторане, либо заказывать еду в том же ресторане, а угощать дома. И раз уж напомнила тебе об этом, скажу еще, что сегодня утром я попросила его взять с собой и Сюзи Уильямс, если она не занята. Значит, ужин будет на четверых.

— Сюзи Уильямс?! Господи, ты с ней знакома больше тридцати лет и ни разу не приглашала к нам ни на обед, ни на ужин.

— Тем уместнее пригласить ее сейчас. Завтра утром в парикмахерской я еще раз позову ее к нам. И давай больше не будем об этом. Нам с тобой нужно решить, где устроить ужин. А если ты сейчас по обыкновению хмыкнешь или заведешь разговор о яичнице, я запущу в тебя вот этой сковородой.

— Давай, чего ждешь!

— Жду, пока ты хмыкнешь.

Что он с удовольствием и исполнил дважды. А Люси бросила в него сковородкой, которая, на удивление, отскочила от Слоника, словно он был сделан из резины. Блохса залаяла, поднялась на ноги и заковыляла в гараж, от греха подальше. Загомонили испуганные вороны и черной дугой взмыли в небо. Люси встала и ушла в дом приготовить себе еще джина с соком.

За всю жизнь она лишь однажды ударила мужа. Было то в смутные времена в Бомбее, и колотила она его свернутым в трубку журналом. Ее не столько возмутила сплетня о связи Слоника с миссис Поппадум, сколько отказ Слоника от предложения фирмы, где он работал, вернуться на родину и последний до пенсии год проработать в Англии. Тогда кроме пенсии от фирмы он сохранял бы и пенсию от индийского правительства. Выбора у Слоника практически не было: откажись он — и останется просто без работы. Что он и предпочел.

— Через год мне шестьдесят! — орал он, вырывая журнал из ее онемевшей руки. — И я не хочу свой юбилей встречать в каком-то захолустье. И я не потерплю шантажа!

«Какое-то захолустье» в Англии и предлагала Слонику фармацевтическая фирма, пустившая корни и в США и в Голландии. Она производила и сельскохозяйственные удобрения. Поглотив меньшую фирму по рекламе и доставке товаров (80 лет на индийском рынке!), она приняла на работу Слоника (после ухода в отставку) директором-исполнителем, положив ему жалованье, казавшееся Люси баснословным по сравнению с армейским. Кроме того, фирма оплатила их поездку домой в 1950 году — как деловую командировку, — и в будущем работа эта сулила еще больше. Так что Люси всерьез задумалась, а не остаться ли в Индии подольше. И лишь потом увидела она, как переменился характер Слоника после выхода в отставку. Муж стал сорить деньгами, пристрастился к азартным играм, спиртному, недоплачивал подоходный налог, с введением в Бомбее «сухого закона» к Слонику стали присматриваться таможня и полиция. И наконец, появилась, судя по всему, даже любовница — миссис Поппадум.

В глубине души Люси не верила в их связь. О таких женщинах, как миссис Поппадум, Слоник, увы, мог лишь мечтать. Сигрид Поппадум — молодая, красивая шведка, строившая глазки

всякому мужчине (в этом Люси не сомневалась), только бы досадить своему плюгавому, похожему на ежа мужу-индийцу (она была у него уже третьей женой). Он — лицо влиятельное, и благодаря ему многие правительственные контракты заключались с фирмой, где служил Слоник. Туда же мистер Поппадум определил и своего племянника, выучившегося в Штатах. Несмотря на молодость, ему доверили высокий пост. Жена владельца фирмы, навестившая мужа в Бомбее, сказала Люси: «Мой Солли очень во многом полагается на индийцев, верит в них; вам, англичанам, этого как раз не хватало».

Сейчас прошло уже много лет, Люси поняла, что бедный старый Слоник был обречен, как только хозяин фирмы увидел его: ясно, что перед ним армейский недоумок, бывший сахиб, и непонятно, почему прежние хозяева фирмы взяли его на службу, ведь кругом столько толковых молодых людей ищут работу. Тогда-то Люси казалось, что Слоник сам роет себе яму, жалуясь, что эта язва, племянничек Поппадума, метит на его, Слоника, место. И что верить владельцу фирмы нельзя ни на грош. Однако Слоник и пальцем не пошевелил, чтобы шеф оценил его по достоинству. Скорее наоборот: все делал себе же во вред.

Даже сегодня, сидя за второй порцией джина с лимонным соком, Люси не могла успокоиться: с одной стороны, она корила себя за то, что запустила в мужа сковородкой; с другой — и по сей день не могла простить ему давних выходок. Взять хотя бы скандал в Тадже, когда Слоник — опять же дурачась — укусил миссис Поппадум за ухо, разлил вино и площадно выругался, отчего молодая шведка зашлась от смеха, а ее муж смертельно обиделся. Прочие же высокие гости лишь натянуто улыбнулись; Люси помнила такие улыбки: английские сахибы и мем-сахибы одаривали ими тех, кто совершал оплошность на людях. Чтобы придать такой улыбке больше выразительности, следовало чуть растянуть губы, опустив уголки, и на секунду-другую потупить взор. Потом как ни в чем не бывало поднять глаза на собеседника и заговорить о чем-либо другом. «Ничего не изменилось, — думала Люси, — на смену старым, английским генералам, пришли новые сахибы и мем-сахибы из разных стран, и для них полковник с супругой где-то далеко на нижних ступеньках иерархической лестницы, едва ли выше, чем полукровки во времена раджей».

«Да все они вместе взятые не стоят моего Сло-

ника», — подумала она тогда. Сейчас же лишь слабое эхо тех дум долетело до нее.

И все же на душе стало неспокойно. Таких глупцов, как Слоник, поискать! Не проживешь на белом свете, если говоришь и делаешь только то, что хочется. Нельзя так, нельзя. Нужно учитывать и время и обстоятельства. А у Слоника давным-давно притупилось чувство времени. Он бился с ветряными мельницами. И неразумный гнев его (в случае поражения) подобен гневу ребенка.

Впрочем, в одном Слоник прав: его и впрямь шантажировали, по сути дела принуждая отправляться на родину, доживать год до выхода на пенсию там. В противном случае его просто бросали на произвол судьбы в Индии, задобрив смехотворно жалкой суммой — компенсацией за потерянную работу. И Слоник выбрал последнее.

Ее мнения он даже не спросил. Она не хотела мириться с этим, плакала, колотила его свернутым в трубку журналом. Но до какого с разума пыталась она докричаться, ведь Слоник — суть своеволие и гневливость, строптивость и тупость! И на что же потратили они полученную сумму? На нелепое и дорогое путешествие по Индии, пока наконец не остановились в Панкоте. «Бросим последний прощальный взгляд — и

дальше», — заверял Слоник. Однако прощание затянулось по сей день. Выброшены на ветер и остальные деньги: компенсация за выход в отставку. Как случилось, что деньги так быстро потратились?

А от Слоника она так и не дождалась никаких письменных гарантий относительно ее будущего, случись ей его пережить. Даже не гарантий, а четкого ответа: на что ей надеяться, если Слоник умрет в одночасье? Бумагу эту он так и не составил. Она допила джин и вышла из кухни, полная решимости снова потребовать прямого ответа. Но, проходя через гостиную, заметила клочок бумаги, торчащий из-под телефона. На нем что-то крупно написано, так что очки не понадобятся. Писал Слоник; «Дэвид Тернер, Ранпур 34105».

Вошел и сам Слоник со сковородкой в руке. Молча последовал на кухню и начал греметь посудой. Включил воду. Уронил сковороду. Выругался. Люси сама подошла к нему.

— Ради бога уйди отсюда, угомонись и перестань смотреть волком. Это просто глупо. Я сделаю тебе эту дурацкую яичницу.

— Я и сам в состоянии приготовить себе дурацкую яичницу. Не такой уж я дурак! И не потерплю, чтоб меня выставляли идиотом.

— Помилуй бог, кто же тебя выставляет идиотом?

— Ты, например. Вот, кстати, и доказательство. — Он кивнул на записку и взял другую сковороду. — Из-за тебя я в идиотском положении оказался, скажешь, не так? Говорит, можно ли миссис Смолли? Вышла, говорю. А вы полковник Смолли? — спрашивает и тут же представляется: меня зовут Дэвид Тернер. Я никак в толк не возьму. Переспросил. Тернер, говорит, я Тернер, Дэвид Тернер, друг Гая и Сары Перрон. Я ему: вы, наверное, ошиблись номером, не знаю я никаких Перронов, наш номер Панкот, 542. Нет, номер правильный, говорит. Ну и пришлось мне его номер записать.

Смешной Слоник стоит у раковины, опустив под струю сковороду, и очень укоризненно смотрит на Люси. Попав на ободок сковороды, вода брызнула во все стороны и, конечно, на зеленую рубашку Слоника. Он швырнул сковороду в раковину, она упала плашмя и его снова обдало водой — не закрыл кран.

Люси присела на табурет и, зажав руками рот, изо всех сил сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

Слоник схватил полотенце, вытер рубашку;

потом взял стакан, налил джина, добавил лимонного сока и гордо удалился, оставив Люси посреди учиненного им разгрома; приготовить яичницу ему так и не удалось. Люси вымыла раковину, вытерла сковороду, поднесла руку к плите — нагрелась ли. Увы, едва-едва теплая. Бросила на сковороду масла, взбила два яйца, приготовила соль, перец и молоко; налила себе еще джина и пошла в комнату к мужу.

Села подле него.

— Я собиралась рассказать о мистере Тернере сегодня или завтра, просто я думала, он позвонит позже. Хочешь, расскажу сейчас же.

— Нет нужды. Он сам все объяснил.

— Ну, вот и хорошо. — Она вздохнула, положила руку со стаканом на колени, осторожно скрестила ноги. — Сегодня один из тех дней, когда мне нужна безграничная терпимость. Терпимость к себе. Нельзя поддаваться отчаянию и безысходности, видя, как все меньше и меньше я вслушиваюсь и вдумываюсь в то, что мне говорят. — Люси усмехнулась. — Знаешь, удивительно, но я вдруг представила себе эту сцену так: звонит незнакомый молодой человек, Слоник коротко и резко говорит с ним, записывает номер телефона; потом начинает злиться и на себя, и

на весь белый свет: вдруг он напрасно оборвал разговор, думая, что звонит какой-то полоумный, но в дурацкое положение попал он сам, а все из-за того, что дура-жена вовремя не предупредила. Ну как, оценил мое необыкновенное аналитическое мышление?

— Ирония тебя не красит.

— Да меня уже ничто не красит. Ничто, я это уже поняла. Ну, раз ты все знаешь про мистера Тернера, но капризничаешь и не хочешь рассказать мне о вашем разговоре поподробнее, пойду и позвоню ему сама.

— Как бы не так!

Люси чуть призадумалась.

— Ты хочешь сказать, что его не будет сегодня дома? Или что-нибудь в этом роде?

— Я хочу сказать, что, пока у тебя нет номера его телефона, позвонить ты не сможешь.

Люси медленно прикрыла глаза.

— Ты прав, Слоник. Я снова забыла надеть очки. Я прочла в записке лишь ранпурский номер, написан он крупно, той маленькой шариковой ручкой, которую я подарила тебе ко дню рождения. Наверное, там и помельче было что-то написано, да я внимания не обратила. Может, по телефону в Ранпуре можно позвонить лишь

завтра или послезавтра, а сейчас мистер Тернер, верно, еще в пути.

— Он не в пути. Он в Дели.

— Так он звонил из Дели?

— Сказал, что в Дели. Значит, оттуда и звонил.

— Я знаю, что он был в Дели. Он оттуда написал мне, что в Ранпур приедет, по всей вероятности, во вторник, тогда и позвонит. Потому-то я тебе и сказала, что он должен позвонить позже.

— Так что ж ты суетишься?

— По привычке, наверное. Моя маленькая слабость. Так же, как и у тебя: вечно ты мои слова пропускаешь мимо ушей. Поэтому попробуем выяснить, зачем он оставил ранпурский телефон: должны ли мы ему позвонить, или он позвонит сам. Приедет ли он в Панкот и когда. Может, заказать ему место в гостинице.

— Так что же ты хочешь выяснить вначале?

— Мне все равно. Все вопросы очень простые. Но если тебе трудно выбрать, давай сначала прикинем, когда же он приедет в Панкот.

— В среду утром.

— Прекрасно. Значит, утренним поездом из Ранпура. Выходит, в Ранпуре он должен быть не позже вечера во вторник.

— Он будет там во вторник утром.

— И если мне захочется, я смогу позвонить ему в Ранпур. Или он позвонит нам. Единственное, что нам осталось выяснить: зачем ему созваниваться с нами. Попробуем угадать. Может, попросит нас заказать ему номер в гостинице? Может — раз уж ты так любезно и долго разговаривал с ним, — ты сам предложил ему свои услуги, и ему останется лишь узнать, в какую гостиницу ехать на такси с вокзала: к «Смиту» или в «Шираз».

— Он сказал, что «У Смита» было бы лучше, Сара много рассказывала ему об этой гостинице.

— Этого я и ждала от него. Видишь, он поезд предпочитает самолету. Ему хочется, чтоб все было по старинке. Надолго, ли приезжает?

— На два дня.

— Как я и предполагала. Слоник, нам, конечно, неудобно предлагать наш кров, но он все же гость, и все расходы мы должны взять на себя. И по очереди, а то и вместе должны быть с ним, показать ему Панкот, позаботиться, чтоб он всегда был сыт. Он друг наших друзей, точнее нашей подруги, понимаешь?

Слоник, по обыкновению, лишь крякнул.

— Это ты Сару в подруги-то записала? Помнится, раньше ты добром ее не поминала. Говорила, что у нее не все дома.

— Было время, она дала мне повод так думать. Зато потом я стала ее уважать: столько бед выпало на долю ее семьи, а она все перенесла. Но сейчас у нас разговор не об этом. Надеюсь, ты еще ничего не сказал Ибрагиму?

— Ничего не сказал.

— Он бы тут же разболтал все Мине, а мне б хотелось преподнести ей сюрприз. У мистера Тернера для нее подарок от Сары и ее сестры Сюзан.

— А тебе он везет голубой шампунь.

Люси даже зарделась.

— Ну надо же! Как кстати! Скажу Сюзи, пусть наш последний пакетик не жалеет, а то мы только половинкой каждый раз обходимся, чтоб растянуть подольше.

— Может, все-таки вернемся к делу?

— Вот и хорошо, что ты от него не отмахиваешься. А дело в том, что я пока не знаю, сможем ли мы заплатить и за номер мистера Тернера, и за питание в клубе или ресторане «Ширaза». Это много дороже, чем мы платим в ресторане «У Смита». Хотя ты заявил, что больше ни разу туда не пойдешь, не закажешь обедов на дом. Я уже готова завтра, чтобы ублажить тебя, пойти на кухню и самой приготовить кое-какой ужин для отца Себастьяна и Сюзи. Что ж, попытка не

пытка. Но с мистером Тернером я так поступить не смогу. Он мой гость, и я обязана уделять ему как можно больше внимания. И пока он гостит у нас, придется тебе либо заказывать обеды на дом, либо вместе с ним ходить в ресторан. И если ты откажешься, мистеру Тернеру это покажется весьма странным. И уж совсем бог весть что о нас подумает, если я скажу ему, что Слоник постановил (не объяснив, не обосновав) больше не ходить в ресторан и не заказывать обеды на дом и предлагает вам питаться в одиночку, а сам (вместе со мной) будет неукоснительно придерживаться яичной диеты, готовя на кухне в «Сторожке».

Слоник не ответил, он лишь не отрываясь смотрел на жену. Она допила джин и поднялась.

— Ты куда?

— Делать тебе омлет.

— Не надо. Я уже расхотел есть.

— А я не расхотела и потому пойду сейчас в ресторан, хотя для обеда припоздала, и закажу себе курицу. А ты к вечеру сообщишь мне, по карману ли нам кормить мистера Тернера в ресторане и оплатить счет за номер «У Смита». Есть ли у нас деньги, нет ли — я понятия не имею. Между прочим, — Люси с сомнением коснулась броши на груди, — ты до сих пор так толком и не сказал

мне, что ожидает меня, останься я одна. Помнишь, я просила недавно. Ты же видишь, как мне трудно. Слоник, я всю жизнь старалась как могла угождать тебе, не прекословить. Я уже старуха, и мне не стыдно, что, кроме вот этого платья, приличной одежды у меня больше нет. Ты тоже пообносился. Я не сетую о годах прожитых, но я страшусь лет грядущих, кто знает, сколько осталось жить. А страшно во многом оттого, что я не знаю, чем ты живешь; ты не делил со мной ни надежд, ни опасений, а лишь вымещал на мне злобу, даже не рассказывая, что ее порождало. У меня всегда было ощущение, что виновата я. Мы прожили сорок лет, и, согласись, очень жестоко выставлять меня виновницей всех твоих бед.

— Почему ты плачешь?

— Я не плачу, а если б и плакала, у меня хватает причин. Последний раз спрашиваю: сделать тебе яичницу?

— Я же сказал — не надо! Расхотелось!

— Тогда и мне расхотелось идти на кухню. — И Люси стала спускаться с крыльца.

— Ты куда?

— В ресторан, обедать, да мистеру Тернеру номер заказать. Не оставлять же гостя холодным и голодным, даже если его ужаснет допотопная

постель, завтрак отобьет аппетит, а ванная — охоту мыться.

Люси все теребила брошь на груди. Другой рукой она, как козырьком, защищала глаза от слепящего солнца. Так дошла она до гостиницы. Хромоногий и кривой мали, некогда помогавший бывшему садовнику, сидел на корточках подле чахлой клумбы. Траву вдоль дорожки не мешало бы подстричь. Люси вошла в дом, в нос ударил запах сырости и затхлости. Запах этот, казалось, проник всюду: пахло от плетеных кресел, линялых, из грубого льна, чехлов на продавленных диванах, от пальм в кадках, от скатертей в ресторане. Занят был лишь один столик, двое посетителей встрепенулись, когда вошла Люси: видно, они нарочно сбежали из «Шираза», чтобы спокойно, с глазу на глаз, поговорить о делах. Но, бросив на Люси беглый взгляд, возобновили разговор и обед. Люси села на привычное место и позвонила в медный колокольчик. Скоро к ней подковылял старик официант Прабу.

— Доброе утро, Прабу. Мне, пожалуйста, джина с лимонным соком и курицу.

— Сахиб не придет?

— Сегодня нет.

Прабу отошел, а Люси задумалась: «Сколько лет

сижу за этим столиком, за это время гостиница все оседала и оседала. Незаметно для глаза. Все глубже врастала в землю. Наверное, на полметра уже опустилась». Кто-то вошел в ресторан и, едва заметно поклонившись, прошмыгнул мимо Люси; она признала стряпчего мистера Панди. Он скрылся у себя в номере. Люси принесли джин. Как бы ей сегодня не перебрать. Впрочем, не все ли равно! Даже приятно, если на душе веселее станет.

Принесли и курицу. Порция такая, что впору не одну голодную семью накормить. Подали кувшин воды. Она попросила его унести: на кувшине грязные пятна. Не успела она прожевать кусок, как раздался рев, точно заговорил вулкан. Дверь в ресторан распахнулась: огромной бледно-розовой волной, шлепая деревянными сандалиями, прокатила злобным вихрем миссис Булабой; с пачкой бумаг в руках она ворвалась в комнату стряпчего, грохнув дверью. Немного погодя рев стих. Минуты через две миссис Булабой снова показалась в ресторане и предстала перед Люси.

— Миссис Булабой, — начала та, — понимаете, в среду к нам приедет гость. Будьте любезны, оставьте для него номер.

— Я уже сказала полковнику Смолли, чтобы не

беспокоил меня подобными вопросами. Обратитесь завтра в дирекцию. У меня и без того дел по горло. Вы лучше скажите, где садовые ножницы. Вы их нашли?

Миссис Булабой огромной горой нависла над столиком, словно пришли в движение старые Гималаи, где обитали индуистские боги и богини.

— Какие ножницы?

— Садовые. Садовые ножницы! — Миссис Булабой воздела руку и показала: чик-чик. — Вот какие! — перешла она на крик. — Я по своей доброте разрешила вашему мали пользоваться косилкой, ножницами, брать воду из нашего бака. А сегодня утром прошу своего мали подрезать кусты, а он мне и говорит: дескать, ножниц нет, их утащил куда-то мали полковника Смолли. Я не позволю растаскивать гостиничный инвентарь!

— Миссис Булабой, я и знать ничего не знаю о ваших ножницах, — ответила Люси, хотя и догадалась, где искать пропажу: Джозеф унес их на церковный двор.

— Вы знать ничего не знаете, полковник не знает! Полковник вообще договорился до того, что якобы понятия не имеет о вашем мали. Дескать, мали — это забота хозяйская. Подумать только! Да что ж я, спятила, что ли? Или все вокруг

спятили?! Кто же, как не ваш мали уже с месяц пользуется моим инвентарем?!

— Миссис Булабой, по-моему, лучше поговорить об этом в другом месте и в другое время. Вы же видите, я обедаю.

— Я вообще больше не желаю об этом говорить. Некогда мне на пустяки время тратить. Но чтоб садовые ножницы были на месте! У меня и поважнее дела есть, и пререкаться из-за садовых ножниц я не собираюсь!

И она поплыла прочь, оставляя шлейф сандалового аромата, он въедался в душу Люси, как и дерзкие, обидные слова ее. Захлопнулась дверь за миссис Булабой, Люси налила в стакан воды и продолжала нарочито спокойно есть. На двух мужчин за соседним столиком она и не взглянула. Будь там англичанин, непременно бы вмешался, не дал бы миссис Булабой договорить, встал бы, подошел к столику, спросил: «Миссис Смолли, если не ошибаюсь? Меня зовут Смит. Мы в прошлом году встречались на празднике в парке. Могу ли я быть вам полезен?» И по ее взгляду понял бы, насколько она признательна, насколько увереннее и спокойнее она себя чувствует под опекой джентльмена, способного укротить пыл миссис Булабой, поставить ее на

место, пристыдить и отослать прочь.

Но все это из других времен, из другой, далекой страны. Она взялась за стакан, но побоялась, что рука дрогнет и выдаст ее — те двое непременно следят за ней. Как приятно им убедиться еще раз, что времена переменились к лучшему, за прежние унижения отплачивают сторицей.

Вот один из них окликнул официанта, и Люси вздрогнула. Подошел Прабу, подал счет, который посетители тщательнейше проверили. Потом, достав толстую пачку денег, отсчитали несколько мелких купюр. Когда они ушли, Люси тоже попросила счет, подписала его, попросила принести кофе в гостиную. Долго сидела она в плетеном кресле, неторопливо пила кофе. Как объяснить мужу появление мали, ведь ему уже что-то известно: миссис Булабой и ему устроила скандал. Бедный Слоник! Бедный милый Слоник! Надо же, он не рассердился из-за мистера Тернера. Сразу же пошел заказать ему номер. И его оскорбили так же, как только что ее; только его задело еще больнее: он взялся спорить, чей мали работал у них в саду. Бедный Слоник! Бедный глупый Слоник! Как он ярится, как портит все своей яростью. Как он переменчив и непредсказуем. Люси наклонила голову, опершись локтями на ручки

кресла, закрыла лицо руками и улыбнулась. Ибо и смешного в Слонике предостаточно.

Глава четырнадцатая

В «Сторожку» она вернулась в четыре часа. Сидя на корточках у веранды, ее поджидал Ибрагим.

— Полковник-сахиб ушел гулять с Блохсой, — объявил он.

Все было готово к чаю. По следам на кухне Люси определила, что на обед Слоник сварил себе яйцо. Джина в бутылке, с тех пор как она ушла, не убавилось. И яиц в холодильнике предостаточно. В шкафу — пряности и приправы, две банки томатного супа, хлеб, молоко. Да и масло, оказывается, совсем не прогоркло.

— Ибрагим, вечером ты свободен. Когда сахиб вернется домой, я сама напою его чаем, а на ужин приготовлю омлет. Нет, начать лучше с супа. Пиво у нас еще осталось? — Она заглянула в холодильник. — Сегодня-то мы управимся, а вот завтра придется потрудиться как следует: ужин на четверых придумать. Но это даже занятно. Я встану пораньше — мне ведь в парикмахерскую нужно успеть. А тебя я поутру пошлю на базар, купить все для салата и еще курицу. Мы ее поджарим и подадим холодной. Да, не забудь майонез у Джалал-ад-дина. Может, еще анчоусов? Полу-

чится хорошая закуска, сварим вкрутую яйца и подадим к анчоусам. И еще помидоры. А горчица? Есть ли горчица? Ничего, если нет у нас, найдется у Джалал-ад-дина. И конечно, купи консервированной кукурузы, сахиб ее очень любит. Кстати, где у нас, Ибрагим, мелкие тарелки для закусок?

Он открыл шкаф и показал.

— Их нужно помыть. О господи, ну и денек завтра!

— Простите, мем-сахиб?

— Что такое, Ибрагим? Ах да, я совсем забыла про соль.

— С курицей трудно будет.

— Ерунда! Их на базаре полным-полно.

— Да, но ее сначала нужно зарезать. А потом ощипать.

— Так в чем же трудность? Торговец тебе ее и ощиплет.

— Ведь ее еще и пожарить надо. А наша плита не годится. В ней все в угли превращается.

— Ну уж, так прямо и все! — не вслушиваясь, пробормотала Люси, достала стакан и налила себе немного джина. Ибрагим протянул ей бутылку лимонного сока и облизнул пересохшие губы. Люси взяла еще один стакан, налила джина и протянула ему.

— Мем-сахиб, но нам же нельзя, — сказал он, принимая стакан.

— Бог простит нас. Будем здоровы, Ибрагим.

— Салам! — Глаза у него подобрели.

— Я очень признательна тебе, Ибрагим, ты так о нас заботишься.

В глазах у него — бездонное море доброты.

— Видишь ли, — продолжала она на ходу: откроет один шкафчик, нагнется и заглянет в другой, проверит, есть ли то, есть ли это. — Сахиб вдруг, неизвестно почему, решил отказаться от услуг гостиничной кухни и ресторана. И какое-то время нам придется готовить самим. Мне, откровенно говоря, ресторан тоже изрядно надоел. Так завтра мы могли б придумать какую-нибудь легкую закуску. Запеченные бутерброды с сыром, например.

— Лучше запечь анчоусы. А яйца на закуску не нужны. Они не идут к анчоусам. Живот потом пучит.

— Вот это совет ценный. А что же будем делать с курицей?

Люси резко выпрямилась, ее качнуло, пришлось ухватиться за шкаф. Тут же подскочил Ибрагим, придвинул табурет, усадил.

— Мем-сахиб, не беспокойтесь насчет курицы.

Ибрагим все сделает как надо.

— Спасибо. Извини, что тебе еще забот прибавилось. Но нам с полковником-сахибом вдруг выпало принимать гостей. Ой, глупая я, глупая, загодя суетиться — только все испортить.

Ибрагим принес ей стакан воды и проводил до спальни.

— Я вздремну, и слабость пройдет. Мне просто необходимо быть в наилучшем виде. Завтра на ужин к нам придут гости, и у тебя будет много работы. А на днях приедет еще один гость, из Англии. Завтра утром я напишу тебе, что купить. А пока не мог бы ты отыскать садовые ножницы? Наверное, мали унес их на церковный двор, а миссис Булабой мне за это выговорила.

Как в тумане видела она лицо Ибрагима, вот он усаживает ее на постель, помогает снять туфли, потом, когда она уже легла, до нее донесся шорох: Ибрагим задернул шторы.

* * *

Проснулась она затемно. Сначала ей показалось, что уже глубокая ночь, но в гостиной горел свет, да и постель Слоника пустовала. Оказывается, она спала одетой, и кто-то укрыл ее легким одеялом. Она потянулась за часами на тумбочке.

Почти восемь. Значит, проспала она без малого четыре часа. Надела туфли, зашла в ванную, ополоснула лицо, причесала растрепанные волосы, провела надушенным пальцем по вискам.

— Слоник? — окликнула она и вошла в гостиную.

С веранды заглянул Ибрагим.

— Сахиба нет.

— А где он? Что случилось?

— Ничего, мем-сахиб, не волнуйтесь. Сахиб приходил домой, попил чаю и снова ушел. Он оставил записку. — Ибрагим подошел к секретеру и взял конверт, на котором значилось «для Люси». — Приготовить чаю и вам?

Люси взяла очки, села у секретера, включила лампу, перевернула конверт и увидела надпись на обороте.

«Хотел поужинать в клубе, заказал столик, когда ходил гулять. Тебя не добудился. Ушел. Столик заказан на 8 вечера, буду ждать тебя до половины девятого, может еще и успеешь. Если не встретимся, жди к одиннадцати. В конверте то, что ты просила: я ясно написал о твоем материальном положении на случай, если ты останешься одна». Подпись — «С», время — 7.30. Наверное, одеялом ее укрыл Ибрагим.

Ножичком слоновой кости она вскрыла конверт. В нем — два густо исписанных листка. Прочитав, она тут же принялась перечитывать.

— Вот и чай, мем-сахиб. — Ибрагим поставил поднос на кашмирский резной деревянный столик. — Нанять ли для вас коляску?

— Зачем?

— Чтоб мем-сахиб успела в клуб к сахибу.

— Не нужно, Ибрагим. Настроение у меня для клуба неподходящее.

— Приготовить вам ужин дома?

— Нет. Я очень плотно пообедала, а завтра рано вставать, так что сегодня больше есть не стану. Подай, пожалуйста, мне завтра чай не к семи тридцати, а ровно к семи. А сахибу — в обычное время. В четверть девятого мне нужно уходить.

— Хорошо, мем-сахиб… Да, совсем забыл.

— Что, Ибрагим?

— Садовые ножницы на месте, у хозяйского мали.

— Ах да, я тоже про них забыла. Спасибо тебе.

— А что, сахиб уже знает про Джозефа?

— Понятия не имею. Может, знает. А тебе-то что?

— Прабу сказал, сегодня мем-сахиб Булабой скандалила из-за садовых инструментов. Снача-

ла накричала на полковника-сахиба, потом на вас, мем-сахиб. А сахибу сказала, что Джозеф не ее мали, а его.

— Ну и что же? Сказала так сказала. Все равно она ведь неправа. Джозеф — твой мали.

— Я его уволил.

— За что?

Ибрагим заложил руки за спину.

— Мне нечем ему платить, ведь мем-сахиб не дает мне для него денег, да и обещанной прибавки к жалованью пока нет. А если сахиб узнает правду и скажет, что на сад не даст ни гроша, тогда мем-сахиб не сможет заплатить Джозефу, хотя платить бы не вам, а госпоже Булабой. И тогда лучше всего для Джозефа, если я рассчитаюсь с ним и уволю, а сад пусть зарастает.

— Мне, Ибрагим, кажется, что бы сахиб ни говорил о деньгах, ему не захочется, чтобы сад зарастал. И потом: это ведь не только сад миссис Булабой или сахиба, но еще и мой. И сегодня на ночь не стоит заводить о нем разговор. Приготовь-ка лучше сахибу на ночь какао, вдруг ему захочется. Мне не нужно.

* * *

Ибрагим ушел. Люси выпила совсем остывший чай, потом принялась составлять список завтрашних покупок Ибрагиму — нужно чем-то занять себя. Закончив со списком, она принесла стопку пластинок, завела старый проигрыватель и стала в одиночку (с воображаемым партнером) танцевать: вальс сменился фокстротом, фокстрот — куик-степом. Потом сварила себе чашечку кофе, накинула пальто, села, не зажигая света, на веранде, обняла ладонями горячую чашку.

— Блохса! Блохса! — тихонько позвала она. Собака не откликнулась. Значит, Ибрагим запер ее на ночь в гараже, «…царице Савской ты подобна, вернись, малютка»[21],— прошептала она.

Яркие огни «Шираза» достигали сада «Сторожки» и делили его пополам, оттого в середине казалось еще темнее. Слева тускло светились окна «У Смита». Сейчас по ночам в Панкоте несравненно больше освещенных улиц, чем раньше. И звезды от этого стали казаться дальше. И холмы не так отчетливо выделяются на гори-

[21] Примечания: 21

Строка из стихотворения Джорджа Уидера (1588–1667) «Любил я девушку».

зонте, впрочем, может, она просто стала хуже видеть. С гор потянуло холодом, Люси пробрала дрожь. Она вернулась в дом, сварила себе еще кофе. Как хотелось, чтоб зазвонил телефон.

Пока закипала вода, она снова перечитала записку Слоника:

«Ты просила меня ясно высказаться по поводу дальнейшей жизни, если ты овдовеешь. От „Фонда офицерских вдов“ ты будешь получать фунтов девятьсот в год да еще по королевскому указу фунтов шестьсот, итого набежит тысячи полторы (с поправкой со временем на разницу в ценах). От дядюшкиного капитала после моей смерти тебе ничего не достанется. Да и, как ты знаешь, Люс, в последние лет десять мне и самому по этим процентам все меньше и меньше доставалось. Во-первых, из-за девальвации, а во-вторых, потому, что какой-то идиот из совета попечителей неудачно поместил основной капитал. И с 1964 года я получал меньше двух сотен. Я хотел кое-что скопить в лондонском банке, но мне мало-помалу почти все перевели в Бомбей. Там у меня на счете фунтов пятьсот, может еще около двухсот в Лондоне. Страховка у меня небольшая, всего две тысячи, но, учитывая многолетние накопления, сумма, поди, уже удвоилась. Одним словом, Люс,

денег тебе хватит, чтобы уехать на родину, коли ты надумала, хотя я тебе и не советую, здесь жизнь дешевле. Конечно, и в Англии с голоду не умрешь, там же полным-полно всяких благотворительных обществ вроде „Обездоленных дворян“. Потом есть еще бесплатные лечебницы и дома для престарелых. Белому бедняку все-таки легче, наверное, прожить в Англии, чем в Индии. Хотя по меркам среднего индийца мы — люди зажиточные. Но не по меркам индийского офицерства. Прости, Люс, я, по-твоему, крепко запустил наши финансовые дела. Наверное, диву даешься, куда девались деньги, которые изредка нам перепадали. Я, по правде, и сам ума не приложу! Компенсацию (три тысячи), которую я получил, уйдя в отставку после объявления независимости (а для службы в английской армии я уже был слишком стар), мы истратили на поездку в Англию, ведь дорогу фирма оплатила только мне. Говорю это не в оправдание. Я, Люс, и впрямь дурак. Помнишь, мы выгодно продали в Индии старику Загребущему (как я его звал) машину, что привезли из Англии, тогда еще можно было подзаработать на перепродаже, не нарушая закона. Но эти „левые“ деньги впрок не пошли. Заплатил он мне крупными купюрами,

а они в кармане не залеживаются. Много денег просадил я на ипподроме, сама знаешь. В ту пору едва ли не все англичане привозили в Индию машины — пошлиной на родине они не облагались, раз вывозишь за рубеж. Индийцы охотно перекупали их, так как в ту пору на машины у них была очередь. Но не таким простофилям, как я, заниматься спекуляцией. Пока я охал да ахал над своим сказочным богатством, всякий, у кого есть деловая хватка, пустил бы его в оборот. Частично компенсация пошла на уплату взносов в „Фонд офицерских вдов“, где я тогда чуток задолжал. Нет, Люс, я вообще-то платил аккуратно, понимал, что вся твоя надежда на этот фонд. Много потратили мы, разъезжая по Индии, прежде чем осели в Панкоте. Знаю, ты считаешь, что я здорово сглупил, оставшись в Индии. Когда Индия получила независимость, мне было сорок шесть — негоже мужчине в этом возрасте в отставку подавать. Однако и поздно все заново начинать бог знает где. В Англию в мои-то лета мне просто нечего было и соваться, а в Индии отставка сулила меньше зол. Я и по сей день уверен, что мы правильно поступили, оставшись здесь жить. Собственно, „жить“ — слишком громко сказано. Мы лишь существуем, как и

прочие наши сверстники, соответственно воспитанные, заурядных способностей, не бедняки, но и не богатеи, у которых большие деньги никогда не водились, богатого наследства им никто не оставлял. Но вот подходит время, они бросают работу и оказываются в таком же положении, где бы они ни жили. И мне еще повезло оказаться в Индии, не потому, что это какая-то особая страна, а потому, что для меня она не просто место службы, где мне двадцать пять лет выплачивали жалованье (срок, конечно, немалый, хотя я был вправе рассчитывать и на больший). Но в один прекрасный день власть предержащие мне и говорят: „Хватит, Смолли, ты здесь больше не нужен, нам всем отсюда пора уматывать. Жаль, что тебе 46, а не 36 или 56“. В то время я только об этом и думал: ведь в Индию я вложил не деньги (которых не было), не способности (которых у меня с гулькин нос), не свой труд (от которого Индии ни на йоту не стало легче), а единственное, что только мог вложить, — душу. Моя ошибка в том, что я ожидал проценты от своего вклада, того, что, казалось, мне причитается. А получил шиш, и с тех пор — не ругай меня, Люс, — я веду себя как последний дурак. Невиданно затянувшееся ребячество. Бесконечная игра в Холи. С глазу на

глаз признаться тебе в этом не могу. Писать и то заставляю себя. Так по-дурацки меня воспитали. И не вздумай отвечать на это письмо! Ни к чему! Пожалуйста, ничего не пиши. Ты всю жизнь была мне хорошей женой, Люс. Прости, что не говорил тебе об этом вслух. Когда допишу эту чертовщину, перечитывать не стану — иначе порву! Суну в конверт, и — с глаз долой, из сердца вон!

И ничего не хочу слышать об этом письме! Заикнешься — наговорю гадостей! Впрочем, и без того наговорю еще! Уж такой у меня характер. Целую. Слоник».

Она зашла на кухню. Почти вся вода в чайнике выкипела, хватило лишь на полчашки кофе. Она захватила его на веранду, там же и села, закутавшись в пальто. Из «Горного зала» ресторана в «Ширазе» долетала музыка — играл оркестр. На небе мерцали звезды. Вот оркестр примолк, и она услышала вой шакалов в холмах. Допив кофе, вернулась в дом, опустила жалюзи, дверь оставила незапертой — вдруг Слоник забыл ключ. Сполоснула чашку, проверила: приготовил ли Ибрагим все для какао господину. Потом вошла в спальню, разделась и легла в постель. Письмо Слоника она положила под подушку и выключила свет.

Скоро ей исполнится шестьдесят семь. Если

она овдовеет, дай бог, чтобы ее доход составил полторы тысячи фунтов в год. Да тысячи две — в банке, не считая мужниной страховки. На дорогу в Англию хватит, а что дальше? Она забылась, проснулась — сон больше не приходил. Включила свет, посмотрела на часы. Начало двенадцатого. Снова принялась считать, пересчитывать, прикидывать. Потом, видно, заснула. Разбудили ее голоса в саду: разговаривали Слоник, доктор Митра и его супруга. Господи, неужели он пригласил их заночевать?! Очевидно, они провожали его домой, и он предложил им зайти. Через минуту она вздохнула облегченно: гости откланялись, Слоник запер за ними дверь и пошел на кухню варить какао.

На душе у Люси сделалось покойно-покойно. Она повернулась к стене, чтобы не мешал свет из гостиной. Уже засыпая, она нащупала конверт, в нем — единственное за долгую супружескую жизнь письмо от Слоника со словами любви.

Глава пятнадцатая

В понедельник 24 апреля в семь пятнадцать утра Люси закончила чаепитие — поднос ждал ее у постели. А в это время в гостинице мистер Булабой услышал, как из номера 1 (спальни миссис Булабой) донесся то ли рык, то ли стон. Пятнадцать минут спустя Люси на цыпочках проследовала в ванную и там оделась, чтобы не разбудить Слоника. Он долго ворочался ночью и заснул лишь под утро. Поэтому Люси предупредила Ибрагима, чтоб чай сахибу не подавал раньше четверти девятого, когда она уйдет в парикмахерскую «Шираза». Пока она объясняла Ибрагиму, что купить, мистер Булабой на цыпочках шмыгнул в комнату миссис Булабой; приказ явиться передала ему Мина. Он тоже провел беспокойную ночь, припоминая все загадочные вчерашние перипетии и обиды, понесенные им от отца Себастьяна, мистера Томаса и Сюзи. Войдя в комнату жены, он застал ее в привычном состоянии: она лежала ничком на постели и тихо стонала. После субботнего скандала они не разговаривали.

— Не послать ли, Лайла, за доктором Радженд-

рой?

— Не надо, — одними губами изобразила она.

— Тогда, может, за доктором Тапоревалой? — мистер Булабой облизнулся. — Или за доктором Бхаттачарией?

Она лишь простонала в ответ, потом прошелестела:

— Ты написал Уведомление?

— Сейчас напишу.

— Поторопись. И принеси мне. Я подпишу.

— Лайла, дорогая, стоит ли тебе утруждать себя всякими пустяками? Я-то здесь для чего?

— Вот и я порой себя о том же спрашиваю.

— Лайла, Уведомление нужно напечатать.

— Разумеется.

— А машинка будет стрекотать.

— Что ж, каждому свой крест нести!

Минуту спустя мистер Булабой уже сидел в своей клетушке. Он вставил в древний «ремингтон» два листка бумаги (второй — для копии — потоньше), переложил их копиркой и начал:

«24 апреля 1972

Многоуважаемый полковник Смолли!»

Из номера мистера Панди донеслись звуки радио. Мистер Булабой подскочил к двери, влетел в соседнюю комнату, выключил радио, показав

жестом, что у миссис Булабой мигрень, и удалился к себе.

Написать Уведомление — значит окончательно и с позором капитулировать перед Лайлой. Да, собственно, он уже капитулировал. Хотя писалось ему ох с каким трудом. Все равно что подписываешь смертный приговор давнему другу. А для него самого это тоже приговор — к пожизненному заключению. И об этом не забывал мистер Булабой, когда, запинаясь, печатал отрывистые, сухие фразы. Они со Слоником оба жертвы. Ему самому уготована роль болонки при Лайле. Высунув язык, будет он носиться вслед за ней по всей Индии, а то и за море, будет вилять хвостом, пока в один прекрасный день она не выгонит его. Так, может, это станет милосердным избавлением? Сегодня утром мистер Булабой был уже готов в это поверить.

Какая досада, что ему не сказали в церкви про орган. Ведь сколько лет он пытался его починить. Даже собирал деньги. А мистер Томас знал, что его починили. И Сюзи знала. И вчера, когда орган заиграл, мистеру Булабою обрадоваться бы, ан нет, его самолюбию нанесли сокрушительный удар.

— Мы хотели сделать вам, Фрэнсис, сюрприз, —

сказал тогда отец Себастьян, — скромная награда за ваши былые труды.

Почему за «былые»?

— Вы очень добры, — ответил он тогда и увидел, как они улыбаются. Жалостливо, как показалось ему. Постепенно открылась история чудесного «воскресения» органа. Починили его с помощью отца Себастьяна, он, видно, разбирался в музыкальных инструментах. И не так уж безнадежно тот был сломан, как уверяли паству (кто «уверял»?). Был у святого отца и знакомый мастер в Калькутте. Он приехал, остановился у Сюзи. Мистер Томас дал ему запасной ключ от церкви. За десять дней мастер и впрямь совершил чудо, а Сюзи потом несколько дней репетировала, играла.

— Мы хотели сделать вам сюрприз, — повторила она слова отца Себастьяна. — Господи, как мы только не таились! Каждую минуту боялись, что вы застанете нас за работой. Детишкам мистера Томаса наказали следить за вами днем и задержать подольше, если вы направляетесь в церковь. А другой мальчонка должен был немедля бежать в церковь, предупредить мастера, брата Джона. А по ночам, когда приходила играть, я поручала Джозефу приглядеть за входом;

вдруг вам вздумается проверить, не утащил ли какой злоумышленник нашу церковь!

Оба рассмеялись. Значит, и Джозеф знал про орган. Не знал лишь он, приходский староста.

— Должно быть, починка стоила немалых денег, — выдавил он из себя, стараясь изобразить счастливую улыбку на лице, ведь они все уверены, что осчастливили его.

— Отец Себастьян — член комитета по субсидиям на ремонт и благоустройство.

— И к тому же, — вставил священник, — не для всех деньги — самое главное. Орган отремонтировали почти даром, бескорыстно. Брат Джон сказал, что ремонт несложный. Он с помощником его быстро наладил. Мы надеемся, что он приедет на Троицу и нам поиграет.

— Как чудесно он играет, — вздохнула Сюзи. — Я ему и в подметки не гожусь. Баха он исполнял так, словно сам не от мира сего, даже не сравнить с тем, как играл наш бедный мистер Мейбрик, он учил меня органу, когда я была еще крохой и ноги не доставали до педалей.

«Вот и я тоже не от мира сего», — подумалось мистеру Булабою. И снова мысль эта пришла в голову, когда он заканчивал Уведомление. «С искренним уважением». «Я здесь никому больше

не нужен. В органах я ничего не смыслю, играть не умею, верю всякому, кто говорит, что орган неисправен. А орган, о котором я имею некоторое понятие, увы, в починке не нуждается, но только портит мне жизнь, спрятать бы его куда подальше».

Восемь часов утра: в былые времена, когда мистер Булабой с гордостью управлял процветающей гостиницей, это был час заезда — только успевай поворачиваться.

* * *

— Я сейчас уйду, а тебе вот дополнительный список. Купить у Джалал-ад-дина еще консервов, кто знает, может, за ужином пригодятся. Вот тебе деньги; и, пожалуйста, на обратном пути возьми извозчика, всех покупок тебе не дотащить. Если денег не хватит, пусть Джалал-ад-дин запишет, на неделе расплачусь.

— Мем-сахиб, а как насчет спиртного?

— Да, конечно, надо бы купить еще, но пусть об этом сахиб позаботится. Вернусь я около половины одиннадцатого, и все с ним обговорим. Ты же, как только я уйду, напои его чаем, накорми завтраком и потом уже иди за покупками. Встретимся мы в половине одиннадцатого, выясним,

что у нас есть и чего не хватает, отправим хозяина погулять с Блохсой и купить выпивку.

Люси заглянула в сумочку: денег заплатить Сюзи хватит. Она захватила с собой легкий платок: вдруг на обратном пути подует ветер, новая прическа может пострадать. Уложив все в сумочку, спустилась с крыльца и остановилась.

«Канны цветут вновь (подумала она), какие необычные цветы». Фраза эта была из «Выхода на сцену»: Кейти Хепберн узнаёт, что Андреа Лидз покончила с собой, так как роль, о которой она мечтала, досталась Кейти. Известие это настигает актрису перед самым выходом на сцену. И она выходит и играет блистательно, как никто от нее не ожидал.

— Ибрагим! — позвала Люси.

— Иду, мем-сахиб! — откликнулся тот.

— Надо бы канны сегодня полить. Бедняжки совсем засохли, истосковались по воде.

— Я прикажу мали. — И долго смотрел вслед хозяйке. Она свернула к запасному выходу, он выводил прямо к громаде «Шираза». Снова остановилась подле клумбы с петуниями, потрогала цветы. Потом Ибрагим вернулся в дом, поставил кипятить воду, принялся готовить завтрак. В половине девятого отнес чай к постели хозяина

и раздвинул шторы. Выпустил Блохсу из гаража, она приплелась на веранду и снова легла. Потом Ибрагим нарезал хлеб, вскипятил воду и поставил ее на медленный огонь, иначе яйцо для сахиба переварится. Да разве с этой плитой угадаешь?

А мистер Булабой десятью минутами позже появился в своем «кабинете». Видно было, что его крепко отругали и заставили перепечатать Уведомление.

«Пропади все пропадом, — чертыхался он мысленно. — Мне и самому-то здесь не жить, так чего ради беспокоиться о супругах Смолли?»

«Уважаемый полковник Смолли!

Довожу до Вашего сведения, что и гостиница и флигель подлежат реорганизации под началом новых владельцев, в связи с чем „Сторожка“ с 1 июля сдается для проживания с еженедельной оплатой и без гарантии на продление срока. Я считаю необходимым известить Вас заблаговременно, чтобы Вы успели подыскать в самое ближайшее время новое жилье.

Примите настоящее письмо в качестве уведомления о том, что, возможно, уже с 30 июня „Сторожку“ придется освободить.

Владелица гостиницы Л. Булабой, с приветом».

Как долго писалось это короткое письмо. Несколько раз мистер Булабой начинал заново. К девяти часам он наконец поставил точку. Оставалось переписать набело и отдать первый экземпляр миссис Булабой на подпись, а второй — мистеру Панди, тот днем захватит его с собой в Ранпур.

* * *

— Завтрак готов, сахиб. — Ибрагим взошел на веранду и поставил поднос на стол.

Сахиб, одетый, но еще небритый, стоял в саду около клумбы с каннами. Блохса путалась у него под ногами.

— Отвяжись от меня, наконец! — прикрикнул Слоник и отпихнул ее ногой. — Ибрагим!

— Слушаю, сахиб?

— Какою черта канны не политы?

— Вот и мем-сахиб о том же спросила. Мали говорит, что из хозяйского бака воды утром взять не удалось, пришлось разыскивать старый бак, а он протекает. Сейчас мали его чинит. А починит — и канны польет.

Сахиб с трудом взобрался на веранду, снова отшвырнув с дороги собаку.

— Зачем целый бак для одной клумбы канн?

Воду, между прочим, можно и в ведре принести, или оно тоже прохудилось? А почему это из нового бака воды не достать?

Ибрагим уклонился от ответа, ему не хотелось рассказывать о том, чьи это садовые инструменты и чей мали. Он лишь пробормотал:

— Может, новый еще хуже старого протекает. Вас ждет завтрак, сахиб.

— Вижу, не слепой. А где мем-сахиб?

— В парикмахерской. Вернется к половине одиннадцатого. К завтраку вроде все подано: чай, поджаренные хлебцы, повидло, яйцо — я его четыре минуты варил. Принести ли газету?

— А что еще в почте?

— Ничего, сахиб.

— Как? Даже счетов нет? Без утренней почты и завтрак не в радость. Ну-ка, ленивец, напиши хоть ты мне письмо. А еще лучше — убери отсюда эту треклятую собаку да своди ее погулять.

— Слушаюсь, сахиб. После завтрака я непременно пойду с ней погулять. А пока запру в гараже.

— Я сказал: сейчас же иди с ней гулять! Да заодно на базаре мне мыльного крема для бритья купи. И мигом — домой!

— Да, сахиб, непременно. Я схожу с Блохсой погулять. Только на базар с ней не пойду. Она

— собака глупая, без поводка будет рыскать по сторонам, за другими собаками увяжется. Хлопот с ней не оберешься, у нее ж одни кобели на уме.

— Тогда возьми поводок!

— Сахиб, дело в том, что я сейчас не смогу погулять с Блохсой даже с поводком. Мне нужно купить на базаре живую курицу. А Блохса не собака, а шайтан, курица раскудахчется, не уймешь: как я ее домой донесу?

— Я тебя не за курицей, за мыльным кремом посылаю.

— Я вас, сахиб, понял. Курицу мне мем-сахиб наказала купить. — Он вытащил список покупок. — И еще много кой-чего. Рук не хватит все донести. Мем-сахиб даже сказала, чтоб я на извозчике домой возвращался. Я просто не представляю, как это я со всеми свертками да корзинками в коляске поеду, да еще и собака — либо со мной рядом на сиденье, либо трусит следом. — Он улыбнулся, ожидая, что Слоник оценит положение и ответит улыбкой. Но сахиб не улыбнулся. Он лишь сказал:

— Покажи мне список.

— Это все покупки к ужину, — напомнил Ибрагим. — Да для гостя-англичанина.

Слоник-сахиб внимательно прочитал список.

— Мем-сахиб и денег тебе дала?

— Да, сахиб.

— Давай их сюда.

Ибрагим послушно протянул деньги.

— Все. Забудь об этом. Бери Блохсу, иди с ней гулять и принеси мне мыльного крема. — Слоник налил себе чаю. — Все!

Все. Разговор окончен. Можно проваливать. Убираться ко всем чертям.

— Простите, сахиб…

— Я сказал: все — и чтоб собака больше у меня под ногами не путалась.

Шайтан, выругался про себя Ибрагим, что сахиб, что мой свояк — все дерьмо. Уж как тогда в Лондоне, в доме на Финсбери-парк, сестра умоляла Ибрагима взять ее с собой обратно в Индию, как плакала. У него тогда кончилась гостевая виза, и нужно было уезжать. А свояк — дерьмо, иначе и не назовешь. В доме у него двенадцать постояльцев, с каждого он по восемь фунтов брал, а туалет — один на всех. И попробуй пожалуйся! Порой в доме жило и больше двенадцати человек, а это противозаконно. Уж где там только не ютились! А свояк, чтоб ему пусто было, все угрожал выселить, жулик, каких мало, к жене хуже, чем к прислуге относился. Вот и полковник-сахиб

такой же. Хуже любого мусульманина или брахмина. Да все они хороши!

— Я сказал: все! — грозно повторил сахиб.

— Ибрагим не глухой, сахиб.

— Тогда проваливай и прихвати это сучье отродье. Не забудь про мыльный крем.

— Сахиб, сперва, наверное, нужно все купить, а потом уж с собакой гулять. Да и мем-сахиб сказала, что сахиб сам с собакой прогуляется, когда за выпивкой пойдет.

Словно по взмаху невидимой злой волшебной палочки, Блохса вдруг заскулила и завертелась юлой. Слоник-сахиб вскочил с кресла, схватил собаку за ошейник и потащил ее в гараж. Заперев ее, он бросил:

— Ты уволен!

Ибрагим вздохнул и заложил руки за спину.

— Хорошо, сахиб. Но сначала я все-таки схожу за покупками для мем-сахиб, потом вы меня уволите и заплатите за три недели.

Дальнейший ход событий немало удивил его. Слоник-сахиб вытащил из кармана брюк бумажник, отсчитал купюры, бросил их на стол.

— Ну, а теперь проваливай. Да поживей. Собирай манатки — и проваливай!

Ибрагим поначалу не стал брать денег.

— Полковник-сахиб, почему вы так со мной поступаете? Что, по-вашему, мне делать, если госпожа приказывает одно, а господин — другое? Госпожа велит идти на базар, купить курицу, ощипать, начинить приправами и с помощью Аллаха зажарить. Подавать ее холодной с салатом, закусками и запеченными бутербродами с анчоусами. Господин велит погулять с собакой и купить мыльный крем. Я могу управиться и с тем и с другим, но не одновременно! Чьих приказов мне слушаться?

— Служил бы в армии, знал бы чьих! — закричал Слоник. — Последний приказ — самый главный. Последний — понял?! А ты его только что слышал. Убирайся!

Ибрагим собрал со стола деньги. Лучше побыстрее уйти от греха подальше.

— А перед тем как я уберусь, можно один вопрос: как мем-сахиб управится одна и приготовит ужин на четверых?

— Нет, никаких вопросов. Ибрагима это не касается. Больно высоко себя ставишь. Все: я тебя рассчитал. Убирайся. Проваливай. Чтоб духу твоего здесь не было.

Ибрагим ушел. Взглянул на часы: девять пятнадцать. Чуть задержался в доме: вдруг сахиб

закричит, что яйцо переварилось? Нет, тихо, лишь Блохса все скулит. Ибрагим пошел искать Джозефа, ему тоже придется собирать вещи. «Я не хочу, чтобы сад пришел в запустение, и постараюсь, чтоб до этого не дошло», — вспомнились ему слова мем-сахиб. Не беда, что его рассчитали, восстановят в одну минуту.

— Ведь, в конце концов, мали-то мой, — пробормотал Ибрагим. — Раз меня выгнали, значит, и его.

За домиком он столкнулся с Миной. Она протянула ему конверт, адресованный полковнику Смолли.

— Беда, ох, беда, — покачала она головой.

— Вот и хорошо. На меня, моя ласточка, тоже беда свалилась: снова уволили. — Он куснул ее за ухо, ущипнул за грудь, склонился и стал шепотом пересказывать свои злоключения, Мина лишь хохотнула, прижалась к нему, разбудив его плоть, и была такова. А Ибрагим, слегка понурясь, вернулся к хозяину.

— Вам письмо, сахиб. Только что передали.

— Я же сказал тебе: убирайся! Деньги получил и уматывай к чертовой бабушке.

— Письмо от Дирекции, — сказал Ибрагим и положил письмо на стол. — Больше не побеспо-

кою. Свой последний долг выполняю. Видно, и впрямь разверзаются небеса и грядет конец света Так написано. Салам алейкум.

Блохса прямо-таки рвалась из-за двери гаража. Ибрагим немного постоял в доме. До него донесся возглас сахиба: «Сука! Сучье отродье!» Скрипнуло кресло: видно, хозяин поднялся, сейчас пойдет к миссис Булабой и задаст ей жару. Ибрагим улыбнулся и вышел черным ходом; Джозефа он нашел за гаражом, тот чинил старый бак.

— Бросай работу! — объявил он мали. — Нас уволили. Раз меня рассчитали, значит, тебя тоже.

Через пятнадцать минут оба уже сидели на корточках у входа в «Шираз», рядом узлы с одеялами и символическими пожитками. Скоро выйдет Люси-мем, и можно начинать переговоры о восстановлении на службе.

* * *

Мистер Булабой в ужасе шарахнулся от клумбы с каннами; на ней лежал полковник Смолли, глаза открыты, лицо побагровело в вытянутой руке зажато письмо: будто чужеродный стебель вдруг поднялся на клумбе и выпустил нежданный-негаданный белый цветок. Мистер Булабой

опрометью кинулся прочь. Вбежал в дом — никого. Остановился было у гаража, за дверью все выла несчастная собака. С жалобой на нее он и пришел к полковнику, Блохса стала биться о дверь. Мистера Булабоя обуял страх. Он повернулся, но перед глазами вновь оказалось распростертое тело на клумбе. Мистер Булабой понесся через весь сад к гостинице, влетел в комнату жены, вытолкал оттуда Мину, захлопнул за нею дверь и подошел к постели, где огромной жирной гусеницей извивалась его жена.

— Любовь моя, — прошептал он, — Лайла, любовь моя. Он умер! Он умер! — И не успела она и рта раскрыть, как он прильнул к ее губам и обвил руками шею, не то стремясь задушить ее, не то — изъявить любовь. Всем телом он прижал ее к постели, чтобы унять ее конвульсивные движения, но Лайла оказалась сильнее: мистер Булабой сначала оказался в воздухе, потом — на полу, причем упал он тяжело, со стуком. Жена села в постели.

— Кто умер?

Мистер Булабой рассказал о том, что видел, и как мог живописал.

— Где Уведомление? — Она надвинулась на мужа, жарко дыша ему в лицо.

— У него в руке.

Она схватила его за рубашку.

— Принеси его!

— Кого — его?

— Письмо, идиот! Раз полковник умер, незачем посылать Уведомление!

На верхней усатой губе у нее проступил пот. Капелька скатилась с подбородка и упала на прозрачную ткань, чисто символически прикрывавшую грудь. «Я и впрямь пропащий, — подумал мистер Булабой. — Я у нее под пятой. Какой я христианин! Я — язычник-индуист, а Лайла — моя богиня. Почти каждую ночь приношу я ей жертву, а бог Шива дает мне силы». Он закрыл глаза, чтобы не видеть своего божества, попытался вызвать другой образ, но тщетно.

— Лайла, я не могу обобрать мертвого.

Постель заскрипела, зашуршала — Лайла встала, оттолкнув мужа могучим бедром.

— Дурак! — бросила она и пошла к двери.

— Лайла, вернись! Опомнись!

Но ее уже не было в комнате. Шатаясь, мистер Булабой последовал за ней и вдруг встал как вкопанный. Она же струсила! А раз струсила, значит, не так уж она умна и сама. Струсила! Куда девалась ее хозяйская хватка. По крайней мере, трое

знали о письме: Мина его относила, Ибрагим передавал хозяину, мистер Панди ждет не дождется копии Уведомления. А в нем лишь предложение подыскать другое жилье. Конечно, известие это доконало старика, но разве кто виноват?

Мистер Булабой вовсю припустил за женой, но душа его уже ликовала:

«Теперь я знаю, чем тебя пронять! Что, испугалась? Еще бы! Сдрейфила! Так кто ж из нас дурак, а, Лайла, любовь моя?»

* * *

Доктор Митра дважды осмотрел тело своего бывшего пациента, которого и сегодня зашел навестить. Он увидел, как навстречу, колыхаясь обильными телесами, плыла миссис Булабой, за ней семенил ее плюгавый муж.

— Слава богу, что вы здесь, доктор, — еще издали возопила толстуха. Подойдя ближе, она долго не могла отдышаться. — Муж увидел его минуту назад и всполошился. Ему показалось, что полковник мертв, но, может, он просто без сознания и нуждается в помощи.

— Боюсь, что мертв.

Миссис Булабой заохала, сжала кулаки, словно собиралась бить себя в грудь. Муж ее стоял по-

зади, нервно теребя пальцы и не сводя взгляда с пустой руки Слоника.

— Боюсь, исход был предрешен. И он сам это чувствовал. — Доктор поднялся на ноги. Письмо лежало у него в кармане.

Миссис Булабой круто повернулась к мужу и на этот раз хватила-таки себя кулаком в грудь.

— Это из-за письма! — простонала она. — Почему ты не передал его лично! Почему не подготовил полковника заранее! Тоже мне, друг называется! Мог бы осторожно ему обо всем рассказать. Да что там! Я и сама виновата! Разве тебе можно такое дело доверить!

Она понурилась, прикрыла рукой глаза и, тяжело переваливаясь, отошла.

— Ну что ж, мистер Булабой, помогите мне отнести его в дом. Похоже, там никого нет. Я сразу же позвоню в больницу. Не знаете ли, где миссис Смолли? Хорошо бы и ее уведомить.

— Это неправда! — вдруг выкрикнул мистер Булабой.

Доктор Митра сделал вид, что не понял, о чем сокрушается мистер Булабой.

— Боюсь, что правда. Пойдемте, поможете мне. Не оставлять же тело здесь.

* * *

— Ну, вот и все, миссис Смолли. Выпейте-ка кофейку, полистайте журналы. Сушилка не обжигает?

— Нет, все замечательно. Я очень рада, что вы придете к нам вечером. Ужин, правда, будет скромный. Чем богаты, тем и рады.

— Мать говаривала: «Не в богатстве счастье». Я так жду сегодняшнего вечера, да и отец Себастьян тоже.

Люси закрыла глаза, так приятно веет теплом из-под колпака сушилки. Добрее, добрее нужно быть к ближнему своему, внушала она себе. В конечном счете «ближние» для нее — индийцы-христиане, да полукровки вроде Сюзи. Велик ли выбор?

Она допила кофе, взглянула в зеркало: уже появились первые парикмахерши, помощницы маэстро Саши, молоденькие, хорошенькие. Значит, половина десятого. Она стала перелистывать журнал, положив на колени: вот со страниц на нее смотрит Тул, теперь в обличье Стива Мак-Куина. Снимок из «Пари-матча» — наверное, кто-то из туристов журнал оставил. Она перелистала его, стараясь понять заголовки. К языкам у нее

способностей не было. Ее первая французская книжка в школе называлась «Голубая книга». Люси даже помнила первое предложение: «On m'appele Jet»[22]. Про котенка. Про черного, беззаботного котенка. Учительницу французского звали мисс Джаб. Или просто Жаба. Ее терпеть не могли. И вдруг она заболела. Никто не знал чем. Скорее всего, у нее была какая-то женская болезнь. И вдруг все школьницы стали присылать ей в больницу цветы. И Люси послала целую корзину, нарвала в отцовском саду: сирень, розы-столистницы (и белые и алые, они так хорошо пахнут), веточка жимолости, люпин, пион. Родители Риты Чалмерс заказали букет у цветочника. Рита Чалмерс все в жизни делала красиво. Вышла замуж в богатую семью, у них был свой «роллс-ройс». Интересно, счастлива ли Рита? О своей школьной подруге Люси не вспоминала уже много лет, равно как и об учительнице французского, о корзине с цветами. Помнится, как пугалась ее суеверная мать, если снились цветы: «Непременно кто-нибудь вскорости умрет».

Люси закрыла журнал, и с обложки на нее уставился Мак-Куин. Увы, взгляд этот предназначался

---

[22] Примечания: 22
Меня зовут Черныш (франц.).

не ей. Тул. Жив ли ты, Тул? Был ли ты счастлив? Удалась ли тебе жизнь? И если ты нашел ту девушку, не пожалели ли вы оба потом? Я почти забыла, каков ты, помню лишь твой затылок. И так во всем: и любовь и счастье в жизни никогда не поворачивались ко мне лицом. А если и поворачивались, то мне никак было не разглядеть — словно яркое солнце слепило. Слоник, ты помнишь зеленую сумочку? Помнишь, как она блестела на солнце и я щурилась? Какой ты запомнишь меня? Какой я тебе представляюсь? И важно ли тебе это? Ты говоришь, я была тебе хорошей женой. Объясни. Ты называл меня «Люс». Что это: твоя ласка? Или всего лишь удобная короткая кличка? Прости. Я не буду больше задавать глупых вопросов. Сорок лет я тебя мучила ими — больше не буду. Ты написал мне письмо, в нем — любовь. Я хранила это письмо под подушкой всю ночь.

Всю ночь!

* * *

— Миссис Смолли, все готово.

Люси встрепенулась.

— Уже?

Сушильный колпак уже убрали, сейчас Сюзи

снимала бигуди. Еще не совсем проснувшись, Люси потрогала пальцем свою прядь.

— Что-то мне кажется, Сюзи, волосы еще не просохли. А простудиться мне совсем не хочется.

— Нё простудитесь, миссис Смолли. Просто сегодня мы положили чуть больше краски, и волосы лучше не пересушивать. Зато какой цвет! С ума сойти! — Это говорила не Сюзи. Люси пристальнее вгляделась в зеркало. Сюзи по-прежнему снимала бигуди, а отвечал Люси молодой мастер Саши. Он внезапно появился за ее креслом. Вот Сюзи сняла все бигуди и отошла, Люси обратила внимание, что несколько девушек смотрят в ее сторону. С чего бы это?

— Сюзи, солнышко, я сам причешу миссис Смолли, а ты будь умницей, принеси-ка еще кофе.

Сюзи отошла. Около группы девушек она задержалась, одна из них что-то сказала ей и чуть не под руки вывела Сюзи из салона. А Саши работал умело. Красиво работал. Руки его проворно укладывали прядь за прядью, а рот не закрывался ни на мгновенье. Странно, раньше он вообще почти не замечал Люси.

— А что, Сюзи нездорова? — спросила она.

— Сюзи? Нет-нет, что вы. Какие у вас чудесные волосы, миссис Смолли. Как-нибудь придумаем

вам новую прическу.

— Спасибо. Не слишком ли я стара для всего нового?

«Да и не по карману мне новое. Мне только на услуги Сюзи денег хватает, да и то потому, что она стрижет со скидкой, до начала рабочего дня. Сюзи, доброй душе, конечно, далеко до манер и выучки этого молодого человека. Я при нем даже теряюсь».

— Ну вот и все, миссис Смолли. Нравится? — Он поднес зеркало, чтобы Люси поближе рассмотрела свою прическу.

— Очень нравится. Лишь бы сохранилась хоть ненадолго. Очень красиво. У вас настоящий талант.

Он протянул ей душистое полотенце.

— Прикройте им глаза, а я покрою волосы лаком.

Люси кивнула. Он несколько раз прыснул из аэрозольного флакона, Люси обдало резким запахом, волосы точно сковало невидимым ледком. Он в последний раз прошелся ловкими пальцами по прическе. Люси отдала ему полотенце и посмотрела в зеркало.

Старуха. Старуха с великолепно уложенными волосами нежнофиалкового цвета. Под яркими

лампами салона на бледном лице Люси выделялись морщины, мешки под глазами: Старая миссис Смолли. Куда исчезла прежняя крошечка Люси? Состарились, потеряли выразительность глаза. Не спасали даже фиалковые волосы. Шея худая, дряблая. Молодой индиец любовался произведением своего искусства и больше ничего не замечал. А произведение и впрямь удалось. Настоящий шедевр. В зеркале их взгляды встретились.

— Спасибо. Вы очень любезны. Простите, мне пора, да и у вас работы по горло Потому-то я и прихожу пораньше. Скажите Сюзи, пусть даст мне счет.

Она открыла лежавшую на коленях сумочку. Узловатые, с выступающими венами пальцы плохо слушались. Под руку попалось письмо Слоника, она собиралась еще раз прочитать его, пока сушит волосы.

— Со счетом успеется, миссис Смолли, — ответил он, прибирая столик: сполоснул приборы, вытер, расставил все по местам — можно принимать очередного клиента. Подошла Сюзи, принесла чашечку кофе, поставила на столик. Саши отошел. Люси видела в зеркале, как он отозвал из салона всех девушек, чтобы оставить

Сюзи наедине с ней.

Глава шестнадцатая

День пошел на убыль, пошли на убыль и ее силы: невмоготу все сердобольные и соболезнующие соседи, «Сторожка» словно попала в осаду. Неизвестно откуда черпала Люси силы. Люди шли несколько часов подряд. Телефон не умолкал. Кто-то брал трубку, отвечал. И тут же раздавался новый звонок. И снова кто-то отвечал. На столе в гостиной высилась стопка писем: их приносили слуги и передавали Ибрагиму.

У Слоника, оказывается, так много друзей.

Ее навестили супруги Менектара, супруги Шринивасан, доктор Митра поначалу пришел один, потом — вместе с женой. На кухне Сюзи и отец Себастьян заваривали кофе и чай. А мистер Томас обносил всех, кто приходил. Никто, правда, не засиживался, однако Люси просила каждого остаться. Кое-кто прислал цветы. Она просматривала визитные карточки, не вчитываясь в имена, но помнила, что цветы нужно сложить в одном месте: завтра они понадобятся. Пришел секретарь клуба со старушкой-вдовицей, ведавшей библиотекой.

— Простите, но, по-моему, мы до сих пор не

вернули вам книгу мистера Мейбрика. Давным-давно нужно было вернуть Обещаю, я об этом не забуду.

— Пойдемте с нами, Люси, — предложила Куку Менектара; опускались сумерки, люди расходились, — переночуете у нас, а то и поживете сколько захотите.

— Спасибо, Куку, но, право же, мне лучше здесь, вы меня поймете.

Куку поцеловала ее и шепнула на прощанье:

— Если передумаете, позвоните, и мы заедем за вами.

И Шринивасаны приглашали ее к себе, и Сингхи (они особенно тронули Люси).

Последними уходили супруги Митра. Впрочем, не совсем последними: остались и отец Себастьян, и Сюзи, и Ибрагим; все они еще суетились на кухне.

Доктор Митра спросил:

— Вам не понадобится помощь? А то поехали к нам.

— Нет, я чувствую себя хорошо, и мне хочется остаться здесь.

— На тумбочке у постели я оставил вам таблетку. Примите на ночь. Вам нужно выспаться. Сюзи говорит: если хотите, она останется с вами.

— Спасибо. Все в порядке. Обо мне позаботится Ибрагим. Когда Слоник болел последний раз, Ибрагиму приходилось ночевать в гостиной. Бедный Ибрагим. На нем лица нет — весь день на ногах.

* * *

— Меня, отец Себастьян, беспокоит только одно, — сказала Люси, когда они остались в гостиной вдвоем.

Она включила электрический камин. Ибрагим пошел за дровами, чтобы разжечь настоящий камин. Сюзи все еще возилась на кухне, домывала посуду. Отец Себастьян отнес ей тарелку горячего супа и рюмку бренди.

— Слоник очень тревожился: где же его похоронят? Он очень любил эти места. Нельзя ли его прах после кремации оставить на время в часовне, а потом похоронить на церковном кладбище. Он говорил: в юго-западном уголке есть место.

Отец Себастьян кивнул, но промолчал.

«А потом, — подумала Люси, — я поставлю у изголовья небольшую каменную плиту. И на ней будет одно-единственное слово. — Она улыбнулась: — „Слонику“. До чего ж смешное

прозвище!»

— Выпейте-ка бренди, миссис Смолли.

— Завтра вы еще побудете здесь?

— Да, я останусь до среды.

— А завтра какой день?

— Вторник.

Вторник. Что-то она собиралась сделать во вторник. Люси выпила бренди.

— Отец Себастьян, я, пожалуй, сейчас лягу спать. Спасибо вам. Вы уделили мне столько времени! И вам, Сюзи, спасибо.

Сюзи проводила ее в спальню, включила свет и в комнате и в ванной.

Люси села на кровать мужа, над ее собственной была опущена москитная сетка.

— Конечно, все дело в письме, — обратилась она к Сюзи, деловито сновавшей по комнате, — письмо-то его и доконало. Такое потрясение. Доктор Митра так и не пустил меня попрощаться. И письмо не хотел показывать, но я настояла: уж я-то должна знать, о чем оно!

— Да не беспокойтесь вы так из-за этого письма. — Сюзи как могла пыталась утешить ее. — Пока у меня есть крыша над головой, есть дом и у вас. — Она замолчала, покосилась на Люси. — Люди вроде нас с вами должны держаться друг

друга.

Люси протянула было к ней руку, но Сюзи уже отошла, найдя себе какую-то работу.

— Хотите, я останусь сегодня с вами? — предложила Сюзи.

— Спасибо вам за все, может, вы попросите Ибрагима переночевать в доме, как в тот раз, когда болел Слоник? И тогда мне будет спокойно. А сейчас я, пожалуй, лягу спать. Что-то я продрогла и устала.

— Не забудьте принять лекарство. Я вам принесу какао в постель.

Люси разделась в ванной. Оставила там свет и забралась под одеяло. Сюзи принесла ей какао.

— Миссис Смолли, с вами еще и Мина побудет. Они с Ибрагимом разожгли камин в соседней комнате, если что, позовите. Свет выключать?

— Только люстру. Свой ночничок я выключу сама, а у постели Слоника пусть горит, хорошо?

* * *

От таблетки снотворного уже слипались глаза. Люси выключила ночник на тумбочке, легла лицом к стене, чтобы не мешал свет от постели Слоника, закрыла глаза. «Любимый мой, единственный мой», — прошептала она и уснула.

Проснулась она, дрожа от холода. Часы показывали половину четвертого. Напрасно она легла спать так рано. Действие снотворного кончилось. Она встала. Накинула халат, сунула ноги в шлепанцы, увидела пустую постель Слоника, и разом ударили вчерашние воспоминания. Она выключила ночник у него на тумбочке и вышла в гостиную. Там было темно, лишь проникал скудный свет из спальни. Люси осторожно сделала шаг, другой. Свернувшись калачиком по сторонам потухшего камина, под одеялами спали двое, Мина и Ибрагим. Тихонько пройдя мимо, Люси едва не вскрикнула — у стены спит еще кто-то!

Это Джозеф. Их трое.

Конечно, очень трогательно, но плакать нельзя, говорила она себе. Если заплачу, остановиться уже не смогу, а это, право же, нехорошо. Сколько дел нужно обдумать и сделать! Она постояла в темной кухне, глаза привыкли ко мраку, и она разглядела на столе бутылку бренди и стакан, скорее всего грязный, да не все ли равно. Захватив бутылку и стакан, она осторожно, чтобы не разбудить свою стражу, двинулась в обратный путь.

В спальне она налила себе бренди, села на постель Слоника, засмотрелась сквозь москитную сетку на огонек ночника у постели. Вдруг

вспомнила, что собиралась сделать во вторник. Отхлебнула изрядно бренди. Нужно позвонить в Ранпур мистеру Тернеру и отменить визит. Или лучше попросить кого-нибудь из надежных друзей, вроде доктора Митры: пусть позвонит и расскажет, что произошло. Мистер Тернер, конечно, огорчится, но не обидится. Может, напишет ей из Калькутты. А она ответит, что, поскольку он еще пробудет в Индии некоторое время, им стоит поддерживать переписку, и, как знать, может, они и встретятся позже, когда Люси оправится от удара.

Да, удар тяжкий. Она еще раз отхлебнула бренди — слишком крепко. Зашла в ванную, добавила холодной воды. Перестаралась. Вернулась в комнату, долила бренди. И снова пришлось идти в ванную: затошнило, стало крутить в животе. Она наклонилась над раковиной — однако ее не вытошнило; в животе же бурлило, она подошла к «трону», села; стакан с бренди поставила рядом на пол. Непроизвольно она вдруг застонала и тут же зажала рот рукой. Ни к чему будить слуг. А на низкую створчатую дверь она забыла повесить полотенце (значит, занято). Впрочем, не все ли равно. Услышь Ибрагим ее стон, он не бросится опрометью в ванную, раз постель ее пуста,

сообразит, пошлет Мину, и та окликнет Люси, спросит, все ли в порядке.

Теперь она одна, можно снова крючок на двери повесить. Слоник его в свое время снял по той же причине, по которой поставил два «трона»: дескать, раз живешь в Индии, в любую минуту может приспичить. А что делать, если приспичит обоим разом? Поэтому, если уж у них в доме одна ванная, пусть хоть будет два унитаза, и никаких крючков и запоров. Однажды мрачные прогнозы Слоника сбылись: супруги съели что-то несообразное их желудкам. Люси прежде клялась и божилась, дескать, ни за что не унизится и не сядет рядом со Слоником на «трон». И вот, нужда заставила. Сидели они, сидели, и вдруг Слоник как засмеется, а следом и Люси. Сидят на «тронах» и заливаются.

И сейчас, вспоминая, она тоже едва слышно рассмеялась, протянула руку — захотелось найти руку мужа и посмеяться вместе.

— Вы здесь, мем-сахиб? — услышала она женский голос. Это Мина. Стоит чуть поодаль от створчатых дверей — не видно ни ног, ни головы.

— Не беспокойся, Мина. Спасибо. Все в порядке. Ложись спать, отдыхай. Я и сама через минуту

лягу. — Люси откашлялась: пусть Мина слышит, что хозяйка владеет собой. Некоторое время спустя Люси выпила еще бренди, и вдруг ее пронзила мысль: нельзя отказать мистеру Тернеру, ведь он везет подарок Мине от Сары, Сюзан и малыша тех давних лет, которого она, Мина, вынянчила. Нельзя думать только о себе, укорила себя Люси. Бог с ним, с голубым шампунем, больше она не будет подкрашивать волосы. Но подарок Мина должна получить, это куда важнее. Для нее это целое событие: значит, маленькую няню-айя помнят. Утром нужно передать с ней записку мистеру Булабою, пусть оставит номер для мистера Тернера; и еще позвонить в Ранпур и сказать, что она ждет гостя. А о несчастье — ни слова. Он приедет в среду, Слоника уже похоронят, и, как знать, может, Люси будет не так тоскливо и страшно в присутствии молодого человека. Может, господь посылает ей утешение.

И еще раз она отпила из стакана. Ох, как трудно ей придется. Нужно держать себя в руках, гуляя с гостем по Панкоту, показывая все местные достопримечательности. Ведь каждый уголок в городе напоминает о Слонике. На церковное подворье она не пойдет — это выше ее сил. Да и гостю будет неловко: еще позавчера он говорил с полковни-

ком по телефону, а сегодня тот уже на кладбище.

— Я нарочно умолчала обо всем по телефону, — скажет она, — по правде говоря, мне необходимо сейчас с кем-то поговорить, с незнакомым человеком даже проще. Пойдемте, я покажу вам нашу «Сторожку». Сначала — сад. Хотя показывать особенно нечего, ни в саду, ни в доме. Он очень любил сад. Здесь ведь и впрямь хорошо, правда, мистер Тернер? У нас чудесный садовник-мали. Пока не построили «Шираз», нам из сада была видна почти вся Клубная улица. После обеда мы и по ней пройдем. Заглянем в Розовый Дом, может, Куку Менектара напоит нас чаем, а потом мы поедем в клуб и выпьем чего-нибудь покрепче. Мы возьмем экипаж, так вы лучше рассмотрите долину.

Раньше мы со Слоником везде ездили экипажем. А Слоник — такой упрямец: как приедем, сразу отпускает возницу. То ли всякий раз надеялся, что кто-нибудь нас подвезет на обратном пути, то ли боялся, что возница не приедет к назначенному часу. Помню, раз мы остались с носом. Знаете, это даже символично: все уехали, а мы со Слоником остались, стоим в кромешной тьме и ждем: может, кто заберет нас оттуда. Так и не дождались.

Она выпила еще. Откинулась на поднятую крышку стульчака, головой прислонилась к стене, взглянула на пустой соседний «трон» и закрыла глаза.

«Помнится, Слоник, мы ездили с тобой на приемы и вечера, ты бывал так галантен: брал меня под руку при входе в зал, помогал выйти из экипажа. А когда все разъезжались и ждали, кто машину, кто коляску, ты тоже брал меня под руку. Так мы и стояли. Рядом, как и наши „троны“. А что теперь, Слоник? Поставят рядом наши урны с прахом?

Нет-нет, Слоник, я не плачу. Мне нельзя плакать. Завтра мне нужно хорошо сыграть на людях. И послезавтра, в среду. И в четверг.

Только одно хочу понять, Слоник: ты и вправду считал меня хорошей женой? Если вправду, почему ж тогда ты меня бросил? Бросил меня здесь? Одной мне страшно, Слоник. Я знаю, нельзя поддаваться слабости и пускать в душу страх… но ведь теперь я „в слезах, одна и меж чужих хлебов“. И до той поры встречать мне рассветы и закаты одной. Невыносимо. Но плакать я не буду и вынесу все, пока еще не знаю как. Слоник, возьми меня за руку и уведи отсюда, умоляю тебя, Слоник, возьми меня с собой! Слоник! Слоник!

Ты ушел и обрел дом, а меня бросил здесь на чужбине!»